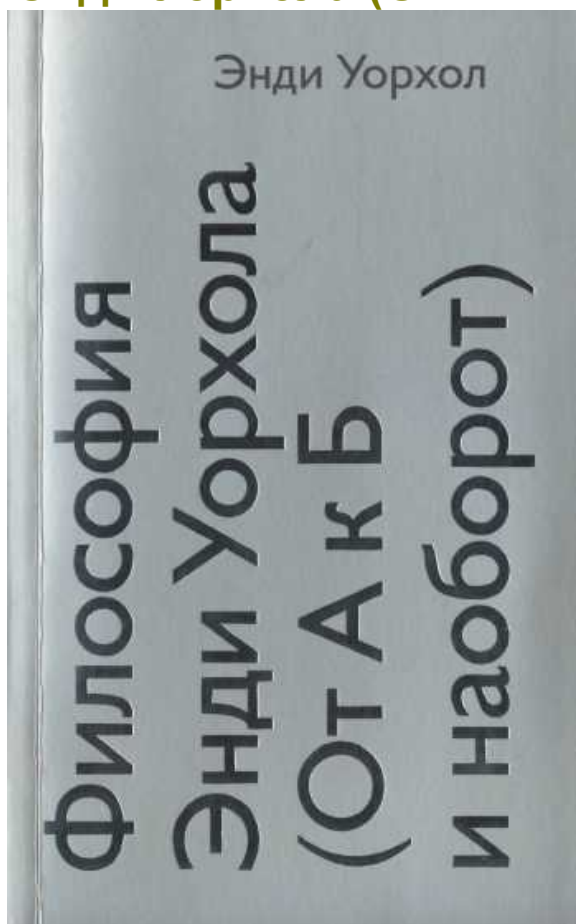

Сканирование и форматирование: [Янко Слава](#) (Библиотека [Fort/Da](#)) || slavaaa@yandex.ru || yanko_slava@yahoo.com || <http://yanko.lib.ru> || lscq# 75088656 || Библиотека: <http://yanko.lib.ru/gum.html> ||
update 15.11.05

The Philosophy of Andy Warhol (From A to B and Back Again) by Andy Warhol

Энди Уорхол

Философия Энди Уорхола (От А к Б и наоборот)

Москва
Д. Аронов
2002

ББК 85.14 УДК 7.071 У64
THE PHILOSOPHY OF ANDY WARHOL
© 1975 The Andy Warhol Foundation All rights reserved
ФИЛОСОФИЯ ЭНДИ УОРХОЛА
© 2001 Д.Аронов Все права защищены
ISBN 5-94056-006-7

Электронное оглавление

Электронное оглавление

Содержание

Б и я: как Энди превращается в Уорхола

1. Любовь (Отрочество)

2. Любовь (Расцвет)

3. Любовь (Старость)

4. Красота

5. Слава

6. Работа

7. Время

О времени

8. Смерть

9. Экономика

10. Атмосфера

11. Успех

12. Искусство

13. Титулы

14. Лоск

15. Власть белья

*Посвящается Пэт Хэкет, за умелое извлечение и редактирование моих мыслей;
Прекрасной Бриджит Полк за то, что была на другом конце телефонного провода;
Бобу Колачелло за то, что он собрал все вместе;
и Стивену М.Л.Аронсону, замечательному редактору*

Содержание

Б и я: Как Энди превращается в Уорхола

С тем, что написано о тебе, не поспоришь 11

1 Любовь (Отрочество)

Детские годы чеха. Летние заработки. Чувство одиночества. Делиться проблемами. Я заражаюсь проблемами. Моя собственная проблема. С кем я снимал квартиры. Психиатр так и не перезвонил. Мой первый телевизор. Моя первая сцена. Моя первая суперзвезда. Моя первая аудиокассета 25

2 Любовь (Расцвет)

Падение и взлет моей любимой девушки 60-х 35

3 Любовь (Старость)

Какие факты жизни надо узнавать в сорок лет. Моя идеальная жена. Телефонная девушка моей мечты. Ревность. Тусклый свет и зеркала. Секс и ностальгия. Трансвеститы. Романтические отношения — это трудно, но секс — труднее. Фригидность 41

4 Красота

Мой автопортрет. Постоянные проблемы красоты, временные проблемы красоты: как с ними поступать. Красота чистоты. Привлекательность обыкновенности. Как сохранить красоту. Красивое однообразие 57

5 Слава

Моя аура. Телевизионная магия.

Не тот человек на ту роль. Фанаты и фанатики.

Элизабет Тейлор 71

6 Работа

Арт-бизнес против бизнес-искусства. Мои ранние фильмы. Почему мне нравятся отходы. Жизнь — это работа. Секс — это работа. Как глядеть в глаза девушки. Полная комната сладостей 83

7 Время

Время у меня на руках. Время в промежутках времени. Ожидание в очереди. Время на улице. Время в самолете. Недостаток гормонов. Почему я стараюсь так плохо выглядеть. Как приходить вовремя. Элизабет Тейлор 99

8 Смерть

Все о ней 111

9 Экономика

Ротшильдовская история. Круглосуточные аптеки.

Как купить друзей. Настольная чековая книжка.

Пенни, пенни, пенни. Пенни Джини Лоллобриджиды 115

10 Атмосфера

Пустые пространства. Искусство как мусор. Четыре тысячи шедевров Пикассо. Моя техника раскраски. Конец моего искусства. Возрождение моего искусства. Пространство запахов. Прелести сельской жизни, и почему она не для меня. Дерево старается вырасти в Манхеттене. Старая добрая американская закусочная. Друг Энди 127

11 Успех

Звезды на лестнице. Почему каждому нужен хотя бы один парикмахер. Поптарты. Урсула Андресс. Элизабет Тейлор 147

12 Искусство

Гран-при. Новое искусство. Как резать салями. Очарование риска. Noli Me Tangere. Холодная рыба 157

13 Титулы

Европейские смешанные браки. Фрейлины. Кто кого гоняет. Подбородки от шампанского и животы от пива 169

14 Лоск

Как заниматься уборкой по-американски 179

15 Власть белья

Что я делаю по субботам, когда моя философия заканчивается 209

А: *Только маленький кусочек... меньше... еще меньше*

Б и я: как Энди превращается в Уорхола

А: Я *никогда не звонил в службу передачи телефонных сообщений*

Я просыпаюсь и звоню Б.

Б — любой, кто помогает мне убить время.

Б — никто, и я никто. Б и я.

Б мне нужно, потому что я не могу быть один. Разве что когда сплю. В это время я не могу быть ни с кем.

Я просыпаюсь и звоню Б.

«Привет».

«А? Подожди, я выключу телевизор. И пописаю. Я приняла мочегонное и теперь писаю каждые пятнадцать минут».

Я подождал, пока Б пописает.

«Давай, — сказала она наконец, — я только что проснулась. У меня во рту пересохло».

«Я просыпаюсь каждое утро. Открываю глаза и думаю: ну вот, опять начинается».

«А я встаю, потому что мне надо пописать».

«Я никогда не засыпаю снова, — сказал я. — Мне кажется, что это опасно. День жизни — это как телепрограмма на весь день. Телевидение никогда не покидает эфир: как включится с утра — так на весь день, вот и я тоже. К концу дня весь день превращается в кинофильм. В кино, снятое для телевидения».

«Я смотрю телевизор с той самой минуты, как встаю, — сказала Б. — Я смотрю на синий фон канала „Эн-Би-Си“, потом переключаю на другую программу и смотрю на фон другого цвета, смотрю, какой цвет лучше подходит к оттенкам кожи на лицах ведущих. Я запоминаю кое-какие словечки Барбары Уолтерс, чтобы вставить их в твоё будущее телешоу».

Б имела в виду мои грандиозные, но не реализованные планы: собственное регулярное телешоу. Я хотел назвать его «Ничего особенного».

«Я просыпаюсь по утрам, — сказала она, — и рассматриваю узоры на обоях. Здесь серенькое, там цветочек, а там черные пятнышки вокруг цветка, и я думаю: это что, обои от Билла Бласса? Они так же знамениты, как какие-нибудь картины. Знаешь, что ты должен сделать сегодня, А? Ты должен найти лучшую в Нью-Йорке оберточную бумагу и составить из нее портфолио. Или заказать ткань с таким же рисунком, а потом пойти к обойщику и обить ею стул. Можно выстегать цветочки. А еще можно положить подушку. Со стулом ты можешь сделать куда больше, чем с картиной».

13

«Эта сумка с сорока фунтами риса, которую я купил в панике, все еще стоит у меня рядом с кроватью, — сказал я.

«Моя сумка тоже, только она весит восемьдесят фунтов и к тому же бесит меня, потому что не подходит к занавескам».

«У меня пятна на подушке».

«Может, среди ночи ты лег на подушку и у тебя началась менструация?» — сказала Б.

«Мне надо снять мои крылышки». — У меня их пять: по одному — под каждым глазом, по одному — на каждом уголке рта и одно — на лбу.

«Повтори, что ты сказал».

«Я сказал, что мне надо снять крылышки».

Неужели Б смеялась над моими крыльями? «Каждый день

— это новый день, — сказал я. — Потому что я не могу вспомнить, что было вчера. Так что я благодарен своим крылышкам».

«О, господи, — вздохнула она. — Каждый день — действительно новый день. Завтрашний день не очень важен, и вчерашний был не так уж важен. На самом деле, я думаю о сегодняшнем дне. И первое, что я думаю о сегодняшнем дне,

— как мне сэкономить доллар-другой. Я лежу в постели и жду, пока мне позвонит кто-нибудь из тех, кому я хочу позвонить сама. Так я экономлю по меньшей мере десять центов».

«Я сразу выпрыгиваю из постели. Шаркаю ногами, подпрыгиваю, встаю на цыпочки, танцую кекуок — делаю что угодно, только бы не наступить на вишни в шоколаде, рассыпанные по полу, как мины. Но на одну вишню я всегда наступаю. Ощущаю, как шоколад...»

«МНЕ НЕ СЛЫШНО. Я НЕ ПОНИМАЮ, ЧТО ТЫ ГОВОРИШЬ!»

«Я говорю, что понимаю: мне нравится это ощущение».

«Я встаю и иду на цыпочках. Я боюсь разбудить гостей, которые остались у меня ночевать — еще так рано, и я ненавижу, когда я подскальзываюсь на вишне в шоколаде, потому что мне это напоминает, как будто на что-то намазываешь мед, а потом, о боже, нож остается грязным, и мед капает на ковер, ты знаешь, как мед всегда растекается. Лучше бы мед можно было выдавливать — как кетчуп в придорожном кафе».

«Я поползаю до ванной комнаты, потому что не могу шаркать ногами, прыгать, ходить на цыпочках

и танцевать кекуок с

14

вишней в шоколаде между пальцами ноги. Подхожу к раковине. Медленно выпрямляюсь и опираюсь руками о бортики».

«Я не так делаю, — сказала Б. — Я зажимаю вишню в шоколаде между пальцами ноги, а потом сажусь в позу йога и пытаюсь поднести ступню ко рту, чтобы слизать остатки вишни в шоколаде. Потом я прыгаю в ванную, чтобы еще больше не размазать все это по полу. Когда добираюсь до ванной, задираю ногу в раковину и мою ее».

«Я всегда уверен, что сейчас посмотрю в зеркало и ничего не увижу. Все меня называют зеркалом, а если зеркало посмотрит в зеркало, на что оно будет смотреть?»

«А я, когда смотрюсь в зеркало, знаю только, что я себя вижу не так, как другие видят меня».

«Почему это, Б?»

«Потому что я смотрю на себя такую, какой хочу себя видеть. Делаю разные выражения лица только для себя. Не строю таких гримас, как при посторонних. Не кривлю рот, произнося: „Деньги?“»

«О нет, Б, пожалуйста, только не о деньгах». Б — богата, поэтому, конечно, у нее все мысли об одном.

Один критик назвал меня «Само ничто», и это совсем не укрепило меня в ощущении собственного существования. Потом я понял, что само по себе существование ничего не значит, и почувствовал себя лучше. Однако меня все еще преследует мысль о том, что я посмотрю в зеркало и никого не увижу, только пустоту.

«Меня преследует мысль, — сказала Б, — что я посмотрю в зеркало и скажу: „Я этому не верю“. Как получается, что у меня такое паблисити? Как я могу быть одной из самых знаменитых людей в мире? Только посмотри на меня!»

«День за днем я смотрю в зеркало и все-таки что-то вижу — новый прыщ. Если прыщ в верхней части правой щеки прошел, новый появляется внизу левой щеки, на подбородке, рядом с ухом, на кончике носа, под волосами брови, прямо на переносице. Я думаю, это один и тот же прыщ, который просто передвигается с места на место». Я говорил правду. Если бы кто-нибудь спросил у меня: «Какая у тебя проблема?», мне бы пришлось ответить: «Кожа».

«Я макаю ватный тампон „Джонсон и Джонсон“ в спиртовой лосьон „Джонсон и Джонсон“ и протираю им прыщ.

15

Пахнет так хорошо. Так чисто. Так холодно. А пока спирт высыхает, я думаю ни о чем. Ведь ничто — это всегда модно. Всегда стильно. Ничто — совершенно, в конце концов, Б, это противоположность пустоты».

«Для меня практически невозможно думать ни о чем, — сказала Б. — Я не могу об этом думать, даже когда сплю. Вчера ночью мне приснился самый плохой сон в моей жизни. Самый страшный кошмар. Мне снилось, что я была на каком-то собрании, а у меня было заказано место в самолете, чтобы вернуться домой, но никто не хотел меня туда отвезти. Вместо этого меня все время отвозили в один и тот же дом на благотворительную выставку, где я должна была подниматься по лестнице, чтобы посмотреть картины. А впереди меня шел человек, который все время повторял: „Обернитесь! Вы еще этого не видели“. Я отвечала: „Да, сэр!“ Это была стена, закруглявшаяся вдоль винтовой лестницы, выкрашенная в желтый цвет снизу доверху, и он сказал: „Ну вот, это и есть картина“. Я сказала: „А-а...“ Потом я ушла с человеком в сером костюме с чемоданом в руках, который спустился, чтобы сунуть еще пятнадцать центов в счетчик парковки, но его машина оказалась не машиной, а диваном, так что я поняла, уж он-то меня никуда не отвезет. Тогда я попыталась остановить машину „скорой помощи“. В конце концов мне пришлось вернуться на эту выставку. Другой человек потащил меня посмотреть картину и сказал: „Вы еще не все посмотрели“. Я ответила: „Я все видела“. Он сказал: „Но вы не видели, как человек внизу платит пятнадцать центов за парковку машины“. Я сказала: „Ха, это не машина, а диван. Как я доеду до аэропорта на диване?“ Он спросил: „Разве Вы не видели, как он вынимает из кармана черный блокнот и записывает туда пятнадцать центов? Он сказал, что это самое продолжительное мероприятие, на котором он когда-либо присутствовал. Это удержание налогов. Это и есть произведение искусства. Это его произведение — уплата пятнадцати центов за парковку дивана“. Тогда я поняла, что у меня нет денег заплатить за забронированное место в самолете — я уже четыре раза делала заказ и отменяла его. Поэтому я пошла к сколоченному из досок домику рядом с пляжем и стала собирать ракушки. Я хотела проверить, смогу ли я забраться внутрь одной поломанной ракушки, и я по-

16

пробовала, действительно попробовала. Мне удалось засунуть туда макушку и заколку, через дырочку. Прядь волос и заколку. Я вернулась на выставку и сказала: „Не могли бы вы приделать пропеллер к дивану этого человека, чтобы я добралась до аэропорта?“»

У этой Б было что-то на уме. Иначе к чему бы ей приснился такой сон?

«Мне вчера ночью тоже приснился кошмар, — сказал я. — Меня отвезли в клинику. Я будто бы участвовал в благотворительной акции для людей-уродов, людей, которые родились без носов, людей, которые обматывали лица целлофаном, потому что под целлофаном ничего не было. В клинике был некий ответственный, который пытался объяснить, какие у этих людей проблемы, какие привычки, а я просто стоял там, был вынужден слушать и хотел только, чтобы все это закончилось. Потом я проснулся и подумал: „Пожалуйста, пожалуйста, пусть я буду думать о чем-нибудь другом. Я просто хочу повернуться на другой бок и подумать о чем-нибудь другом, о чем угодно“, и повернулся на другой бок, и задремал, и кошмар вернулся! Это было ужасно».

«Главное — думать ни о чем, Б. Слушай, ничто — заманчиво, ничто — сексуально, ничто — не стыдно. Я только тогда хочу быть чем-то, когда со стороны смотрю на вечеринку, — хочу быть чем-то, чтобы попасть на нее».

«Три из пяти вечеринки — сплошное занудство, А. Я всегда вызываю свою машину пораньше, чтобы сразу уехать, если буду разочарована».

Я мог бы сказать ей, что если что-то меня разочаровывает, я знаю, что это — не ничто, потому что ничто не разочаровывает.

«Когда спиртовой лосьон высыхает, — говорю я, — я готов воспользоваться мазью телесного цвета от угрей и прыщей, ее цвет непохож ни на одно человеческое тело, которое я когда-либо видел, хотя подходит к моей коже».

«Я в таких случаях пользуюсь ватной палочкой „Кью-тип“, — сказала Б. — Знаешь, я здорово завожусь, когда засовываю „Кью-тип“ в ухо. Я обожаю чистить уши. Меня действительно возбуждает комочек серы».

«Ну ладно тебе, Б. Так вот, прыщ прикрыт. Но прикрыт ли я? Мне приходится выискивать дальнейшую информацию в

17

зеркале. Ничего не пропущено. Все на месте. Бесстрастный взгляд. Дифрагирующая грация...»

«Что?»

«Унылая томность, изможденная бледность...»

«Что-что?»

«Шикарная ублюдочность, глубоко пассивное удивление, завораживающее тайное знание...»

«ЧТО?»

«Ситцевая радость, разоблачающие тропизмы, меловая маска злого эльфа, слегка славянский вид...»

«Слегка...»

«Детская, с жвачкой во рту, наивность; великолепие, коренящееся в отчаянии; самовлюбленная беспечность; доведенная до совершенства непохожесть на других; худосочие; мрачная, несколько зловещая аура полового извращения; неяркая приглушенная магическая импозантность; кожа и кости...»

«Постой, подожди минутку, мне надо пописать».

«Меловая кожа альбиноса. Похожая на пергамент. На кожу рептилии. Почти голубая...»

«Прекрати! Мне нужно пописать!!»

«Узловатые колени. Географическая карта шрамов. Длинные костистые руки, такие белые, будто их отбеливали. Бросающиеся в глаза кисти рук. Глаза с булавочную головку. Уши-бананы...»

«Уши-бананы? О, А!!!»

«Серые губы. Мягкие, растрепанные серебристо-белые волосы, с металлическим отливом. Шейные сухожилия, выпирающие вокруг большого „адамова яблока“. Все на месте. Ничего не пропущено. Я — это все то, что перечислено в газетных вырезках моего альбома».

«Теперь-то я могу пописать, А? Я только на секундочку».

«Сначала скажи, правда у меня такое большое „адамово яблоко“, Б?»

«Просто у тебя в горле комок. Пососи леденец».

Когда Б вернулась, пописав, мы сравнили технику макияжа. Я на самом деле не пользуюсь макияжем, но покупаю косметику и много о ней думаю. Косметику так широко рекламируют, что ее нельзя совсем игнорировать. Б так долго трепалась о всех своих «кремах», что я спросил ее: «Тебе нравится, когда мужчины кончают тебе в лицо?»

18

«А это омолаживает?»

«Разве ты не слышала про таких женщин, которые приглашают пареньков в театр и дробят их, чтобы потом размазать все это по лицу?»

«Они втирают это как крем для лица?»

«Да. Это вроде как стягивает кожу, и она выглядит моложе весь вечер».

«Правда? Ну я пользуюсь своими средствами. Так лучше. Так я могу все сделать дома, до того как выхожу вечером. Я брею подмышки, брызгаюсь дезодорантом, мажу кремом лицо, вот я и готова на вечер».

«А я не бреюсь. Я не потею. Я даже не гажу», — сказал я. И подумал: что Б на это скажет?

«Тогда в тебе, наверное, полно дерьма, — сказала она. — Ха-ха-ха».

«После того как я проверю себя в зеркале, я натягиваю белье „Би-Ви-Ди“. Нагота — угроза моему существованию».

«А для моего нет, — сказала Б. — Я сейчас стою здесь совершенно голая, смотрю на растяжки на грудях. А сейчас изучаю шрам сбоку, оставшийся после абсцесса грудины. А теперь — шрам на ноге, он с тех пор как я упала в саду в шесть лет».

«Как насчет *моих* шрамов?»

«Что насчет твоих шрамов? — спросила Б. — Вот что я тебе скажу насчет твоих шрамов. Я думаю, что ты поставил „Франкенштейна“ только для того, чтобы использовать свои шрамы в рекламе. Ты заставил свои шрамы работать на тебя. А почему нет? Они — лучшее, что у тебя есть, потому что они — доказательство чего-то. Я всегда считаю, что хорошо иметь доказательства».

«А что они доказывают?»

«Что в тебя стреляли. Что с тобой случился величайший оргазм в твоей жизни».

«Что случилось?»

«Это произошло так быстро, словно вспышка».

«*Что* произошло?»

«Помнишь, как ты стеснялся в больнице, когда монашки увидели тебя без твоих крылышек. И ты снова начал коллекционировать разные вещи. Монашки заинтересовали тебя коллекционированием марок, ты их собирал, когда еще был ребенком. А еще они заинтересовали тебя монетами».

19

«Но ты не сказала мне, что случилось». Я хотел, чтобы Б мне все разжевала. Если кто-то другой говорит об этом, я слушаю, слышу слова и думаю, может, это все правда.

«Ты просто лежал и Билли Нейм стоял над тобой и плакал. А ты все время просил его не смешить тебя, потому что было больно смеяться».

«И..?»

«Ты лежал в отделении реанимации, получал открытки и подарки ото всех, от меня в том числе, но не хотел, чтобы я пришла к тебе, потому что боялся, что я стяну твои таблетки. И ты сказал, что подумал тогда: близость смерти похожа на близость жизни, потому что жизнь — это ничто».

«Да, да, но как это случилось?»

«Основательница Общества оскопления мужчин хотела, чтобы ты поставил фильм по ее сценарию, а ты отказался, и как-то днем она просто пришла в твою мастерскую. Там была масса народа, а ты говорил по телефону. Ты не очень хорошо ее знал, а она вышла из лифта и начала стрелять. Твоя мама была так напугана. Ты думал, она от этого умрет. Твой брат, тот, который священник, держался великолепно. Он зашел в палату и стал показывать тебе, как вышивать по канве. Я научила его этому в коридоре!»

Так значит, вот как в меня стреляли?

Почему-то мысль о Б и о том, что я вышивал... «Не только косметика, но и одежда делает человека человеком, — сказал я. — Я верю в униформу».

«Я обожаю униформу. Потому что если внутри тебя ничего нет, одежда не сделает тебя человеком. Лучше всегда носить одно и то же и знать, что люди тебя любят за то, какой ты есть на самом деле, а не за то, каким тебя делает одежда. Во всяком случае, интереснее смотреть, где люди живут, а не что носят. Я имею в виду, лучше рассматривать их одежду, когда она висит у них на стульях, а не на теле. Люди просто обязаны вывешивать всю свою одежду напоказ. Ничего не должно быть спрятано, кроме таких вещей, которые не должна видеть твоя мама. Это единственная причина, по которой я боюсь смерти».

«Почему?»

«Потому что мама придет ко мне сюда и найдет вибратор и то, что я писала про нее в дневнике».

20

«Я еще верю в джинсы».

«Джинсы от Леви Стросс — самые удобные, самые красивые штаны, которые когда-либо кем-либо были придуманы. Никто не создаст ничего лучше настоящих джинсов. Их нельзя покупать старыми, их надо купить новыми и надо их как следует поносить. Чтобы они приобрели вид. Их нельзя отбеливать или что-то еще делать. Помнишь тот маленький кармашек? Такой сумасшедший маленький-маленький кармашек, как для золотой монеты в двадцать долларов».

«А французские джинсы?»

«Нет, самые лучшие — американские. От Леви Стросс. С маленькими медными пуговицами или с заклепками — на вечер».

«Как ты их чистишь, Б?»

«Стираю»

«Ты их гладишь?»

«Нет, я пользуюсь ополаскивателем для тканей. Единственный человек, который их гладит, — Джеральдо Ривера».

От этого разговора о джинсах я начал сильно завидовать. Леви и Строссу. Если бы я только мог изобрести что-нибудь похожее на джинсы. Что-нибудь, за что меня бы помнили. Что-нибудь массовое.

Я услышал, как говорю: «Я хочу умереть в джинсах».

«Ой, А — вдруг воодушевилась Б. — Тебе бы стать президентом! Если бы ты был президентом, кто-нибудь другой исполнял бы обязанности президента за тебя, правильно?»

«Точно».

«Ты бы очень подошел на пост президента. Ты бы все записывал на видеопленку. У тебя бы было ежевечернее ток-шоу — твое собственное, президентское. Приходил бы кто-нибудь другой, который работал президентом за тебя, и читал бы твой дневник народу, каждый вечер по полчаса. И эта программа „Что президент сделал сегодня“ выходила бы в эфир перед новостями. Тогда не было бы трепа насчет того, что президент ничего не делает или просто просиживает кресло. Ему бы пришлось каждый день рассказывать нам, что он делал, занимался ли сексом с женой... Ты должен будешь рассказывать, как ты играл со своим псом Арчи — прекрасное имя для домашнего любимца президента, какие законопроекты тебе пришлось подписать и почему ты не хотел их

21

подписывать, кто тебя обхамил в Конгрессе... Ты должен будешь сообщать, сколько международных телефонных звонков сделал за день. Тебе придется рассказывать, что ты ел в своей персональной столовой и показывать на телеэкране чеки, по которым ты заплатил за свою еду. В Кабинет министров ты бы набрал людей, которые не имеют отношения к политике. Роберт Скалл стал бы министром экономики, потому что он знает, когда вовремя купить и втридорога продать. Вокруг тебя никогда не толклись бы политики. Ты бы сам повсюду ездил и делал видеозаписи. Ты бы показывал свои встречи с иностранцами по телевидению. А написав письмо какому-нибудь члену Конгресса, ты бы делал ксерокопии и рассылал их по газетам.

Из тебя получился бы очень симпатичный президент. Ты не занимал бы слишком много места, у тебя был бы крошечный офис, как твой теперешний. Ты изменил бы законодательство, чтобы иметь право оставлять себе все, что тебе подарят за время президентства, потому что ты — Коллекционер. И ты был бы первым неженатым президентом. А в конце концов ты прославился бы, написав книгу „Как я управлял страной, даже не пытаясь это делать“. Или, если такое название не слишком благозвучно, назови ее „Как я управлял страной с вашей помощью“. Это, наверное, продавалось бы лучше. Только подумай, если бы ты сейчас был президентом, больше не было бы Первой леди. Только Первый человек в стране.

В Белом доме у тебя не было бы постоянной прислуги. Какая-нибудь Б приходила бы чуть пораньше, чтобы прибраться. А потом другие Б съезжались в Вашингтон посмотреть на тебя, точно так же как они приезжают к тебе сейчас посмотреть на твою Фабрику [студию Э.Уорхола — *Ред.]. Там все было бы пуленепробиваемое, так же как на Фабрике. Посетителям пришлось бы пробираться мимо твоих парикмахерш. А свою самую личную парикмахершу ты бы брал с собой. Представляешь ее в дутой куртке, всегда готовую к бою? Ты понимаешь, что нет причины, по который ты не мог бы быть президентом Соединенных Штатов? Ты знаешь всех важных персон, которые тебя поддержат, все общество, всех состоятельных людей, а только это и надо любому человеку, чтобы стать президентом. Не знаю, почему ты не выдвинешь свою кандидатуру прямо сейчас. Тогда бы люди знали, что ты — не*

22

клоун. Я хочу, чтобы ты говорил каждый раз, как увидишь себя в зеркале: „Политика: Вашингтон, округ Колумбия“. Я имею в виду, перестань дурачиться с Ротшильдами. Забудь об этих долгих поездках в Монтаук в „роллс-ройсах“. Подумай о небольшой прогулке на вертолете до Кэмп-Дэвида. Вот это была бы поездка. Было бы здорово. Ты представляешь себе возможности Белого дома? А, ты ведь занимался политикой с того дня, как мы с тобой познакомились. Ты все делаешь как политик. Политика — это ведь и плакат с лицом Никсона и надписью „Голосуйте за МакГоверна“».

«Идея в том, что можно голосовать и так, и так».

«Значит, я могла бы голосовать за Энди Уорхола, если бы ты поместил на плакате лицо Джаспера Джонса».

«Конечно».

«Значит, начиная с этой минуты, наш лозунг „Поддержим Энди Уорхола“».

«Ладно, можешь записать его».

«Мы все в стране начнем с нуля. Можем снова загнать индейцев в резервации ткать ковры и искать бирюзу. А еще мы можем отправить Роттен Риту и Ондина на золотые прииски. Представляешь себе Голубую гостиную с банками супов „Кэмпбелл“ вдоль стен? Это то, на что следует смотреть главам иностранных держав, — банки кэмпбелловского супа, Элизабет Тэйлор и Мэрилин Монро. Это и есть Америка. Вот что должно быть в Белом доме. И подавали бы мороженое „Долли Мэдисон“. А, попробуй посмотреть на себя так, как другие на тебя смотрят».

«Как на президента?»

«Ой, это было бы так мило, зимой ты одевал бы коричневую шляпу, а Арчи валялся бы в офисе на твоём пальто». «Хм-м-м...»

«Только представь, как ты проделываешь все, что делаешь обычно по утрам — например, снимаешь крылышки, но в Белом доме».

«Ох, послушай. Мы так долго разговаривали, что я до сих пор не снял свои крылышки».

«Спусти их в туалет».

«Ладно».

«А, если тебе не удастся занять пост президента, ты можешь стать таможенником».

23

«Что? Почему?»

«Вспомни, как тебя обыскали на таможне. Твоя сумка была набита шоколадками, печеньем, жевательной резинкой. И они засмеялись. Ты не ел ничего, кроме сладостей. Ты был самым большим сластолюбом из всех, кого я когда-либо знала. А теперь у тебя проблемы с желчным пузырем, и тебе приходится принимать большие белые пилюли перед едой. Я все время тебе твержу, чтобы ты его удалил».

«Мне надо покрасить волосы. Я еще не сделал этого сегодня».

«Ты так много времени проводишь дома, возишься с цветом волос, ресницами и бровями. Когда мы говорим по телефону, я всегда слышу, как где-то у тебя другая Б орет: «Я сейчас выброшу этот „Клэррол-07"!» Не думаю, что следует выбрасывать краску для волос, но, по-моему, тебе лучше покрасить обе брови в одинаковый цвет. Если ты остаешься дома и не приходишь на Фабрику, это означает, что ты, наверное, отдал свой парик в химчистку или перекрашиваешь его. Сзади твой парик всегда такой взъерошенный, что хочется его пригладить. Иногда у меня возникает желание сдернуть парик у тебя с головы, но почему-то я никогда не могу этого сделать. Я знаю, тебе было бы больно».

«Пока, Б».

24

1. Любовь (Отрочество)

А: *Мне нравится твоя квартира.*

Б: *Квартира хорошая, но места хватает только для одного или для двоих, если они очень близки.*

А: *Ты знаешь двух очень близких людей?*

В какой-то момент своей жизни, в конце 50-х, я почувствовал, что заражаюсь проблемами своих знакомых. Один мой друг безнадежно влип в роман с замужней женщиной, другой признался, что он гомосексуалист, а женщина, которую я обожал, проявляла явные симптомы шизофрении. Я никогда не думал, что у меня есть проблемы, потому что я никогда не пытался их точно определить, но теперь я почувствовал, что проблемы друзей внедряются в меня, как микробы.

Я решил пройти курс лечения у психиатра, как и многие мои знакомые. Я чувствовал, что следует определить хоть бы часть моих собственных проблем — конечно, если окажется, что они у меня есть, а не просто разделять проблемы друзей, страдая вместе с ними.

В детстве со мной трижды случалось нервное расстройство с промежутком в один год. Первое — в восемь лет, второе — в девять, третье — в десять. Приступы — пляска Святого Витта — всегда начинались в первый день летних каникул. Не знаю, что это означало. Потом я проводил все лето, слушая радио и валяясь в постели с куклой Чарли МакКарти и невырезанными куклами из альбомов для вырезания, разбросанными по одеялу.

Отец часто уезжал в командировки на угольные шахты, так что я виделся с ним редко. Мама, стараясь изо всех сил, читала мне вслух, своим тягучим чешским акцентом, и я всегда говорил: «Спасибо, мам», когда она заканчивала очередную историю про Дика Трейси, даже если не понимал ни слова. Она давала мне шоколадный батончик «Херши» каждый раз, когда я докрашивал страницу в своей книжке-раскраске.

Вспоминая свои школьные годы, я, честно говоря, только и могу припомнить что долгий путь в школу через чешский квартал МакКиспорта, Пенсильвания, с его «babushkas» и развешенным на веревках бельем. Меня не особо любили в школе, но несколько хороших приятелей все же было. Я ни с кем близко не дружил, хотя думаю, что хотел этого, потому что когда видел, как ребята рассказывают друг другу о своих проблемах, я чувствовал, что никому не нужен. Никто не делился со мной своими секретами — наверное, я не вызывал желания посекретничать со мной. Каждый день мы шли через мост, под которым валялись использованные презервативы. Я всегда спрашивал, что это такое, и все смеялись.

27

Как-то летом я работал в универмаге — просматривал «Вог», «Харперс Базар» и другие европейские журналы мод для замечательного человека по имени мистер Волмер. Я получал около 50 центов в час, и работа моя заключалась в поиске «идей». Не помню, чтобы я отыскал какую-нибудь идею или чтобы идея пришла ко мне. Мистер Волмер был моим кумиром — он

приехал из Нью-Йорка, а это казалось таким заманчивым. Сам я, кстати, и не думал, что когда-нибудь туда отправлюсь.

Но когда мне было восемнадцать, один мой приятель буквально засунул меня в крогеровскую хозяйственную сумку и отвез в Нью-Йорк. Я все еще хотел иметь близких друзей. Я постоянно вместе с кем-то из знакомых снимал квартиру, надеясь, что мы подружиться и будем делиться проблемами, однако всегда обнаруживал, что они интересуются другим человеком лишь с целью переложить на него часть своей квартирной оплаты. Однажды я жил вместе с семнадцатью разными людьми в квартире полуподвала на углу 103-й стрит и Манхеттен авеню, и ни один из этих семнадцати не делился со мной настоящей проблемой. Эти ребята тоже были народ творческий — у нас было что-то вроде коммуны художников, так что я уверен, у них наверняка было полно проблем, но никогда не слышал ни об одной из них. На кухне часто разгорались ссоры из-за куска колбасы в холодильнике, — вот, пожалуй, и все. Я тогда очень много работал, так что, наверное, у меня и не было бы времени слушать про их проблемы, даже если бы они мне что-то и рассказали, но я все равно чувствовал себя отвергнутым и обиженным.

Я целыми днями бродил по городу в поисках заказов, а работал ночами дома. Вот такая жизнь была у меня в 50-е годы: поздравительные открытки, акварели и поэтические вечера в кофейне.

Что я чаще всего вспоминаю из тех дней, помимо долгих часов, проведенных за работой, так это тараканов. Каждая квартира, где мне тогда довелось пожить, кишела ими. Я никогда не забуду, какое это было унижение принести в кабинет Кармел Сноу в «Харперс Базар» свое портфолио, открыть его и увидеть, как оттуда вылезает таракан и ползет по ножке стола. Кармел пожалела меня и дала работу.

28

Так вот, у меня было невероятно много товарищей по квартире. Вплоть до сегодняшнего дня почти каждый раз, когда я в Нью-Йорке вечером выхожу куда-нибудь, чтобы развлечься, я натываюсь на кого-то из них, и они неизменно объясняют моему спутнику: «Я раньше жил с Энди». Я всегда белею при этом, то есть становлюсь бледнее чем обычно. Когда эта сцена повторяется несколько раз, мой спутник не может понять, как мне удалось пожить со столькими людьми, поскольку знают меня исключительно как одинокого парня, каким я теперь стал. Конечно, те, кто представляет меня типичным любителем светской жизни 60-х годов, всегда приходящим на вечеринки со «свитой» минимум из шести персон, могут недоумевать почему я называю себя «одиноким парнем», так что позвольте мне объяснить, что я имею в виду на самом деле и почему это правда. В те периоды моей жизни, когда я чувствовал себя весьма общительным и искал близкой дружбы, я не мог найти людей, которым это было нужно, поэтому именно тогда, когда я больше всего не хотел быть один, я им был. Но как только я решил, что лучше останусь один и пусть никто не рассказывает мне о своих проблемах, все, кого я никогда в жизни раньше не видел, начали гоняться за мной, чтобы рассказать мне то, о чем я как раз принял решение не слушать. Как только я стал в своем сознании одиноким человеком, у меня и появилось то, что можно назвать «свитой».

Как только перестаешь чего-то хотеть, ты сразу это получаешь. Я выяснил, что это абсолютная аксиома.

Поскольку я чувствовал, что заражаюсь проблемами своих друзей, я пошел к психиатру, в Гринвич Виллидж, и рассказал ему все о себе. Я поведал ему историю своей жизни, рассказал о том, что у меня нет никаких собственных проблем, и что я вбираю в себя проблемы моих друзей, а он сказал, что позвонит мне и назначит следующий сеанс, чтобы мы могли поговорить обо всем подробнее, но так и не позвонил. Когда я об этом вспоминаю, я понимаю, что он поступил недостойно профессионала, сказав, но не сделав этого. По дороге от психиатра я зашел в магазин «Мейсис» и вдруг купил свой первый телевизор, 19-дюймовый черно-белый телевизор марки «Эр-Си-Эй». Я принес его к себе в квартиру на 75-й Ист-стрит, где жил тогда совершенно один,

29

и сразу же забыл о психиатре. Телевизор у меня был включен все время, особенно, когда люди рассказывали мне о своих проблемах, и я обнаружил, что телевизор развлекает меня как раз настолько, чтобы проблемы, о которых мне говорили, больше не липли ко мне. Это было своего рода какое-то волшебство.

Моя квартира находилась над «Баром Красоток Ширли», куда приходила Мабл Мерсер, чтобы побывать в трущобах и спеть «Ты так прелестна» (You're So Adorable), и телевидение помогло мне взглянуть на все это совершенно с иной точки зрения. В этом пятиэтажном здании без лифта у меня была сначала квартира на пятом этаже. Потом освободилась квартира на втором этаже и я ее тоже снял, так что в моем распоряжении теперь было два этажа, но не подряд. Я все дольше и дольше оставался на том этаже, где находился телевизор.

С годами, после того как я решил стать одиночкой, я становился все более и более популярным и обнаружил, что друзей у меня все прибавляется и прибавляется. С работой все было в порядке. У меня была собственная мастерская, где несколько человек работали на меня; по нашей договоренности они должны были здесь жить. В те дни все было легко и свободно. В мастерской день и ночь собирался народ. Друзья друзей. На проигрывателе всегда крутилась пластинка

Марии Каллас, было много зеркал и блестящей фольги.

К тому времени я уже был известным поп-артистом, так что у меня было полно работы, приходилось натягивать много холстов. Обычно я работал с десяти утра до десяти вечера, ночевал дома и возвращался утром, однако те же люди, с которыми я расстался накануне вечером, были все еще здесь, по-прежнему бодрые, по-прежнему с Марией и зеркалами.

Именно тогда я начал понимать, насколько сумасшедшими могут быть люди. Например, одна девушка перешла жить в лифт и оставалась там целую неделю, до тех пор, пока ей не перестали приносить кока-колу. Я не знал, как все это понять. Но раз я оплачивал аренду мастерской, то чувствовал, что, наверняка это меня касается, но не спрашивайте, что это все значило, я никогда этого так и не понял.

Дом был расположен отлично — угол 47-й стрит и Третьей авеню. Мы всегда наблюдали за демонстрациями, направляющимися на митинги к ООН. Как-то раз по 47-й стрит про-

30

ехал папа римский в церковь Св.Патрика. Хрущев тоже однажды проезжал. Это была хорошая широкая улица. Знаменитые люди стали заходить в мастерскую, наверное, чтобы поглядеть на непрерывное веселье — Керуак, Гинсберг, Фонда и Хоппер, Барнетт Ньюман, Джуди Гарленд, «Роллинг Сто-унз». Рок-группа «Вельвет Андерграунд» начинала репетировать в углу нашего верхнего этажа, а вскоре после этого мы вместе придумали шоу со всевозможными эффектами и в 1963 году начали колесить с ним по стране. Тогда казалось, что все только начинается.

Контркультура, субкультура, поп, суперзвезды, наркотики, прожекторы, дискотеки — все эти «молодежные» штучки начались, вероятно, тогда. Где-нибудь всегда шла вечеринка: если не в погребке, то на крыше, если не в метро, то в автобусе; если не на лодке, то на статуе Свободы. Все ходили принаряженные. «Все завтрашние вечеринки» (All Tomorrow's Parties) — так называлась песня, которую «Вельветы» пели в кафедральном соборе, когда Нижний Ист-сайд только начинал освобождаться от иммигрантского статуса и приобретать славу крутого района. «Какие костюмы наденет бедная девочка на все завтрашние вечеринки...» Мне очень нравилась эта песня. Ее играли «Вельветы» и пела Нико.

В те дни все было экстравагантно. Только богатые могли себе позволить поп-одежду из таких бутиков, как «Парафер-налия», или от таких модельеров, как Тайгер Морс. Тайгер заходила в магазин «Кляйна и Мей», покупала платье за 2 доллара, отрывала ленточку и цветочек, приносила платье в свой магазин и продавала за 400 долларов. С аксессуарами она тоже умела обращаться. Она приклеивала какую-нибудь яркую ерунду на вещь из «Вулворт» и просила за это 50 долларов. У нее был невероятный талант угадывать, кто из людей, заходивших в ее магазин, действительно что-нибудь собирается купить. Однажды я видел, как она секунду смотрела на приятную, хорошо одетую даму и сказала: «Извините, для Вас здесь ничего не продается». Она никогда не ошибалась. Она покупала все, что блестит. Именно она изобрела светящееся электрическим светом платье со встроенными батарейками.

В 60-е годы все интересовались всеми. В этом немного помогали наркотики. Все вдруг становились равны — дебютант-

31

ки и шоферы, официантки и губернаторы. Одна моя знакомая Ингрид из Нью-Джерси придумала себе новую фамилию, очень подходящую для ее новой, еще не определенной карьеры в шоу-бизнесе. Она назвала себя «Ингрид Суперстар». Я уверен, что Ингрид сама придумала это слово. Во всяком случае, пусть тот, кто найдет более раннее упоминание слова «суперстар», покажет его мне. Чем больше вечеринок мы посещали, тем чаще ее имя появлялось в газетах: Ингрид Суперстар, и слово «суперзвезда» начало свою карьеру в средствах массовой информации. Ингрид позвонила мне несколько недель назад. Теперь она строчит на швейной машинке. А ее имя все еще популярно. Невероятно, правда?

В 60-е все интересовались всеми.

В 70-е все начали всех бросать.

60-е были переполнены.

70-е — абсолютно пусты.

Когда у меня появился первый телевизор, я перестал придавать большое значение близким отношениям с другими людьми. Раньше я часто чувствовал боль и обиду так, как чувствуешь, когда окружающие для тебя очень важны. Так что, наверное, я действительно придавал этому большое значение, это было в те дни, когда никто еще не слышал о «поп-арте», «андерграундном кино» или «суперзвездах».

Итак, в конце 50-х у меня начался роман с телевизором, который длится по сегодняшний день, хотя я и изменяю ему в спальне бывает что с четырьмя телевизорами сразу. Но не женился я до 1964 года, до тех пор пока не приобрел мой первый магнитофон. Мою жену. Мой магнитофон и я женаты уже десять лет. Когда я говорю «мы», я имею в виду магнитофон и себя. Многие этого не понимают.

Приобретение магнитофона действительно положило конец любой эмоциональной жизни, которая

у меня могла бы быть, но мне было приятно видеть, что она окончена. С тех пор ничто уже не становилось проблемой, потому что проблема означала всего лишь наличие хорошей кассеты, а когда проблема превращается в хорошую кассету, она перестает быть проблемой. Интересная проблема стала интересной записью. Все это знали и исполняли свои роли для записи. И нельзя было понять, какие проблемы настоящие, а какие

32

раздуть для записи. И еще того лучше, люди, когда рассказывали о своих проблемах, уже сами не понимали, действительно ли у них есть проблемы или же они только играют свою роль.

В 60-е годы люди, по-моему, забыли, что такое эмоции. И не думаю, что они о них вспомнили. По-моему, как только начинаешь смотреть на эмоции с определенной точки зрения, ты уже никогда не сможешь относиться к ним как к реально существующим. Приблизительно это случилось и со мной.

Я не знаю, был ли я когда-нибудь способен на любовь, но после 60-х я никогда больше не думал на языке «любви».

При этом некоторые люди начали меня, как бы сейчас сказали, «очаровывать». Один человек в 60-е обворожил меня больше, чем кто-либо за всю мою жизнь. И очарованность, которую я испытал, была, вероятно, очень близка к какому-то роду любви.

33

2. Любовь (Расцвет)

А: *Пойдем погуляем? На улице просто чудесно.*

Б: *Нет.*

А: *Хорошо.*

Такси из Чарльстона, Южная Каролина, — красивая стеснительная дебютантка — ушла из семьи и приехала в Нью-Йорк. В ней была поразительная пустота и ранимость, которые делали ее отражением интимных фантазий любого. Такси могла быть всем, чем захотите, — девочкой, женщиной, умной, глупой, богатой, бедной — всем, чем угодно. Она была чудесным, прекрасным чистым листом. Мистика превыше всякой мистики.

Еще она была потрясающей лгуньей; она просто не могла сказать ни о чем правду. А какая актриса! Она могла по-настоящему заплакать. Каким-то образом она всегда могла заставить тебя ей поверить — так она и получала то, что хотела.

Такси изобрела мини-юбку. Она пыталась доказать своей семье в Чарльстоне, что может жить без денег, поэтому она шла в Нижний Ист-сайд и покупала самые дешевые вещи, которыми оказывались детские юбочки, талия у нее была настолько тонкая, что они были ей впору. Пятьдесят центов за юбку. Она первой стала носить балетное трико в качестве полноценного костюма, одевая при этом крупные серьги, что придавало костюму нарядный вид. Она была новатором — как по необходимости, так и для забавы, и толстые журналы мод сразу же подхватили ее имидж. Она была просто невероятна.

Нас познакомил общий приятель, который только что заработал целое состояние на рекламе новых бытовых электроприборов во время телевикторин. Один только взгляд на Такси — и я увидел, что у нее проблем больше, чем у любого другого человека, которого я когда-либо встречал. Такая красивая и такая больная. Я был на самом деле заинтригован.

Она жила не по средствам. У нее все еще была милая квартирка на Саттон Плейс, а время от времени она уговаривала кого-нибудь из богатых друзей поделиться деньгами. Как я уже сказал, она могла разрыдаться и получить все, что хотела.

Вначале я не представлял, сколько наркотиков принимает Такси, но когда мы стали видеться чаще, я начал понимать, насколько серьезные у нее проблемы.

На втором месте по важности после приема наркотиков для нее было иметь наркотики. Хранить их. Она прыгала в лимузин и мчалась к Филли, все дорогу хныча, что у нее нет

37

амфетаминов. И уж не знаю как, она всегда их получала, по-тому что в Такси было что-то такое, необъяснимое. Затем она добавляла их к фунту таблеток, которые хранила на дне сундучка.

Один из ее богатых друзей-спонсоров даже попытался пристроить ее в модельный бизнес, чтобы она разработала собственную коллекцию одежды. Он купил мастерскую на 29-й стрит у какого-то модельера, который приобрел право совладения недвижимости во Флориде и хотел поскорее уехать из города. Друг-спонсор взял на себя управление всей мастерской с семью швеями за швейными машинками и привел Такси, чтобы начать разрабатывать модели. Техническая сторона дела была налажена, Такси оставалось, собственно, только одно — дизайн моделей, что по сути означало повторить модели костюмов, которые она придумывала для себя.

Но она стала раздавать «дозы» швеям и играть с бутылками бусин, пуговиц и отделок, которые прежний хозяин оставил валяться вдоль стен мастерской. Нечего и говорить, что бизнес зачах. Большую часть дня Такси проводила в центре, в ресторане Ройбенса, заказывая тамашнее

коронное блюдо «сэндвичи знаменитостей» — она предпочитала «Анну-Марию Альбергетти», «Артура Годфри», «Мортону Дауни», а после каждого сэндвича бегала в туалет и совала пальцы в горло, чтобы ее стошнило. Ее преследовал страх пополнеть. Она ела и ела на пирушке, а потом ее рвало и рвало, потом она принимала четыре убийных дозы и отключалась на целых четыре дня. Тем временем ее «друзья» приходили и рылись в ее сумочке, пока она спала. Когда она просыпалась через четыре дня, то отрицала, что спала.

Сначала я подумал, что Такси запасается только наркотиками. Я знал, что накопительство — своего рода эгоизм, но думал, что так она поступает только с наркотиками. Я видел, как она умоляла знакомых об одной дозе, а потом шла и засовывала ее на дно сундучка в отдельном конвертике с датой. Но в конце концов я понял, что Такси жадна абсолютно во всем.

Однажды, когда она еще занималась моделированием одежды, я пришел к ней в гости со своей подружкой. По всему полу было рассыпано множество обрезков бархата и атласа, и моя подружка спросила, нельзя ли ей взять лоскуток под-

38

дящего размера, чтобы сделать обложку для словаря. На полу были тысячи обрезков, наши ноги утопали в них, но Такси посмотрела на нее и ответила: «Лучше это сделать утром. Зайди утром и поищи в мусорном контейнере перед дверью, наверняка что-нибудь найдешь».

В другой раз мы ехали в такси, и она плакала, что у нее нет денег, что она бедная; она открыла сумочку, чтобы вытащить бумажный носовой платок «Клинекс», и я случайно заметил прозрачный пластиковый кошелек, набитый зелеными. Я не стал ничего говорить. Какой смысл? Но на следующий день я спросил у нее: «Что случилось с прозрачным кошельком, набитым деньгами, который был у тебя вчера?» Она ответила: «Его украли вчера вечером на дискотеке». Она никогда не могла сказать правду.

Такси собирала лифчики. Она хранила штук пятьдесят лифчиков разных оттенков бежевого — от бледно- и темно-розового до кораллового и белого — в чемодане. На всех лифчиках были ценники. Она никогда не срезала ценники даже с вещей, которые носила. Однажды той самой подружке, которая просила у нее лоскуток, понадобились деньги, а Такси была ей должна. Тогда она решила отнести лифчик, на котором еще болтался ярлык «Бендел», обратно в магазин и получить за него деньги. Когда Такси отвернулась, она засунула его в сумку и поехала в центр. Она зашла в бельевой отдел и объяснила, что подружка попросила ее вернуть лифчик, — сама она носила далеко не нулевой номер, это было заметно. Продавщица исчезла минут на десять, вернулась с лифчиком и какой-то бухгалтерской книгой и сказала: «Мадам, этот лифчик был куплен в 1956 году». Такси была собирательницей.

У Такси было невероятно много косметики в сумочке и сундучке: 50 пар накладных ресниц, разложенных по размерам, 50 флакончиков туши, 20 брикетов туши, все оттенки теней, когда-либо выпущенные «Ревлоном», — перламутровые и обычные, матовые и блестящие, 20 коробочек румян «Макс Фактор»... Она проводила часы над своими косметичками, на все приклеивая скотчем ярлычки, протирая и начищая бутылочки и коробочки. Все должно было выглядеть безупречно.

Но она не заботилась о том, что находилось ниже шеи.

Она никогда не принимала ванну.

39

Я говорил: «Такси, прими ванну». Открывал кран, она входила в ванную со своей сумочкой и оставалась там целый час. Я орал: «Ты в ванне?» — «Да, я в ванне». Плеск-плеск. А потом я слышал, как она на цыпочках ходит по ванной, смотрел в замочную скважину, и оказывалось, что она стоит у зеркала и накладывает макияж поверх того, что уже покрывает толстым слоем ее лицо. Вода никогда не касалась ее лица — только очищающие тонкие бумажные салфетки, снимающие жир, но не косметику. Вот ими она и пользовалась.

Через несколько минут я снова заглядывал в замочную скважину — она переписывала свою записную книжку или чужую, это не имело значения, или сидела с желтым блокнотом и составляла список всех мужчин, с которыми побывала в постели, подразделяя их на три категории — «спали», «трахались» и «обнимались». Если она делала ошибку в последней строчке и запись выглядела неаккуратно, она вырывала страницу и начинала сначала. Через час она выходила из ванной, и я говорил: «Ты не приняла ванну», хоть и понимал, что говорить бесполезно. «Нет, как же, я приняла ванну».

Однажды я спал в одной постели с Такси. Кто-то ее домогался, а она не хотела с ним спать, поэтому залезла в кровать в соседней комнате, где лежал я. Она уснула, а я не мог перестать смотреть на нее, потому что был замороженно напуган. Ее руки все время двигались, они не могли заснуть, не могли остановиться. Она постоянно чесалась, оставляя на коже следы ногтей. Через три часа она проснулась и сразу сказала, что не спала.

Такси отошла от нас, когда начала встречаться с певцом-музыкантом, которого можно описать только как Абсолютную поп-звезду — возможно, всех времен, — который тогда быстро обрел

славу по обе стороны Атлантики своего рода Элвиса Пресли для интеллектуалов. Мне не хватало общества Такси, но я сказал себе: наверное, хорошо, что сейчас о ней заботится кто-то другой, потому что, быть может, у него это получается лучше, чем у нас. Такси умерла несколько лет назад на Гавайях, куда один крупный промышленник отвез ее «отдохнуть». С тех пор, как мы расстались, прошло уже много лет.

40

3. Любовь (Старость)

Б: Почему ты не пришел вчера вечером? В последнее время ты в каком-то странном настроении.

А: Просто... я не могу знакомиться с людьми. Я слишком устал.

Б: Ну это же были старые знакомые, а ты не пришел. Тебе надо бы поменьше смотреть телевизор.

А: Я знаю.

Б: Это исполнителю женских ролей?

А: Каких ролей?

А: Самое волнующее занятие — не-делать-этого. Если в кого-нибудь влюбишься и так и не займешься этим, то все возбуждает гораздо больше.

Любовные отношения слишком затягивают, а на самом деле они этого не стоят. Но если ты почему-то считаешь, что стоят, надо вкладывать в них ровно столько времени и энергии, сколько другая сторона. Иначе говоря: «Я заплачу тебе, если ты заплатишь мне».

У людей столько проблем с любовью, что они всегда ищут кого-нибудь, кто окажется их Виа Венето, их вечно воздушным суфле. Следовало бы открыть курсы на степень специалиста по любви. Должны существовать курсы по красоте, любви и сексу. И чтобы любовь была самым главным предметом. Я всегда думал, что надо показывать детям, как заниматься любовью, и объяснить им раз и навсегда, что любовь — ничто. Но этого никто не сделает, потому что любовь и секс — это бизнес.

Потом я думал, может, в конце концов, хорошо, что никто не проливает свет на эту проблему, потому что если действительно узнаешь все, уже не о чем будет думать или фантазировать всю оставшуюся жизнь, и можно сойти с ума, если не о чем думать, потому что продолжительность жизни растет и после детских лет остается достаточно много времени для секса.

Я слишком много помню о детстве. Я, наверное, пропустил большую его часть, когда валялся больной в постели со своей куклой Чарли МакКарти, точно так же, как пропустил «Белоснежку». Я посмотрел «Белоснежку» только в сорок пять лет, когда пошел с Романом Полански в «Линкольн-Центр». Вероятно, я сделал правильно, что так долго ждал, — не могу себе представить, что мне еще было бы столь интересно смотреть в этом возрасте. Все это навело меня на такую мысль: быть может, вместо того чтобы в раннем детстве объяснять детям механику и ничтожность секса, лучше было бы ошеломить их внезапным открытием всех деталей, когда им исполнится уже сорок. Представь, ты идешь по улице с другом, которому только что исполнилось сорок лет, развенчиваешь старую историю о птичках и пчелках, ждешь, пока пройдет шок от этого разоблачения, а затем терпеливо объясняешь все остальное. Тогда в сорок лет жизнь вдруг обретет новый смысл. В наше время, когда продолжительность жизни так возросла, нам следовало бы оставаться младенцами гораздо дольше.

43

Именно высокая продолжительность жизни выводит из строя все старые ценности и их практическое применение. Когда люди узнавали о сексе в пятнадцать лет, а умирали в тридцать пять, у них, очевидно, возникало меньше проблем, чем у моих современников, которые узнают о сексе лет в восемь и доживают до восьмидесяти. Это слишком долгое время для интриги с одной и той же идеей.

Родители, которые действительно любят своих детей и хотят, чтобы они как можно меньше в жизни страдали от скуки и неудовлетворенности, быть может, должны, как в былые времена, оттягивать знакомство с жизнью как можно дольше, чтобы продлить процесс ожидания.

В любом случае, секс на экране и на страницах книг возбуждает больше, нежели секс на простынях. Пусть дети читают о нем и ждут его, а потом, в тот момент, когда они соберутся испробовать его в реальности, поведайте им, что они уже пережили самый интересный этап, и он остался позади.

Любовь в фантазиях гораздо лучше, чем любовь в действительности. Никогда не делать этого — очень возбуждает. Самое напряженное притяжение возникает между двумя противоположностями, которые никогда не сходятся.

* * *

Мне нравятся все «освободительные» движения, потому что после «освобождения» то, что всегда было страшной тайной, становится понятным и скучным, и тогда никто не чувствует себя в стороне, как не имеющий права участвовать в событиях. Например, незамужние и неженатые, ищущие мужей и жен, чувствовали себя обделенными, потому что образ брака в старые времена был так прекрасен. Джейн Вайет и Роберт Янг. Ник и Нора Чарльз. Этель и Фред Мерц. Даг-вуд и

Блонди.

Семейная жизнь представлялась такой замечательной, что казалось, и жить не стоит, если тебе не посчастливилось обзавестись мужем или женой. Незамужним и неженатым брак казался красивым, ловушки казались чудесными и всегда предполагалось, что секс тоже будет замечательным, — никто даже не находил слов для описания, потому что «надо бы-

44

испытать это самому», чтобы понять, насколько это хорошо. Это было похоже на заговор женатых: не разглашать, что состоять в браке и заниматься сексом — это не обязательно стопроцентное удовольствие; а они ведь могли бы снять камень с души одиноких людей, если бы были откровенны.

При этом всегда тщательно скрывалось, что если ты женат, тебе может быть недостаточно места в постели, и, возможно, утром придется мириться с плохим запахом изо рта партнера.

Существует так много песен о любви. Но недавно я был очень заинтригован, когда кто-то прислал мне слова песни о том, как ему на все наплевать и наплевать на меня. Песня мне очень понравилась. Ему здорово удалось передать идею о том, что ему все безразлично.

Я не вижу ничего ненормального в одиночестве. Мне хорошо одному. Люди сильно преувеличивают значение их любви. Она не всегда так важна. То же относится к жизни — ее значение люди тоже преувеличивают. Личная жизнь и личная любовь — как раз то, о чем *не думают* восточные мудрецы.

Не знаю, возможно ли, чтобы любовная связь длилась вечно. Если вы состоите в браке уже тридцать лет и «готовите завтрак для любимого и единственного», и он входит, дрогнет ли его сердце? Я имею в виду, что простым обычным утром оно, наверное, дрогнет, когда он заметит завтрак, и это тоже хорошо. Приятно, когда тебе приготовили завтрак.

Самая большая цена, которую приходится платить за любовь, — постоянное присутствие кого-то рядом с тобой, ты не можешь остаться один, а ведь быть одному намного лучше. Конечно, самое большое неудобство — теснота в постели. Даже домашние животные посягают в ней на твоё пространство.

Я предпочитаю долгосрочные связи. Чем дольше, тем лучше.

Любовь и секс могут сосуществовать, бывает как секс без любви, так и любовь без секса. Но отдельно любовь и отдельно секс — это нехорошо.

45

Ты можешь быть так же верен месту или вещи, как человеку. Сердце может дрогнуть, когда приближаешься к любимому месту, особенно если летишь туда на самолете.

Мама всегда говорила, чтобы я не беспокоился о любви, а просто обязательно женился. Но я всегда знал, что никогда не женюсь, потому что не хочу иметь детей, не хочу, чтобы у них были те же проблемы, что у меня. Я не думаю, что кто-нибудь еще этого заслуживает.

Я много думаю о людях, у которых будто бы нет проблем, которые женятся, живут и умирают, и все у них проходит замечательно. Среди моих знакомых таких нет. У них всегда какие-нибудь проблемы, даже если это всего лишь сломанный сливной бачок унитаза.

У моей идеальной жены должно быть много денег, которые она будет приносить домой, и собственная телевизионная станция.

Я всегда как замороженный смотрел старые фильмы военных лет, в которых девушек выдавали замуж, по телефону, мужьям, находящимся за морем, и они говорили: «Я слышу тебя, любимый!», и я всегда думал, как было бы здорово, если бы все так и осталось, они были бы так счастливы. Хотя, полагаю, им потребовался бы ежемесячный перевод денег.

У меня есть телефонная подруга. Наши телефонные отношения длятся уже шесть лет. Я живу в центре, а она — на окраине. Это замечательное решение проблемы: мы не должны по утрам мириться с плохим запахом изо рта друг друга, в то же время каждое утро мы чудесно завтракаем вместе, как любая другая счастливая семейная пара. Я на кухне в центре города готовлю себе мятный чай и сильно зажаренный английский кекс с мармеладом, а она на окраине ждет, когда из кафе ей доставят кофе с молоком и подогретую булочку с медом и маслом — густое на невесомом, мед, масло и кунжутное семя. Мы проводим солнечные утренние часы, разговаривая по телефону, прижав трубку плечом к уху, и можем отойти или даже повесить трубку когда угодно. Нам не нужно беспокоиться о детях — только об удлинителе телефона-

46

ного провода. У нас есть соглашение. Она вышла замуж за гомосексуалиста двенадцать лет назад и с тех пор ждет расторжения брака, хотя, если ее спрашивают, отвечает, что он погиб, вляпавшись в грязную историю.

Симптом любви — нарушение баланса химических веществ внутри нас. Наверное, в любви что-то да есть, если на нее реагируют даже твои химические вещества.

Когда я был моложе, я пытался узнать что-то о любви, и поскольку ее не преподавали в школах, я обратился к кино за подсказкой, что такое любовь и что с ней делать. В те дни действительно можно было узнать кое-что о любви из кинофильмов, но там не было ничего, что могло бы

пригодиться в жизни. Так, на днях я смотрел по телевизору фильм «Глухая улица» (Back Street), снятый в 1961 году, в котором играли Джон Гейвин и Сьюзен Хейуорд, и был поражен тем, что они все время повторяли, как чудесен каждый драгоценный миг, проведенный вместе, так что каждый драгоценный миг был принесен в дань последующему драгоценному мигу.

Но я всегда думал, что кино может показать тебе много нового о том, как это на самом деле происходит между людьми, и, таким образом, помочь всем тем, кто не знает, что делать и какие у них есть возможности.

В своих ранних кинофильмах я на самом деле старался показать, как люди могут познакомиться друг с другом, что при этом они могут сделать и что сказать друг другу. В этом и заключалась идея: знакомство двух людей. А потом, когда вы смотрели на это и видели, как все просто, вы постигали смысл всего этого. Мои фильмы показывали, как некоторые люди поступают, реагируя на других людей. Это были своего рода настоящие социологические примеры. Они напоминали документальные фильмы, и если вам казалось, что сюжет имеет к вам отношение, то становились примером, а если все происходящее на экране не имело отношения к вам, то они оставались всего лишь документальными фильмами, но могли быть примером для кого-нибудь из ваших знакомых.

Например, в фильме «Девушки в ванне» (Tub Girls) девушкам надо было принимать ванну с незнакомыми людьми. Мы снимали то, как они это делали. Как они знакомились прямо

47

в ванне. И девушка несла ванну к следующему, с которым должна была купаться, брала ванну под мышку и несла... Мы пользовались прозрачными пластиковыми ваннами.

Мне никогда особенно не хотелось снимать кино просто о сексе. Если бы я захотел снять действительно сексуальный фильм, я бы снял как цветок рождает другой цветок. А лучшая любовная история — просто два попугайчика в клетке.

Самая лучшая любовь — это любовь, когда-не-думаешь-об-этом. Некоторые могут заниматься сексом и им действительно удается опустошить свой ум и заполнить его сексом; другие никогда не могут позволить своему уму опустеть и заполниться сексом, поэтому, когда они занимаются сексом, они думают: «Неужели это действительно я? Неужели я действительно это делаю? Это очень странно. Пять минут назад я этого не делал. И через некоторое время я уже не буду это делать. Что бы сказала мама? Кто только это придумал?» Так что людям первого типа — тем, кто позволяет уму опустеть, заполниться сексом и не-думать-об-этом, — повезло больше. Людям другого типа надо найти что-то иное, чтобы расслабиться и затеряться в этом. Для меня что-то иное — это юмор.

Смешные люди — единственные люди, которые мне интересны, потому что если в человеке нет ничего смешного, мне с ним скучно. Но если тебя в основном привлекает в людях их смешные черты, то сталкиваешься с проблемой, потому что быть смешным не означает быть сексуальным. Так что в конце концов, когда приближается момент истины, оказывается, что ты не так уж и очарован и не можешь «сделать это».

Однако в постели мне больше нравится смеяться, чем делать это. Залезть под одеяло и шутить, я думаю, самое лучшее. «Ну, как я тебе?» «Так хорошо, было очень смешно». «О, сегодня ночью ты меня здорово рассмешил».

Если бы я пошел к «ночной бабочке», я бы, наверное, заплатил ей за то, чтобы она рассказывала мне анекдоты.

Иногда сексуальное притяжение не ослабевает. Я знаю такие пары, которые с удовольствием занимались друг с другом сексом многие годы.

Люди, живущие долго вместе, действительно становятся похожи друг на друга, потому что когда человек тебе нравит-

48

ся, ты заражаешься его причудами и симпатичными привычками. И вы едите одно и то же.

У каждого свое представление о любви. Одна моя знакомая девушка сказала: «Я поняла, что он меня любит, когда он не кончил мне в рот».

На протяжении многих лет я более успешно справлялся с любовью, нежели с завистью. Со мной постоянно случаются приступы зависти. Мне кажется, я один из самых завистливых людей на свете. Моя правая рука завидует, если левая рисует красивую картину. Если моя левая нога танцует хорошо па, то правая ей начинает завидовать. Левая сторона моего рта завидует, когда правая ест что-нибудь вкусное. За ужином я завидую, если кто-то заказывает блюдо вкуснее, чем то, которое заказал я. Я завидую чьим-нибудь смазанным фотографиям, снятым на обычной пленке, даже если у меня есть свои четкие поляроидные снимки тех же сцен. Вообще я схожу с ума, когда у меня нет права выбирать первым — что угодно. Очень часто я делаю то, что совсем не хочу делать, только потому, что меня мучает зависть — кто-нибудь другой может сделать это вместо меня. Собственно говоря, я всегда стараюсь покупать вещи и людей только потому, что завидую — вдруг кто-нибудь другой их купит, и они в конечном счете окажутся хорошими. Это одна из историй моей жизни. И те несколько раз за всю жизнь, что я выступал по телевидению, я так завидовал ведущему телешоу, что не мог говорить. Как только включаются телекамеры, я могу

думать лишь об одном: «Я хочу свое собственное шоу... Я хочу свое шоу».

Я очень нервничаю, когда вижу, что в меня кто-то влюбляется. Каждый раз, когда у меня «роман», я так нервничаю, что привожу с собой всех сотрудников моей мастерской. Обычно это пять-шесть человек. Они все заходят за мной, а потом мы идем за ней. Любишь меня — люби и мое окружение.

В конце концов, все целуют на ночь не того, кого хотели. Чтобы отблагодарить всех, кто работает у меня в мастерской, за то, что они меня сопровождают, я, кроме прочего, предлагаю им свои услуги по сопровождению их на свидание. Двое

49

любят пользоваться этой услугой, потому что они немного похожи на меня — не хотят, чтобы что-то происходило. Уж при мне-то ничего не случится, как они говорят. Я делаю так, чтобы ничего не произошло. Где бы я ни был. Я сразу вижу, что они довольны, что я пришел, потому что что-то уже начало происходить, а они ужасно хотят, чтобы я сделал так, чтобы ничего не происходило. Особенно когда они оказываются в Италии — ведь сами знаете, как итальянцы любят, чтобы что-то происходило. Я — естественное противоядие.

Люди должны влюбляться с закрытыми глазами. Только закройте глаза. Не подглядывайте.

Некоторые мои знакомые тратят много времени, стараясь выдумать новые способы обольщения. Раньше я думал, что только у тех, кто не работает, есть время думать о таких вещах, но потом понял, что большинство людей пользуется чужим временем, чтобы выдумывать новые виды соблазна. Большинство служащих в офисах на самом деле получают зарплату за время, которое проводят в мечтах о своих будущих завоеваниях.

Мне нравится тусклое освещение и кривые зеркала. Человек имеет право на освещение, которое ему нужно. К тому же, если вы узнаете о сексе только в сорок, как я предложил выше, вам понадобится тусклый свет и кривые зеркала.

Любовь может покупаться и продаваться. Одна из суперзвезд постарше плакала каждый раз, когда тот, кого она любила, выгонял ее из своей квартиры, а я всегда говорил ей: «Не беспокойся. Ты когда-нибудь станешь очень знаменитой и сможешь его купить». Так оно и случилось, и теперь она очень счастлива.

Бриджит Бардо была одной из первых по-настоящему современных женщин, которые обращаются с мужчинами как с предметами для любви — покупают их, а потом выкидывают. Мне это нравится. Самые модные девушки в городе в наше время — «ночные бабочки». Они носят самую модную одежду. Раньше они все-

50

гда отставали от времени, выглядели старомодными, но теперь первыми выходят на улицу в модном наряде. Они поумнели. Так что теперь они и самые умные девушки тоже. Более независимые. Но они все еще носят эти уродливые сумочки на длинных ремешках через плечо.

Забавно размышлять о сексе-и-ностальгии. Я бродил по Ист-сайду, в районе Сороковых улиц, и смотрел на вывешенные в витринах кабаков глянцевые фотографии (8x10) девушек. Фотографии в одной витрине напомнили мне 50-е годы, но поскольку они не пожелтели от времени, я не мог определить, те ли самые девушки внутри заведения или фотографии остались от старых времен, и девушки здесь совсем уже не типа Мами Ван Дорен, а просто усталые от жизни бывшие хиппушки. Я не знал. Возможно, заведение поставляло товар клиентам, ностальгирующим по девушкам, которых они пытались снять в 50-е.

Сейчас, когда все так быстро меняется, едва ли есть шанс сохранить нетронутыми образы своих фантазий к тому моменту, когда будешь к ним готов. А все эти маленькие мальчики, которые фантазировали о девушках в прелестных кружевных лифчиках и шелковых трусиках? У них нет никакого шанса найти то, что они всю жизнь искали, если только их девушка не зайдет в местную комиссионку, а это еще хуже, чем ничего.

Фантазии и одежда часто соответствуют друг другу, но времена и нравы изменили и это. Когда производители одежды шили хорошую одежду из хороших материалов, простой парень, покупая костюм или рубашку и ни чем особо не интересуясь, кроме «подходит ли по размеру?», покупал отличный костюм с недурной отделкой из добротного материала. Но труд подорожал, и изготовители начали предлагать за те же деньги работу более низкого качества, но никто особенно не протестовал, и они стали испытывать — и до сих пор испытывают — тот предел качества, когда люди спросят наконец: «Это что, рубашка?» В наше время производители одежды по умеренным ценам продают негодное тряпье. Помимо того, что одежда безобразно пошита — длинные стежки, без подкладки, без вытачек, необработанные кромки — она изготовлена из синтетики, которая выглядит ужасно с

51

первого до последнего дня носки. (По-моему, единственная хорошая синтетика — это нейлон.)

Нет, человек в наше время должен быть очень внимательным, покупая что-либо, иначе он купит барахло. Да еще и переплатит. Это означает, что *если сегодня ты видишь хорошо одетого человека, ты знаешь, что он очень много думал о своей одежде и о том, как он выглядит*. А это все портит, потому что

человек не должен много думать о том, как он выглядит. То же относится и к девушкам, хотя и не настолько — они могут заботиться о себе чуть больше, не становясь до отвращения себялюбивыми, потому что они красивее от природы. Но мужчина, для которого очень важно, как он выглядит, обычно здорово старается выглядеть привлекательно, что само по себе крайне недостойное качество для мужчины.

Так что сегодня, если видишь на улице человека, который одет так, как ты когда-то мечтал в своих подростковых фантазиях, это, наверное, — не твоя мечта, а кто-то, у кого была такая же мечта, как у тебя, и кто решил вместо того, чтобы найти ее или стать ей, просто *выглядеть как эта мечта*, пошел в магазин и купил тот имидж, который вам обоим нравится. Так что забудем об этом.

Вспомни о Джеймсе Дине, обо всех, кто ему подражал, и о том, что это значит.

Труман Капоте как-то сказал мне, что некоторые виды секса — это полное, абсолютное проявление ностальгии, и, я думаю, это правда. В других видах секса ностальгия лишь присутствует в разной степени, от малой до значительной, но, я думаю, можно с уверенностью сказать, что секс предполагает некую форму ностальгии по чему-либо, не важно по чему.

Иногда секс — ностальгия по тем временам, когда тебе хотелось секса.

Секс — ностальгия по сексу.

Некоторые считают, что насилие — сексуально, но я никогда не был с этим согласен.

В мамином соннике «любовь» всегда соответствовала счастливому числу. Когда я был маленьким, мама играла в лото, и

52

я помню, что у нее был сонник, и она смотрела по книжке свой сон, а в книжке говорилось, хороший это сон или нет, а после этого стояли номера, на которые она ставила. И у «любовных» снов всегда было счастливое число.

Когда ты хочешь быть похожим на что-то, значит, тебе это действительно нравится. Когда ты хочешь быть как скала, тебе действительно нравится эта скала. Мне нравятся пластиковые куклы-идолы.

* * *

Меня зачаровывают люди с приятной улыбкой. Поневоле задумаешься, что заставляет их так красиво улыбаться.

Женщин особенно хочется целовать, когда на них нет косметики. Губы Мэрилин целовать не хотелось, но они были очень фотогеничны.

Один из моих фильмов — «Восставшие женщины» (Women in Revolt) первоначально назывался «Секс». Теперь я не помню, почему мы изменили название. Три главные женские роли играли трансвеститы, бывшие воплощением женственности, — Кенди Дарлинг, Джеки Кертис и Холли Вудлон. Все они в разной степени играли женщин на разных этапах «освобождения».

Среди прочего трансвеститы — это живое свидетельство того, какими хотели быть женщины, какими некоторые до сих пор хотят видеть женщин, и какими некоторые женщины все еще хотят быть. Трансвеститы — это ходячий архив идеальной кинозвездной женственности. Они, как документальное кино, играют ту же образовательную роль, обычно посвящая свою жизнь созданию образа, поддерживая эту манящую альтернативу в хорошем состоянии и доступной для (не слишком близкого) рассмотрения.

В прежние времена, чтобы получить отдельную палату в больнице, надо было быть очень богатым, но теперь ее можно получить, если ты — трансвестит. В этом случае тебя постараются изолировать от других пациентов, правда, возможно, теперь трансвеститов в больнице набирается достаточно для общей палаты.

53

Мне ужасно любопытны парни, проводящие свою жизнь в попытках стать настоящими девушками, ведь им приходится так много работать — на две ставки — чтобы избавиться от бросающихся в глаза мужских качеств и приобрести женские. Я не утверждаю, что так и надо делать, не говорю, что это хорошая идея, не отрицаю, что это вредно и разрушительно для человека, и не считаю, что, возможно, это самое абсурдное, что человек может сделать со своей жизнью. На самом деле я говорю, что это очень тяжелая работа. Этого у них не отнимешь. Выглядеть как полная противоположность того, чем тебя создала природа, да еще быть подделкой женщины, подражая прежде всего женщине выдуманной, — тяжелая работа. Когда кинозвезды оказываются на кухне, они перестают быть звездами — они выглядят, как ты и я. Трансвеститы же напоминают о том, что некоторые звезды все-таки не такие, как мы с тобой.

Какое-то время мы давали трансвеститам много ролей в наших фильмах, потому что настоящих девушек, которых мы знали, ничто не могло привести в волнение, а трансвеститы могли взволноваться от чего угодно. Но в последнее время к девушкам вроде возвращается былая энергия, так что мы снова стали много их снимать.

В «Восставших женщинах» Джеки Кертис симпровизировал одну из лучших мизансцен о разочаровании в сексе, когда он играл роль девственницы, учительницы из Байон, Нью-Джерси, которую силой заставили дать оральное удовлетворение — сделать минет — мистеру Америка.

Подавившись и все же кое-как закончив дело, бедный Джеки так и не могла понять, занималась ли она сексом или нет, — «Не может быть, чтобы вот из-за этого миллионы девушек совершали самоубийство, когда их бросают парни...» Джеки озвучила недоумение многих и многих, кто пришел к пониманию того, что секс — такой же тяжелый труд, как и все остальное.

Именно фантазии создают людям проблемы. Если бы у вас не было фантазий, то не было бы и проблем, потому что вы бы просто воспринимали все таким, как оно есть. Но тогда у вас не было бы романтических приключений, потому что романтические приключения — это когда находишь образ, о кото-

54

ром мечтал, в людях, не имеющих с ним ничего общего. Один мой приятель всегда говорит: «Женщины любят во мне того мужчину, каковым я не являюсь».

Очень легко быть не так понятным, когда говоришь с влюбленными, потому что они все воспринимают более остро. Помню, однажды на званом ужине я разговаривал с парочкой, казавшейся безмерно счастливой. Я сказал: «Вы выглядите самой счастливой парой, которую я когда-либо видел». Это бы еще ладно, но я пошел дальше и совершил еще одну ошибку, добавив: «Наверное, ваш роман похож на идеальную любовную историю из книжки. Я точно знаю, вы любите друг друга с детства». Они помрачнели, отвернулись и избегали меня весь вечер. Позднее я выяснил, что он ушел от жены, а она — от мужа, что они оставили свои семьи, чтобы жить вместе.

Так что нужно внимательно следить, что ты говоришь людям об их любовной жизни. Когда люди влюблены, все их проблемы находятся в странном соотношении между собой, и трудно предугадать, когда скажешь что-то не то.

Странно думать о любовных проблемах своих знакомых, потому что их любовные проблемы сильно отличаются от их житейских проблем.

Один мой знакомый трансвестит ждет достойного мужчину, который бы влюбился в него/нее.

Я очень часто вижу сильных женщин, которые ищут слабых мужчин, способных поработить их.

Не знаю никого, кто бы не фантазировал. У всех обязательно должна быть хоть одна мечта.

Мой друг кинорежиссер очень справедливо сказал: «Фригидные люди могут жить по-настоящему».

И он прав: они действительно могут. И так они и делают.

55

4. Красота

Б: *Она носит одежду с чужого плеча или покупает одежду сама?*

А: О, нет, *нет*. Она носит одежду своего мужа — ходит к тому же портному. Из-за этого они и ссорятся

Никогда не встречал человека, которого не мог бы назвать красивым.

Каждый человек в определенный период жизни по-своему красив. Более или менее. Иногда люди красивы в раннем детстве, но когда вырастают теряют красоту, а потом опять становятся красивыми, ближе к старости. Или у толстых людей могут быть красивые лица. Или у них могут быть кривые ноги и прекрасный торс. Можно быть первостатейной красавицей и не иметь груди.

А можно быть настоящим красавцем с маленьким сами-знаете-чем.

Некоторые думают, что красивым людям живется легче, но на самом деле все может сложиться по-разному. Если ты красив, у тебя может быть мозг размером с горошину. Если ты некрасив, мозг у тебя может быть чуть побольше. Так что все зависит от мозга и красоты. Степени красоты. И размера мозга.

Я всегда замечаю, как говорю: «Она красавица!» или «Он красавец!» или «Какая красота!», но я никогда не знаю, о чем я говорю. Я и, правда, не знаю, что такое «красота», не говоря уж о том, что такое «красавица». И я оказываюсь в странном положении, потому что все знают, как много я говорю о том, что «это красиво» и «то красиво». Целый год все журналы писали, что мой следующий фильм будет называться «Красавицы». Реклама получилась превосходная, но я так и не смог решить, кто будет сниматься в фильме. Если не все люди красивы, тогда никто не красив, и я не хотел намекать, что девочки в «Красавицах» — красавицы, а девочки в других моих фильмах — нет, так что пришлось мне отказаться от проекта из-за названия. Оно оказалось совсем неподходящим.

На самом деле я не придаю особого значения «красавицам». Кто мне нравится, так это «говоруны». По-моему, хорошие собеседники — красивы, потому что интересные разговоры — это то, что я люблю. Из самого слова ясно, почему «говоруны» мне нравятся больше, чем «красавицы», почему я делаю больше звукозаписей, чем видеосъемок. «Говоруны» — не просто болтуны, они что-то *делают*. «Красавицы» же просто чем-то *являются*. Это необязательно плохо, я просто не знаю, что они такое. Интереснее быть с людьми, которые что-то делают.

59

Когда я писал автопортрет, я не изобразил свои прыщи, потому что именно так и надо всегда делать. Прыщи — временное состояние, и они совсем не связаны с тем, как ты на самом деле

выглядишь. Никогда не изображайте дефекты — им не место на хорошей картине, которая вам нужна.

Когда человек обладает красотой, эталонной для его времени, и его внешность действительно в моде, а времена и вкусы меняются, то он, даже через десять лет, по-прежнему останется красивым, только если сохранит абсолютно тот же имидж, ничего в нем не изменяя, и будет заботиться о своей внешности.

Рестораны Шрафта обладали красотой своей эпохи, а потом попытались угнаться за временем, изменялись и изменялись, пока не потеряли все свое очарование и не были скуплены крупной компанией. Но если бы они сохранили свой прежний облик и стиль и продержались те трудные годы, когда перестали быть в моде, то сегодня они были бы самыми лучшими. Надо перетерпеть те периоды, когда ваш стиль непопулярен, потому что если этот стиль хорош, он вернется, и все снова признают вашу красоту.

* * *

Иногда определенный вид красоты принижает; рядом с ней чувствуешь себя муравьем. Однажды на Стадионе Муссолини, где статуи гораздо-гораздо больше обыкновенного человека, я почувствовал себя именно таким муравьем. В тот день я рисовал одну красавицу, и у меня в краске увязла какая-то мошка. Я пытался вытащить ее, пока не убил на губе красавицы. Вот так эта мошка, которая, может быть, была по-своему красивой, осталась на чьей-то губе. Так и я чувствовал себя на Стадионе Муссолини. Как мошка.

Красавицы на фотографиях отличаются от красавиц во плоти. Должно быть, нелегко быть фотомodelью, потому что хочется выглядеть как на собственной фотографии, но это невозможно. Тогда ты начинаешь подражать фотографии. Фотографии обычно добавляют пол-измерения. (Кино добавляет еще целое измерение. Магнетизм экрана — настоящая тайна; если удалось понять, что это такое и как это делается, считай, у тебя появилась хорошая продукция на продажу. Но

60

нельзя сказать, есть ли в человеке что-то, пока не увидишь его на экране. Чтобы это выяснить, нужны кинопробы.)

Очень немногие красавицы-красавцы бывают говорунами, но все же бывают.

Сон для красоты. Спящая красавица.

Проблемы красоты. Красавицы с проблемами.

Даже красивые люди могут быть непривлекательны. Если в то или иное время застанете красавицу в невыигрышном освещении, забудьте о ней.

Мне нравится тусклое освещение и кривые зеркала.

Я верю в пластическую хирургию.

Было время, когда меня сильно беспокоило, как выглядит мой нос — он всегда красный, и я решил, что хочу его отшлифовать. Даже мои родственники называли меня «Энди, красноносый Ворхола». Я пошел к врачу, и он, видимо, решил выполнить мою прихоть, потому что отшлифовал мне нос, и когда я вышел из больницы Св.Луки, я был такой же, как и раньше, но в перевязке.

Тебя не усыпляют, а брызгают заморозку на лицо из распылителя. Затем берут шлифовальный диск и начинают вращать его у тебя над лицом. Потом все очень болит. Надо две недели сидеть дома и ждать, пока отшелушатся корки. Я все это проделал, и в результате поры у меня на носу стали еще больше. Я был очень разочарован.

У меня была и другая проблема с кожей — когда мне было восемь лет, я потерял пигментацию. Мое другое прозвище было «Пятно». Мне кажется, я потерял пигментацию, потому что как-то увидел на улице двухцветную девушку, и я, как зачарованный, пошел за ней. Через два месяца я сам стал таким же. А ведь я даже не знал эту девушку — я просто увидел ее на улице. Я спросил у одного студента-медика, не думает ли он, что я заразился путем простого разглядывания. Он ничего не ответил.

Лет двадцать назад я отправился в кожную клинику Жор-жетты Клингер, и Жоржетта меня выставила. У нее тогда еще не было мужского отделения, и я стал жертвой дискриминации.

61

Если люди хотят провести всю жизнь, мажась кремом, выщипывая волосы, причесываясь, укладываясь и приклеивая, — это тоже нормально, потому что это хоть как-то их занимает.

Иногда люди, страдающие нервными расстройствами, выглядят очень красивыми, потому что есть какая-то хрупкость в их движениях, в том, как они ходят. Вокруг них распространяется настроение, которое делает их красивее.

Говорят, что некоторые красивые люди теряют красоту в постели, когда не выделяют всевозможных постельных штук, которых от них ожидают. Я в это не верю.

Когда кем-нибудь интересуешься, и думаешь, что этот человек может тобой заинтересоваться, надо сразу же указать на все проблемы и дефекты своей внешности, а не рисковать, надеясь, что они останутся незамеченными. Например, у тебя постоянная проблема, с которой нельзя ничего поделаться, например, слишком короткие ноги. Тогда просто скажи: «Мои ноги, как ты, наверное, уже

заметила, слишком короткие в сравнении с остальным телом». Зачем давать другому удовольствие обнаружить это самостоятельно. Когда ты об этом расскажешь, то, по крайней мере, будешь знать, что позднее это не станет проблемой в ваших отношениях, а если даже станет, ты всегда можешь напомнить: «Ведь я тебе говорил с самого начала».

С другой стороны, предположим, у тебя чисто временная проблема внешности — прыщ вскочил, тусклые волосы, опухшие от недосыпания веки, пять лишних фунтов на талии. Все равно, что бы это ни было, надо об этом сказать. Если ты этого не сделаешь и не скажешь: «В последние дни мои волосы очень потускнели, у меня, наверное, скоро месячные» или «Я поправилась на пять фунтов, потому что все Рождество ела конфеты „Рассел Стовер“, но я уже худею» — если не объяснишь всего этого, могут подумать, что твоя временная проблема — проблема постоянная. А что еще можно подумать, если вы только что познакомились? Помни, раньше они тебя никогда не видели. Так что ты сама можешь раскрыть им глаза, и пусть их воображение поможет представить, как твои волосы выглядят, когда блестят, и как выглядит твое те-

62

ло без избыточного веса, и каким было бы твое платье без жирного пятна. Можешь даже рассказать, что в шкафу у тебя одежда гораздо лучше, чем та, которая на тебе сейчас. Если ты им действительно нравишься, они с легкостью начнут фантазировать, чтобы представить, как ты выглядишь без временной проблемы твоей внешности.

Если вы от природы бледны, надо сильно румяниться, чтобы это исправить. Но если у вас большой нос, выставляйте его напоказ, и если у вас прыщ, намажьтесь мазью от прыщей, чтобы это было очень заметно, — «Смотрите! Я мажусь кремом от прыщей!» В этом вся разница.

Я уверен, что когда люди оглядываются, чтобы посмотреть на кого-нибудь на улице, они, наверное, ощущают запах, исходящий от этого человека, — это и заставляет их оборачиваться и заводитьсь.

Диана Врилэнд, которая десять лет была издателем журнала «Вог», — одна из самых красивых женщин в мире, потому что она не боится других и делает, что хочет. Труман Капоте подметил в ней кое-что еще — она очень-очень чистоплотна, что делает ее еще прекраснее. Возможно, это даже основа ее красоты.

Чистоплотность — это так важно! Ухоженные люди по-настоящему красивы. Не имеет значения, что они носят, с кем они, сколько стоят их украшения и одежда, и насколько хорош их макияж: если они не чистоплотны, они некрасивы. Самые обычные и немодные люди в мире могут быть красивыми, если очень хорошо ухожены.

В 60-е годы многие из моих знакомых считали, что запах подмышек привлекателен. Похоже, они никогда не носили вещей, которые можно было стирать. Все нужно было отдавать в химчистку — шелка, блески, бархат; проблема была в том, что все это никогда не чистили. А потом стало еще хуже, когда все стали носить замшу и кожу, уж их-то *действительно* никогда не чистили. Признаюсь, сам носил замшевые и кожаные штаны какое-то время, но в них никогда не чувствуешь себя чистым, к тому же это просто дегенерация — носить

63

шкуры животных, их можно носить разве что если хочешь согреться. Не понимаю, почему еще не изобрели ничего такого же теплого, как мех. Так что после этого периода дегенерации я вернулся к джинсам. С большой радостью. В конце концов, джинсы — самая чистая вещь, которую можно носить, потому что они по своей природе часто стираются. И, в сущности, они такие американские.

Красота во многом зависит от того, как человек ее преподносит. Когда ты воспринимаешь кого-то «красавицей», то важно все — и место, и одежда, которая на ней, и кто и что находится рядом с ней, и даже тот туалет, из которого она выходит и спускается по лестнице.

Украшения не делают человека красивее, но помогают ему *чувствовать* себя красивее. Если на красивого человека надеть украшения и красивую одежду и поместить его в красивый дом с красивой мебелью и красивыми картинами, человек останется таким же, но будет думать, что стал красивее. А вот если красивого человека одеть в тряпье, он станет уродливым. Всегда можно сделать человека менее красивым. Красота, которой грозит опасность, становится более красивой, но красота в грязи становится уродливой.

Картина становится красивой от того, как художник работает с красками, но я не понимаю, как женщины пользуются косметикой. Она чувствуется на губах, и она такая тяжелая. Помада, тон для лица, пудра и тени. И украшения. Все это такое тяжелое.

Дети всегда красивы. Каждый ребенок до, скажем, восьми лет, всегда выглядит хорошо. Даже если ребенок носит очки, он все равно выглядит хорошо. У них у всех безупречные носы. Я никогда не видел непривлекательного младенца. Мелкие черты лица и нежная кожа. Это можно сказать и о животных — я никогда не видел некрасивого зверя. Младенцев их красота защищает, потому что люди не хотят делать им больно. Это можно сказать и о животных.

Красота совершенно не связана с сексом. Красота связана с красотой, а секс связан с сексом.

64

Если человека не считают красивым, он все равно может иметь успех, если у него несколько шуток

в кармане. И множество карманов.

Красивые люди более склонны заставлять вас ждать, чем некрасивые, потому что между красивыми и обычными большое различие в отношении ко времени. А еще красивые люди знают, что скорее всего их подождут, так что они не паникуют, когда опаздывают, и поэтому опаздывают еще сильнее. Но к тому времени, когда они наконец приходят, они обычно уже чувствуют себя виноватыми, поэтому наверстывают свое опоздание тем, что очень мило себя ведут, а когда они милы, то становятся еще более красивыми. Это классический синдром.

Я всегда стараюсь понять, может ли женщина с чувством юмора все-таки быть красивой. Есть очень привлекательные юмористки, но если тебе предложат назвать их или красивыми или смешными, ты назовешь их смешными. Иногда я думаю, что *совершенная* красота должна быть абсолютно лишена чувства юмора. Но тогда я вспоминаю о Мэрилин Монро, у которой были самые лучшие шутки. Она могла бы быть очень забавной, если бы нашла себя в комедии, и сегодня мы могли бы смеяться над шутками «Шоу Мэрилин Монро».

Кто-то однажды попросил меня назвать самого красивого человека, которого я встречал. Так вот, тех людей, которые выделяются бесспорной красотой, я видел в кинофильмах, а когда знакомишься с ними, в жизни они не столь красивы, так что стандартов на самом деле не существует. В жизни кинозвезды даже не могут приблизиться к стандартам, которые они же установили на киноленте.

Некоторые очень красивые кинозвезды прошлых десятилетий состарились красиво, а некоторые не так красиво; и сегодня иногда можно увидеть двух кинозвезд, которые когда-то давно блистали в одном фильме, а теперь одна из них выглядит и ведет себя как старуха, а другая все еще выглядит и ведет себя как девочка. Но все это не имеет особого значения, я думаю, потому что история запомнит красоту каждой только на киноленте, — остальное неважно.

65

Мой любимый имидж — положительный и обыкновенный человек. Если бы я не хотел выглядеть так «плохо», я хотел бы выглядеть «обыкновенно». Это был бы мой следующий выбор.

Я всегда думаю о том, что это значит — носить очки. Когда привыкаешь к очкам, уже не знаешь, как далеко ты можешь видеть. Я думаю о тех людях, которые жили до того, как изобрели очки. Странно, наверное, было, потому что все видели по-разному, в зависимости от того, насколько человеку позволяло его зрение. А теперь очки стандартизируют зрение. Это пример всеобщей унификации. Если бы не очки, каждый мог бы видеть по-своему.

В некоторых кругах, где очень большие люди думают, что у них очень большие мозги, такие слова, как «очаровательный», «способный» и «милый», звучат унижительно; ко всему легкому в жизни — а это и есть самое важное — там относятся с пренебрежением.

Вес не так важен, как в этом нас пытаются убедить журналы. Я знаю одну девушку, которая смотрит только на свое лицо в зеркальце домашней аптечки и никогда не смотрит ниже плеч, а весит она четыреста или пятьсот фунтов, но этого она не видит, а видит только красивое лицо и поэтому считает себя красавицей. И поэтому я тоже считаю ее красавицей, потому что обычно я принимаю людей такими, какими они сами себя видят, поскольку их представление о себе больше связано с тем, как они мыслят, нежели с их внешним видом. Может, она весит все шестьсот фунтов, кто знает. Если ей все равно, то и мне тоже.

Но если вы следите за своим весом, попробуйте нью-йоркскую диету Энди Уорхола: в ресторане я заказываю все, чего не хочу, так что могу долго возиться со всем этим, пока остальные едят. И каким бы шикарным ни был ресторан, настаиваю, чтобы официант завернул мне заказ с собой, а на улице я нахожу уголок, где могу оставить все это, ведь в Нью-Йорке так много людей, которые живут на улице и все их добро умещается в хозяйственной сумке.

Вот так я худею и остаюсь в хорошей форме, и думаю: быть может, кто-нибудь из таких людей найдет ужин с лягу-

66

шачьими лапками на подоконнике. Однако никогда не знаешь, возможно, им так же не понравится мой заказ, как мне самому, и может быть, они пренебрегут им и станут рыться в помойке, ища горбушку черного хлеба. С людьми не угадаешь. Никогда не знаешь, что им понравится. Такова нью-йоркская диета Энди Уорхола.

Я знаю хороших поваров, которые тратят дни на поиски свежего чеснока, свежего базилика, свежего эстрагона и так далее, а потом готовят соус из консервированных помидор и говорят, что это не имеет значения. Но я-то знаю, что это имеет значение.

Когда люди и цивилизации вырождаются и становятся меркантильными, они всегда подчеркивают свою внешнюю красоту и богатство и говорят, что если бы их дела шли плохо, им бы не было так хорошо — им, таким богатым и красивым. Так, например, утверждали в Библии те люди, которые поклонялись Золотому Тельцу, а потом греки, которые поклонялись человеческому телу. Но красота и богатство совсем не связаны с тем, насколько ты хорош — только подумать, сколько красивых людей болеет раком. И многие убийцы красивы, так что вопрос можно считать решенным.

Некоторые, даже образованные люди, говорят, что насилие может быть красивым. Я не могу этого понять, потому что красота — это лишь какие-то мгновения, и для меня в этих мгновениях никогда не бывает насилия.

Новая мысль.

Новый имидж.

Новый секс.

Новая пара белья.

В городе должно быть много новых девушек, и всегда так и есть.

Красота красного омара проявляется только после того, как его бросят в кипяток... природа же превращает одно в другое, и уголь превращается в брильянты, а грязь — в золото... и носить серьгу в носу — великолепно.

67

Когда я на пляже, я не перестаю удивляться, как прекрасен песок и вода, которая размывает и разглаживает его, и деревья, и трава — все выглядит потрясающе. Я думаю, иметь землю и не портить ее — самое прекрасное искусство, о котором только можно желать.

Самое прекрасное место в Токио — МакДоналдс. Самое прекрасное место в Стокгольме — МакДоналдс. Самое прекрасное место во Флоренции — МакДоналдс. В Пекине и Москве пока нет ничего прекрасного.

Америка — действительно Сама Красота. Но она была бы еще прекраснее, если бы у всех хватало денег на жизнь.

Красивые тюрьмы — для красивых людей.

У каждого человека собственное чувство прекрасного. Когда я вижу людей, одетых в безобразные вещи, которые им совершенно не идут, я пытаюсь представить себе тот момент, когда они покупали их и думали: «Классная вещь. Она мне нравится. Я ее куплю». Невозможно себе представить, что происходило у них в голове, что заставило их купить эти коричневые брюки из полиэстра с рельефным узором или акриловую майку с блестящей надписью «Майами». Начинаешь размышлять, что же они отвергли как *некрасивое* — акриловую майку с надписью «Чикаго»?

Никогда нельзя угадать, какие мелочи во внешности человека, его манере говорить или поведении могут спровоцировать необычные эмоциональные реакции у других людей. Например, на днях я встречался с одной дамой, которая вдруг страшно разозлилась на одного нашего общего знакомого и стала поносить его внешность — слабые руки, прыщавое лицо, плохую осанку, густые брови, большой нос, плохую одежду, а я не знал, что ответить, потому что не понимал, почему она выходит на люди со мной, если не желает показаться на людях с ним. В конце концов, у меня тоже слабые руки, у меня прыщи, но она вроде бы не замечала этого. Я думаю, что какая-нибудь мелочь может вызвать у людей подобную реакцию, и не знаешь, какой факт из их прошлого за-

68

ставляет их любить или ненавидеть человека, и следовательно, все, что с ним связано.

Иногда что-то может выглядеть красивым только потому, что оно чем-то отличается от окружающих предметов. Одна красная петунья в цветочном ящике на подоконнике будет смотреться очень красивой, если все остальные петунии — белые, и наоборот.

Когда оказываешься в Швеции и видишь одного красивого человека за другим, и еще, и еще, в конце концов даже перестаешь оборачиваться, потому что уже знаешь, что следующий человек будет так же красив, как и тот, на кого ты не обернулся, — в таком месте можно так заскучать, что когда увидишь некрасивого, он покажется прекрасным, потому что нарушит это красивое однообразие.

Существует три вещи, которые для меня всегда красивы: мои старые добрые ботинки, которые не жмут, моя собственная спальня и таможня США, когда я возвращаюсь домой.

69

5. Слава

Б: *Чего хотели эти звукооператоры?*

А: *Сократить запись, а мой голос растянуть так, будто я пою.*

Б: *Я обожаю твой телевизионный ролик «Дейли Ньюс». Я видел его пятнадцать раз.*

Недавно одна компания заинтересовалась приобретением моей «ауры». Мои произведения им были не нужны. Они только говорили: «Нам нужна ваша аура». Я так и не понял, чего они хотели. Но они были готовы заплатить большие деньги. Тогда я подумал, что если люди готовы столько за «это» заплатить, надо бы мне постараться выяснить, что это такое.

Я думаю, «аура» — это то, что видно только другим людям, и они видят столько ауры, сколько захотят. Она создана глазами других людей. Ауру можно увидеть только у тех людей, с которыми ты почти или совсем не знаком. Недавно я ужинал с ребятами, которые работают у меня в мастерской. Все они обращаются со мной запанибрата, потому что знают меня и видят каждый

день. Но кто-то привел с собой симпатичного приятеля, и этот парень едва мог поверить, что ужинает со мной! Все остальные видели меня, а он видел мою «ауру».

Когда просто видишь человека на улице, у него вполне может быть аура. Но стоит ему открыть рот, ауры как ни бывало. Должно быть, «аура» существует, пока человек молчит.

Самая громкая слава у тех, чьи имена красуются на больших магазинах. Я действительно завидую людям, чьими именами названы крупные магазины. Например, Маршаллу Филду.

Но быть знаменитым — не так уж важно. Если бы я не был знаменит, в меня бы не стреляли за то, что я — Энди Уорхол. Может быть, в меня стреляли бы, когда я служил в армии. Или, может быть, я был бы толстым школьным учителем. Как знать заранее?

Хотя есть хорошая причина, чтобы быть знаменитым, — ты можешь читать все толстые журналы и знать всех, о ком там пишут. Страница за страницей идут твои знакомые. Я обожаю такое чтение — ради этого и стоит быть знаменитым.

Не знаю точно, кому принадлежит авторство новостей. У меня в голове засела мысль, что если твое имя упоминается в новостях, то программа новостей должна тебе заплатить. Потому что это твои новости, а они берут их и продают как свою собственную продукцию. Но потом всегда говорят, что помогают тебе, и в этом есть своя правда, но все равно, если

73

бы люди не хотели делиться своими новостями, а сохраняли бы их про себя, в программе новостей не было бы ни одной новости. Так что, думаю, обеим сторонам надо платить друг другу. Хотя я пока не представляю себе, как это может быть.

Самый плохой, самый жестокий репортаж, который я когда-либо читал о себе, был репортаж журнала «Тайм» о том, как в меня стреляли.

Я обнаружил, что почти все интервью написаны заранее. Журналисты знают, что хотят написать о тебе, и знают, что думают о тебе еще до того, как поговорят с тобой, так что они просто подыскивают слова и детали, чтобы подтвердить то, что они уже решили сказать. Если идешь на интервью вслепую, совершенно нельзя предположить, какую статью напишет человек, с которым ты разговариваешь. Самые приятные, улыбчивые люди могут писать подлейшие статьи, а те, кто, кажется, тебя ненавидит, могут написать забавные, милые материалы. Журналистов еще труднее раскусить, чем политиков.

Когда журналист пишет действительно подлую статью, я всегда пропускаю ее мимо ушей; кто я такой, чтобы сказать, что это неправда?

Обычно говорили, что я пытаюсь «звести в заблуждение» средства массовой информации, когда одной газете я давал одну автобиографию, а другой — другую. Мне нравилось давать разную информацию разным изданиям — так я мог проследить, откуда люди берут информацию. Таким образом, когда я знакомился с людьми, я всегда мог определить, какие газеты и журналы они читают, по моим же собственным высказываниям, которые они мне повторяли. Иногда забавная информация возвращается годы спустя, когда интервьюер говорит: «Вы как-то сказали, что Лефрак Сити — самое красивое место в мире», и тогда я понимаю, что он читал интервью, которое я как-то давал журналу «Архитектурал Форум».

Своевременная статья, напечатанная в нужном месте, действительно может прославить тебя на целые месяцы и даже годы. Я двенадцать лет жил рядом с бакалейным магазином «Гристендс», и каждый день заходил туда и гулял вдоль полок, выбирая то, что мне нужно, — от этого ритуала я получаю большое удовольствие. Двенадцать лет я делал это почти

74

каждый день. Потом в один прекрасный день на обложке «Нью-Йорк пост» появилась цветная фотография Моники Ван Ворен, Рудольфа Нуриева и меня, и когда я после этого зашел в магазин, все служащие завопили: «Вот он!» и «Я же тебе говорил, это он!» Мне не захотелось туда больше приходить. А после того, как моя фотография появилась в «Тайм», я неделю не мог выгуливать собаку в парке, потому что люди показывали на меня пальцем.

Вплоть до прошлого года я был никем в Италии. Я был кем-то, может быть, в Германии и Англии, поэтому я больше не езжу в эти страны, но в Италии даже не знали, как пишется мое имя. Потом в журнале «Л'Уомо Вог» все же узнали, как оно пишется, от одной из наших суперзвезд, которая сблизилась с их фотографом, — постельные разговоры, как я подозреваю, — во-всяком случае, от него просочилось правильное написание моего имени, так же как и названия моих фильмов и фотографии моих картин, и теперь на мне в Италии помешаны. Недавно я был в крохотном городишке, который называется Боиссано, на другой стороне Ривьеры, и пил аперитив на террасе местного газетного киоска, и молодой парень, студент колледжа, подошел ко мне и сказал: «Привет, Энди, как там Холли Вудлон?» Я был шокирован. Он знал около пяти английских слов, четыре из которых были МЯСО, МУСОР, ЖАРА и ДАЛЛЕСАНДРО, причем последнее, как итальянское, не считается.

Мне всегда были интересны ведущие ток-шоу. Один мой знакомый сказал, что стоит ему только посмотреть на таких ведущих, увидеть гостей передачи и услышать их вопросы гостям, как он сразу же знает, откуда они, где учились, какую религию исповедуют. Мне бы очень хотелось быть

способным узнавать о человеке все, только лишь увидев его по телевидению, определять, *какая у него проблема*. Вообразите, вы смотрите ток-шоу и сразу же узнаете, например, что: проблема этого: ОН ХОЧЕТ БЫТЬ КРАСИВЫМ; проблема этого: ОН НЕ НАВИДИТ БОГАТЫХ; проблема того: У НЕГО НЕ ВСТАЕТ; проблема другого: ОН ХОЧЕТ БЫТЬ НЕСЧАСТНЫМ; проблема третьего: ОН ХОЧЕТ БЫТЬ УМНЫМ.

75

И может быть, вы также смогли бы понять — Почему у Дины Шор НЕТ НИ ОДНОЙ ПРОБЛЕМЫ. А еще мне ужасно хочется, посмотрев на человека, уметь распознавать цвет его глаз, цветное телевидение в этом пока еще не очень-то помогает.

Некоторые люди подвержены действию телевизионной магии: они совершенно теряют лицо, когда не в кадре, но полностью собираются, когда их снимают. Они трясутся и потеют перед передачей, трясутся и потеют во время рекламы, трясутся и потеют, когда передача заканчивается; но пока камера их снимает, они спокойны и выглядят уверенно. Камера их включает и выключает.

Я никогда не теряюсь, потому что мне никогда не удастся собраться. Я просто сижу и говорю: «Я сейчас упаду в обморок. Сейчас упаду в обморок. Я знаю, я упаду в обморок. Я еще не потерял сознание? Я сейчас потеряю сознание». Когда я участвую в телевизионной передаче, я не могу думать о вопросах, которые мне сейчас зададут, я не могу думать о том, что сорвется у меня с языка — все, о чем я могу думать, это: «Это прямая трансляция? Правда прямая? Тогда ничего не выйдет, я упаду в обморок. Я жду обморока». Вот таков мой поток сознания в прямом эфире. В записи все по-другому.

И я всегда думал, что ведущие ток-шоу и другие известные телеперсоны не знают, что значит так нервничать, но потом понял, что некоторые из них по-своему знакомы с той же проблемой — может, они каждую минуту думают: «Я сейчас все завалю, сейчас я все завалю... пропал летний домик в Ист Хэмптоне... пропала квартира на Парк авеню... пропала сауна...». Разница в том, что пока они прокручивают в уме свою версию «я сейчас упаду в обморок», они каким-то образом — благодаря телевизионной магии — собираются и продолжают произносить нужные реплики и текст.

Есть люди, которые начинают играть свою роль только тогда, когда «включаются». «Включаются» разные люди по-разному. Как-то я смотрел по телевизору, как один молодой актер получает премию «Эмми»: он поднялся на сцену, сразу «включился» и вошел в роль: «Я хочу сказать спасибо, спасибо мо-

76

ей жене»... Он наслаждался. Я начал думать, что вручение награды — это просто фантастический момент для человека, который может «включиться» только перед скоплением публики. Если именно это его заводит, то, получая этот шанс, он, наверняка, чувствует себя там, на сцене, великолепно и думает: «Я могу сделать, что угодно, все что угодно, ВСЕ!»

Так вот, я думаю, у каждого есть свое время и место для того, чтобы «включиться».

Где я включаюсь?

Я включаюсь, когда отключаюсь и иду спать. Это тот великий момент, которого я всегда жду.

* * *

«Хорошие» исполнители, по-моему, это универсальные записывающие устройства, потому что они могут воспроизводить и эмоции, и речь, и вид, и обстановку, — они более универсальны, чем магнитофоны, видеокамеры или книги. «Хорошим» исполнителям каким-то образом удастся полностью записать переживания, поведение людей и ситуации, и они включают эти записи, когда требуется. Они могут повторить реплику точно так, как она должна звучать, и сами выглядеть точно так, как они должны выглядеть, произнося ее, потому что уже где-то видели эту сцену раньше и зафиксировали ее в памяти. Так что они знают, какие реплики и как они должны быть произнесены. Или не произнесены.

Мне понятны либо актеры-любители, либо очень плохие исполнители, поскольку что бы они ни делали, у них никогда это не получается как следует, а значит, и не может быть фальшивым. Но я никогда не смогу понять «хороших профессиональных» исполнителей.

Все профессионалы, которых я видел, всегда делают одно и то же в определенный момент каждого шоу. Они знают, когда зрители рассмеются, а когда им станет интересно. А мне нравится то, что каждый раз меняется. Вот почему мне нравятся актеры-любители и плохие исполнители — никогда не угадаешь, что они выкинут.

Джеки Кертис в свое время писал пьесы и ставил их на Второй авеню, и пьеса менялась каждый вечер — реплики и даже сюжет. Неизменным оставалось только название пьесы.

77

Если два человека смотрели пьесу в разные дни и начинали ее обсуждать, они обнаруживали, что в двух представлениях не было ничего общего. Эти представления были «эволюционными», поскольку пьеса все время менялась.

Я знаю, что «профессионалы» работают быстро и хорошо, они все успевают, производят хорошее впечатление, они все делают правильно, не сбиваются с тона, исполняют свои номера, и проблем не бывает. Смотрите, как они играют, и они выглядят так естественно, что просто не можешь поверить, что они не импровизируют, — когда они говорят что-то смешное, кажется, это только что пришло им в голову. Но потом приходишь на следующее представление, и та же самая смешная реплика приходит им в голову вновь и вновь.

Если мне когда-нибудь пришлось бы подбирать актера на роль, я бы искал «неподходящего» человека. Я никогда не мог представить в какой бы то ни было роли «подходящего» человека. Подходящий актер для подходящей роли — это было бы слишком. Кроме того, никто никогда полностью не подходит ни на какую роль, потому что роль — выдумана, так что если нельзя найти никого, кто абсолютно подходит, лучше найти кого-нибудь, кто совершенно не подходит. Зато тогда уж знаешь, что роль получится.

Неподходящие люди всегда кажутся мне весьма подходящими. Когда перед тобой множество людей и все они «хорошие», трудно выбрать, и самое простое — это выбрать действительно плохого. А я всегда стремлюсь к самому легкому, потому что легкий для меня — это обычно самый лучший.

На днях я записывал рекламу какой-то аудиоаппаратуры, и я мог бы сделать вид, что говорю все слова, которые они мне дали и которые я сам бы никогда не произнес, но я просто не мог это сделать.

Когда я играл служащего аэропорта в кинофильме с Элизабет Тейлор, мне дали реплику типа: «Пойдемте. У меня важная встреча», но с языка у меня все время слетало: «Пошли, девочки». В Италии звук всегда записывают после съемок, поэтому что бы ты ни пропустил, ты все равно это скажешь.

Однажды я снимался в рекламном ролике авиалинии с Сонни Листоном: «Если у тебя что-то есть, выставляй это на-

78

показ!» Мне понравилось это говорить, однако потом они продублировали мой голос, хотя его — нет.

Некоторые считают, что знаменитости производят впечатление, если только ты знал о них с детства или задолго до того, как с ними познакомился. Они же говорят, что если ты никогда не слышал о человеке и вдруг знакомишься с ним, а потом кто-нибудь подходит и говорит тебе, например, что ты только что познакомился с самым богатым, самым знаменитым человеком в Германии, на тебя это знакомство не произведет особого впечатления, потому что раньше ты и представления не имел, насколько этот человек знаменит. Однако я воспринимаю все наоборот: на меня не производят впечатления все эти смешные люди, которых все считают знаменитостями, потому что мне всегда кажется, что с ними легче всего познакомиться. Больше всего я бываю поражен, когда знакомлюсь с кем-нибудь, с кем совсем не ожидал познакомиться, — я и мечтать не мог, что когда-нибудь буду с ними разговаривать. С такими людьми, как Кейт Смит, мать Паломы Пикассо Лесси, Никсон, «мамуля» Эйзенхауэр, Тэб Хантер, Чарли Чаплин.

Когда я был маленьким, я слушал по радио «Поющую Леди» все время, пока лежал в кровати и раскрашивал картинки. Потом в 1972 году я был на вечеринке в Нью-Йорке и меня представили какой-то женщине со словами: «Она была „Поющей Леди“ на радио». Я был изумлен. Я едва мог поверить, что действительно с ней познакомился, потому что никогда и не мечтал об этом. Я просто считал, что нет никакой возможности. Когда знакомишься с кем-нибудь, с кем никогда не мечтал познакомиться, оказываешься захваченным врасплох, у тебя нет никаких нафантазированных представлений о человеке, и ты не чувствуешь себя обманутым.

Некоторые проводят всю жизнь в мыслях об одном знаменитом человеке. Они выбирают кого-нибудь, кто знаменит, и вцепляются в него или в нее. Они всего себя посвящают мыслям об этом человеке, с которым они даже никогда не встречались, или, возможно, виделись один раз. Если спросить у любого знаменитого человека, какую почту он получает, узнаешь, что почти у каждого есть постоянный корреспондент, ко-

79

торый помешан на нем и пишет постоянно. Так странно думать, что кто-то проводит всю жизнь, думая о тебе.

Психи всегда мне пишут. Я думаю, моя фамилия включена у психов в какой-нибудь список для рассылки их корреспонденции.

Меня всегда беспокоит то, что когда сумасшедшие что-нибудь делают, они повторяют это вновь через несколько лет, даже не помня, что уже делали это раньше, они уверены, что это что-то — совершенно новое. В меня стреляли в 1968 году, это была версия - 1968. И меня неотвязно преследует мысль: «Вдруг кто-нибудь захочет сделать римейк покушения на меня в 70-е годы?» Таков еще один вид фанатов.

В ранний период развития кинематографа фанаты обожествляли свою звезду *целиком* — они выбирали себе звезду и любили в ней все. Теперь существуют фанаты разных уровней. Сейчас

фанаты обожествляют кинозвезд *по частям*. Сегодня могут превозносить звезду в одной области жизни и совершенно забывать о ней в другой. Большая рок-звезда может продать миллионы и миллионы записей, но если снимет плохой фильм и об этом пойдут слухи, о ней можно забыть.

Звездами сейчас становятся новые категории людей. Спортсмены выбиваются в весьма значительные новые звезды. (Когда я смотрю что-нибудь вроде Олимпийских игр, я думаю примерно так: «Когда же хоть кто-нибудь не побьет рекорд?» Если кто-нибудь пробежит за 2,2, значит ли это, что потом смогут пробежать за 2,1, 2,0, 1,9 и так далее, пока они не уложатся в 0,0? На каком результате спортсмены остановятся и не побьют рекорд? Придется ли им изменить время или изменить рекорд?)

В наше время даже если ты мошенник, с тобой все равно будут считаться. Ты можешь писать книги, выступать по телевидению, давать интервью — ты большая знаменитость, и никто не смотрит на тебя свысока за то, что ты мошенник. Ты все равно наверху. Это потому, что люди больше, чем в чем-либо еще, нуждаются в звездах.

80

Хороший запах тела означает хороший «кассовый сбор». Его можно учуять за милю. Чем больше об этом говоришь, тем сильнее запах, а чем сильнее запах, тем больше твой «к. с».

Работа за большие деньги может изменить твоё представление о себе. Когда я рисовал модели обуви для журналов, я получал определенную сумму за каждую модель и потом подсчитывал число нарисованных туфель, чтобы прикинуть, сколько я получу. Я жил по числу рисунков, пересчитывал их и знал, сколько у меня денег.

Фотомодели иногда бывают очень грубы. Они получают почасовую оплату и работают по восемь часов в день, а уходя домой, считают, что им все равно должны платить. Кинозвезды получают миллионы долларов можно сказать ни за что, поэтому, когда кто-то просит их сделать что-нибудь бесплатно, они выходят из себя — они думают, что если заговорят с кем-нибудь в бакалейном магазине, то должны за это тут же получить пятьдесят долларов в час.

Так что у тебя всегда должен быть какой-то продукт, помимо «тебя самого». Актрисе следует подсчитывать пьесы и фильмы, фотомодели — фотографии, писателю — слова, а художнику — картины, чтобы всегда точно знать, чего ты стоишь, а не заикливаться на мысли, что твой продукт — это ты сам, твоя слава и твоя аура.

81

6. Работа

Б: *Больницы — это что-то невообразимое.*

А: *Когда я был при смерти, мне пришлось подписывать чек.*

До того как в меня стреляли, я всегда думал, что я здесь скорее наполовину, нежели полностью — я всегда подозревал, что смотрю телевизор вместо того, чтобы жить жизнью. Иногда говорят, что события в кино нереальны, но на самом деле нереально то, что с тобой происходит в жизни. На экране эмоции выглядят сильными и правдивыми, а когда с тобой действительно что-то случается, то ничего не чувствуешь — как будто смотришь телевизор.

В тот момент, как в меня стреляли, и после этого, у меня было такое чувство, будто я смотрю телевизор. Каналы меняются, но все равно это телевидение. Так бывает, когда ты чем-то увлечен или с тобой что-то происходит. Тогда, как правило, ты забываешь себя и начинаешь фантазировать по поводу совсем других вещей. Когда я очнулся — я не знал, что это больница и что в Боба Кеннеди стреляли на другой день после меня, — я услышал сквозь свои фантазии слова о тысячах людей, молящихся в соборе Св.Патрика, а потом я услышал слово «Кеннеди», и это вернуло меня к телевизионному миру и понял: я здесь и мне больно.

Так вот, в меня стреляли на моем рабочем месте — в мастерских «Энди Уорхол Энтерпрайзес». В то время, в 1968 году, предприятие Энди Уорхола состояло из нескольких людей, которые регулярно работали для меня, множество так называемых «свободных художников», которые помогали выполнять отдельные проекты, и много «суперзвезд» или «гиперзвезд» или как там еще можно назвать тех, кто очень талантлив, но чей талант трудно определить и еще труднее продать. Таков был «штат „Энди Уорхол Энтерпрайзес“» в те дни. Один интервьюер задал мне кучу вопросов насчет того, как я управляю своим офисом, и я попытался объяснить, что не я управляю офисом, а он мной. Я употребил много таких выражений, как «приносить домой бэкон» («зарабатывать на жизнь»), так что не думаю, что он понял, о чем я говорю.

Все время, пока я находился в больнице, мой «штат» продолжал заниматься делами, и я понял, что у меня получился кинетический бизнес, потому что он продолжал функционировать без меня. Мне это понравилось, к тому времени я решил, что «бизнес» — лучшее искусство.

Бизнес — это следующая ступень после Искусства. Я начинал как коммерческий художник и хочу закончить как бизнес-

85

художник. После того, как я занимался тем, что называется «искусством», я подался в бизнес-

искусство. Я хочу быть Бизнесменом Искусства или Бизнес-Художником. Успех в бизнесе — самый притягательный вид искусства. В эпоху хиппи все принижали идею бизнеса, говорили: «Деньги — это плохо» или «Работать — плохо», но зарабатывание денег — это искусство и работа — это искусство, а хороший бизнес — лучшее искусство.

В начале на «Энди Уорхол Энтерпрайзес» не все было хорошо организовано. Мы перешли от искусства прямо к бизнесу, когда заключили договор на предоставление одному из кинотеатров одного кинофильма в неделю. Это придало нашим киносъемкам коммерческий характер, и таким образом мы перешли от короткометражных фильмов к полнометражным и игровым. Мы кое-что узнали о дистрибуции и вскоре стали пытаться распространять наши фильмы самостоятельно, но поняли, что это слишком трудно. Я и не предполагал, что кино, которое мы снимаем, будет коммерческим. Искусство вышло в коммерческое русло, в реальный мир. Это просто опьяняло — возможность увидеть наше кино там, в реальном мире, в зрительных залах, а не только в мире искусства. Бизнес-искусство. Арт-бизнес. Бизнес арт-бизнеса.

* * *

Мне всегда нравится работать над отходами, делать вещи из отходов. Я всегда считал, что у выброшенных вещей, вещей, которые по общему мнению никуда не годятся, огромный потенциал — из них можно сделать что-то очень смешное. Это как работа по переработке отходов. Я всегда думал, что в отходах масса юмора. Когда я вижу старый фильм Эстер Уильямс, где сто девушек прыгают с качелей, я думаю о том, как проходили предварительные просмотры и про все дубли, в которых у какой-нибудь девушки не хватило храбрости прыгнуть в нужный момент. В монтажной такой дубль становился «отходом» — его вырезали, и девушка, вероятно, тоже превращалась в «отходы» — ее, наверняка, увольняли. А ведь эта сцена была гораздо забавнее, чем настоящая, где все прошло нормально, и девушка, которая не прыгнула вовремя, была звездой вырезанных кадров.

86

Я не утверждаю, что общепринятые вкусы — плохи и то, что они отсеивают — хорошо; я лишь говорю, что отходы, вероятно, плохи, но если ты превратишь их во что-то хорошее или хотя бы интересное, то не так много пропадет зря. Ты утилизируешь работу людей и организуешь свой бизнес как побочный продукт другого бизнеса. Собственно говоря, бизнеса — твоего *непосредственного конкурента*. Так что это очень экономичный способ организации производства. И еще это самый смешной способ организации производства, потому что, как я уже сказал, отходы — в принципе забавны.

У людей, живущих в Нью-Йорке, есть настоящие стимулы хотеть того, чего никто другой не хочет — хотеть всевозможных отходов. Здесь столько людей, с которыми приходится конкурировать, что изменить свои вкусы и хотеть того, чего не хотят другие, — это единственная надежда чего-либо добиться. Например, в чудесные солнечные дни в Нью-Йорке на улице такая толпа, что за всеми этими телами не видно Центрального парка. Но ранним-ранним воскресным утром в ужасно дождливую погоду, когда никто не хочет вставать, а те, кто уже встал, все равно не хотят выходить из дома, можно выйти и побродить повсюду, и все улицы будут твои, и это прекрасно.

Когда у нас не было денег на художественные фильмы с тысячами вырезок и дублей и так далее, я попытался упростить процедуру съемок и стал снимать фильмы, в которых мы использовали каждый фут отснятой пленки, потому что это было дешевле, легче и смешнее. Благодаря этому у нас не оставалось никаких отходов. Потом, в 1969 году, мы начали монтировать наши фильмы, но даже в наших собственных фильмах они мне нравятся больше всего. Вырезанные кадры — превосходны. Я их тщательно храню.

Я отхожу от своей философии использования отходов только в двух случаях: (1) моя собака и (2) еда.

Я знаю, мне надо было бы пойти за собакой в приют, но вместо этого я купил пса. Так получилось. Я увидел его — и полюбил, и купил его. Здесь эмоции заставили меня отступить от моего принципа.

Также надо признаться, что я не выношу объедки. Еда — это моя самая большая экстравагантность. Я действительно балую себя, но потом стараюсь компенсировать это — соби-

87

раю все остатки и приношу их в мастерскую или оставляю на улице для утилизации. Совесть мне не позволяет ничего выбрасывать, даже если мне самому это не нужно. Как я уже сказал, я здорово балую себя в отношении пищи, так что и остатки моих трапез зачастую роскошны — кошка моей парикмахерши ест пахтет из гусиной печени, по крайней мере, два раза в неделю. Чаще всего остается мясо, потому что я покупаю огромный кусок мяса, готовлю его на ужин, а потом, за минуту до того, как оно готово, не выдерживаю и ем то, что мне с самого начала хотелось, — хлеб с джемом. Я обманываю себя, когда осуществляю процедуру приготовления белков: на самом деле я хочу только *сахара*. Все остальное — одна видимость, ведь нельзя же пригласить на ужин принцессу, а на закуску заказать печенье, как бы тебе ни хотелось. Все считают, что надо есть белки, и ты так и делаешь, чтобы о тебе не сплетничали. (Если ты заупрямишься и закажешь

печенье, тебе придется рассказывать о том, почему ты его заказал, о своей философии, согласно которой надо есть на ужин печенье. Это было бы слишком хлопотно, поэтому ты заказываешь баранину и больше не думаешь о том, чего тебе в действительности хочется.)

Я сделал свою первую магнитофонную запись в 1964 году. Теперь я пытаюсь припомнить, при каких именно обстоятельствах происходило то, что я записал на пленку. Я помню, кого записал, но не могу вспомнить, почему я носил с собой магнитофон в тот день или даже почему я пошел и купил магнитофон. Я думаю, все началось с того, что я попробовал написать книгу. Кто-то из друзей написал мне записку о том, что все наши знакомые пишут книги, и поэтому мне захотелось не отставать от них и тоже написать книгу. Поэтому я купил магнитофон и целый день записывал самого интересного человека, которого знал в то время, Ондина. Мне были любопытны все новые люди, с которыми я знакомился, и которые неделями не спали и оставались бодрыми. Я думал: «У этих людей такое воображение. Мне хочется знать, что они делают, почему они такие изобретательные и творческие, все время говорят, все время заняты, полны энергии... как они могут так долго не ложиться спать и не уставать». Я твердо решил не ложиться весь день и всю ночь и записать Ондина, самого разговорчи-

88

вого и энергичного из всех. Но в процессе записи я устал, и оставшееся от двадцати четырех часов время мне пришлось дописывать в течение двух дней. Так что, на самом деле мой роман оказался фальшивкой, поскольку был назван магнитофонным «романом» непрерывной двадцати четырех часовой записи, а в действительности был записан в несколько приемов. Для него мне понадобилось двадцать лент, потому что я записывал на маленькие кассеты. И как раз в это время в студию зашли какие-то девочки и спросили, нет ли для них работы, и я попросил их расшифровать и напечатать мой «роман», и им понадобилось полтора года, чтобы расшифровать и напечатать запись одного дня! Теперь мне это кажется невероятным, потому что я знаю, что, если бы они хоть немного умели это делать, они бы закончили все за неделю. Я иногда бросал на них восхищенные взгляды, потому что они убедили меня, что машинопись — одна из самых медленных и трудоемких работ в мире. Сейчас-то я понимаю, что мне достались отходы из машинисток-профессионалов, но тогда я этого не знал. Может, им просто нравилось находиться рядом с теми, кто болтался у меня в мастерской.

Еще я не мог понять этих людей, которые никогда не спали и всегда заявляли: «О, я уже девятый день не сплю, и все отлично!» Я думал: «Может, пора снять кино о ком-нибудь, кто спит всю ночь». Но моя камера снимала только в течение трех минут, и мне пришлось бы каждые три минуты ее перезаряжать ради трехминутных съемок. Я стал снимать на медленной скорости, чтобы наверстать те три минуты, потраченные на замену пленки, а показывали мы пленку тоже на замедленной скорости, чтобы наверстать то, что я не успел снять.

* * *

Полагаю, у меня особое представление о понятии «работа», потому что, я думаю, жизнь как таковая — очень тяжелая работа над чем-то, что тебе не всегда хочется делать. Родиться — все равно что быть похищенным. И потом проданным в рабство. Люди работают каждую минуту. Машина не останавливается. Даже когда ты спишь.

Самая тяжелая умственная работа, которую мне когда-либо Доводилось делать, — это прийти в суд и терпеть оскорбле-

89

ния. Ты стоишь там на месте свидетеля совсем один, и твои друзья не могут заступиться за тебя, и все молчат, кроме тебя и адвоката, и адвокат оскорбляет тебя и ты вынужден ему позволять это делать.

Я обожал работать в рекламе, мне говорили, что делать и как делать, и оставалось только внести свои коррективы, а мне говорили: да или нет. Тяжело, когда приходится придумывать безвкусные вещи и реализовывать их самостоятельно. Когда я думаю о том, кого мне больше всего хотелось бы нанять на работу, я думаю, это был бы начальник. Начальник, который говорил бы мне, что делать, потому что это очень облегчает работу.

Если у тебя не такая работа, где вам приходится делать то, что тебе велит кто-нибудь другой, тогда единственный «человек», который способен быть вашим начальником, — это компьютер, запрограммированный специально для тебя, который принимает во внимание все твои финансовые возможности, предрассудки, причуды, потенциал идей, темперамент, таланты, личные конфликты, желаемую скорость роста, степень и характер конкуренции, что ты ешь на завтрак в последний день выполнения контракта, кому завидуешь и т.д. Многие люди могли бы мне помочь в отдельных областях и частностях моего бизнеса, но только компьютер был бы мне полезен абсолютно во всем.

Если бы у меня был хороший компьютер, я мог бы за выходные угнаться за своими мыслями, если бы отстал от самого себя. Компьютер был бы высококвалифицированным начальником.

Что я в последнее время не делаю, а надо бы, — чаще встречаться с учеными. Я думаю, самым лучшим званым ужином был бы тот, на котором каждого приглашенного попросили бы принести с

собой какую-нибудь новость из мира науки. Тогда не осталось бы ощущения, что ты потратил время зря, лишь накормив пищей желудок. Однако о болезнях — ни слова. Исключительно новости из мира науки.

Мне посылают по почте много подарков, но хотелось бы, чтобы вместо них и рекламы изданий по искусству я получал бы рекламу научных идей на доступном мне языке. Тогда мне снова захотелось бы открывать почту.

90

Когда я работаю над бизнес-проектом, я все время жду, что случится что-то плохое. Мне всегда кажется, что сделки провалятся самым чудовищным и ужасным образом. Хотя, думаю, не стоило бы волноваться. Если что-то должно случиться, оно случится помимо твоей воли. Но этого не случается до тех пор, пока ты не перешагнешь за тот предел, когда тебе уже все равно, случится это или нет. Одна моя подруга-актриса рассказала мне, что после того, как ей уже не нужны стали деньги и драгоценности, у нее появились и деньги и драгоценности. Я думаю, мы выигрываем от того, что так всегда получается, поскольку когда ты уже не жаждешь иметь что-то, ты не сойдешь с ума, получив это. Когда ты перестаешь желать чего-то, ты сможешь справиться с его обладанием. Или еще до того, как это желание появилось. Но никогда не одновременно. Если получаешь что-то, когда действительно этого хочешь, то просто сходишь с ума. Все искажается, когда что-то, в чем ты действительно нуждаешься, оказывается у тебя в руках.

Следующая по степени тяжести работа, после процесса жизни — это секс. Конечно, для некоторых это не работа, потому что они нуждаются в этом упражнении, у них есть энергия для секса, а секс дает им еще больше энергии. Некоторые *получают* энергию от секса, а некоторые — *теряют*. Я убедился в том, что это слишком трудоемкий процесс. Но если у тебя есть на это время и если ты нуждаешься в таком упражнении, — значит, нужно это делать. Но можно было бы избежать многих хлопот, если бы удалось сначала понять, получаешь энергию или теряешь. Как я уже сказал, лично я теряю энергию. Однако могу понять и тех, кто бежит в поисках секса.

Для привлекательного человека не заниматься сексом — такая же тяжелая работа, как для непривлекательного — заниматься, так что оптимальный вариант — это когда привлекательные люди получают энергию от секса, а непривлекательные — теряют, потому что тогда их потребности совпадают с тем направлением, куда их подталкивают другие.

Так же, как и занятие сексом, половая принадлежность — тоже тяжелая работа. Не знаю, что тяжелее: (1) мужчине быть мужчиной, (2) мужчине быть женщиной, (3) женщине быть женщиной или (4) женщине быть мужчиной. Я действитель-

91

тельно не знаю ответа, но, судя по моим наблюдениям, мне кажется, что мужчины, старающиеся быть женщинами, считают, что им тяжелее всех. У них двойной рабочий день. Они делают все в два раза больше: им надо помнить, когда бриться, а когда нет, наряжаться или нет, покупать и мужскую и женскую одежду. Наверное, интересно пытаться принадлежать к противоположному полу, но просто иметь свой пол — это тоже может быть увлекательно.

Один мой знакомый попал в самую точку, когда сказал: «Фригидные люди действительно добиваются успеха». У фригидных людей нет стандартных эмоциональных проблем, которые стесняют многих и мешают им заниматься делом. Когда мне было двадцать с небольшим и я только что закончил колледж, я понимал, что недостаточно фригиден, чтобы не давать эмоциональным проблемам отвлекать меня от работы.

Я думал, что у молодых — больше проблем, чем у пожилых, и надеялся, что доживу до такого возраста, когда у меня будет меньше проблем. Потом я огляделся вокруг и увидел, что у всех, кто выглядит молодым, — проблемы молодых, а у всех, кто выглядит старым, — проблемы пожилых. Мне показалось, что с проблемами стариков легче справиться, чем с проблемами молодых. Поэтому я решил поседеть, чтобы никто не знал, сколько мне лет, и чтобы выглядеть моложе в глазах других. Я считал, что много выиграю, поседев: (1) у меня будут проблемы стариков, с которыми легче справиться; (2) все будут удивляться, как я молодо выгляжу; (3) я освобожусь от обязанности вести себя как молодой человек, смогу иногда казаться эксцентричным или впасть в маразм, и это никого не удивит из-за моих седых волос. Когда у тебя седые волосы, твое каждое движение кажется «молодым» и «бодрым», а не считается признаком нормальной активности. У тебя как будто появляется новый талант. Поэтому я выкрасил волосы в седой цвет, когда мне было двадцать три или двадцать четыре года.

Иногда в своих помощниках мне не хватает некоторого недопонимания того, что я пытаюсь делать. Не серьезного непонимания, а всего лишь несущественного недопонимания

92

здесь и там. Когда человек не совсем понимает, что ты от него хочешь, или что ты велел сделать, или когда его собственные фантазии начинают прорываться наружу, в конце концов мне нравится то, что получилось, причем больше, чем первоначальная идея. И потом, если ты отдашь то, что сделал первый человек, который тебя не понял, кому-то еще и велишь сделать то, что тебе нужно, результат тоже будет неплохой. Если же люди всегда понимают тебя и делают все точно так, как

ты им говоришь, они становятся простым передатчиком твоих идей, и тебе это надоедает. Но когда ты работаешь с людьми, которые понимают тебя неправильно, вместо *передачи* ты получаешь *преобразование*, что в конечном счете намного интереснее.

Мне нравится, когда у людей, которые работают со мной, есть собственные мысли обо всем, тогда они мне не надоедают, но в то же время мне нравится, когда они достаточно похожи на меня, чтобы составить мне компанию. Мне нравится, когда обо мне заботятся, но не когда меня забывают.

По-моему, пора открыть курсы для горничных в колледже и дать им какое-нибудь привлекательное название. Люди не хотят работать, если их работа не имеет привлекательного названия. Идея Америки изобрести от горничных и уборщиков в теоретическом смысле величественна, но ведь все равно кому-то нужно этим заниматься. Я часто думаю, что даже очень образованные женщины могут многое извлечь из профессии горничной, потому что они увидят много интересных людей и будут работать в самых красивых домах. Каждый человек что-нибудь да делает для другого — сапожник шьет для тебя обувь, а ты его развлекаешь — это всегда обмен, и если бы не печать презрения, которую мы наложили на некоторые специальности, обмен всегда был бы равноценен. Мать всегда делает что-то для ребенка, так почему бы человеку с улицы не сделать что-нибудь для вас? Но всегда находятся такие люди, которые вообще ничего не убирают и считают, что они лучше тех, кто наводит порядок.

Я всегда думал, что Президент может сделать очень много для того, чтобы изменить эти представления. Если Президент зайдет в общественный туалет Капитолия и снимут на телекамеру, как он чистит туалет и говорит: «Почему нет? Кто-то

93

должен это делать!», это здорово поддержит боевой дух людей, занимающихся чудесной работой по чистке туалетов. Я и правда считаю, что они делают замечательное дело.

У Президента так много рекламного потенциала, который не используется. Ему надо бы как-то сесть и составить список всего того, что люди стесняются делать, но чего не должны стесняться, а потом проделать все это самому и показать по телевидению.

Иногда мы с Б фантазируем о том, что я бы делал, если бы был Президентом — как бы использовал свое телевизионное время.

У стюардесс авиалиний самый лучший общественный имидж — хозяйки воздушного салона. На самом деле их работа такая же, как у официанток в «Бикфорде» плюс несколько дополнительных обязанностей. Я не хочу принижать стюардесс, я просто хочу повысить престиж леди из «Бикфорда». Разница в том, что стюардесса — это профессия Нового Мира, к которой никогда не применялись классовые критерии, оставшиеся от крестьянско-аристократического синдрома Старого Мира.

Что замечательно в нашей стране, так это то, что Америка положила начало традиции, по которой самые богатые потребители покупают в принципе то же самое, что и бедные. Ты смотришь телевизор и видишь кока-колу, и ты знаешь, что Президент пьет кока-колу, Лиз Тейлор пьет кока-колу и только подумай — ты тоже можешь пить кока-колу. Кока-кола есть кока-кола, и ни за какие деньги ты не купишь кока-колы лучше, чем та, что пьет бродяга на углу. Все кока-колы одинаковы, и все они хороши. Лиз Тейлор это знает, Президент это знает, и ты это знаешь.

В Европе королевская семья и аристократы питались всегда гораздо лучше, чем крестьяне — они ели далеко не одно и то же. Либо куропатки, либо овсянка — каждый класс придерживался своего рациона. Но когда Королева Елизавета была с визитом в Америке, и Президент Эйзенхауэр купил ей хот-дог, я уверен, он был убежден, что она не может заказать в Букингемском дворце хот-дог лучше, чем тот, что он купил ей центов за двадцать в парке. Потому что просто не бывает

94

хот-дога лучше, чем хот-дог в парке. Ни за доллар, ни за десять долларов, ни за сто тысяч долларов она не купит лучше хот-дога. Она может купить его за двадцать центов, как и все остальные.

Иногда возникает мысль о том, что у высокопоставленных, богатых и расточительных людей есть что-то, чего у тебя нет, что их вещи должны быть лучше, чем твои, потому что у них больше денег, чем у тебя. Но они пьют ту же кока-колу, и едят те же хот-доги, и носят ту же одежду, пошитую членами профсоюза, и смотрят те же телешоу и кинофильмы. Богатые люди не могут посмотреть более глупую версию фильма «Правда или последствия» (Truth or Consequences) или более страшную «Изгоняющего дьявола» (The Exorcist). Ты можешь возмущаться точно так же, как они, и у тебя могут быть те же самые ночные кошмары. Все это действительно по-американски.

Идея Америки так великолепна, потому что чем больше в чем-то равенства, тем больше это соответствует американской идее. Например, во многих местах с тобой обращаются по-особому, если ты знаменит, но это не по-американски. На днях со мной произошло кое-что *очень* американское. Я пришел на аукцион в Парк-Бернете и меня не пустили, потому что со мной была моя собака, так что мне пришлось ждать приятеля, с которым я собирался встретиться, в коридоре, чтобы сообщить о том, что меня вывели. А пока я стоял в коридоре, я раздавал

автографы. Это была типично американская ситуация.

(Кстати, когда ты знаменит, «особое обращение» иногда срabатывает наооборот. Иногда люди недоброжелательны ко мне, потому что я — Энди Уорхол.)

* * *

Всегда, когда это только возможно, надо платить людям в полном соответствии с их талантом или родом занятий. Писателю можно платить по количеству слов, страниц, числу раз, когда читатель расплатится или рассмеется, за главу, количество новых идей, за книгу, за год работы — это лишь некоторые из возможных критериев. Режиссеру можно платить за фильм, за фут отснятой пленки или за то число раз, что в кадре появляется «шевроле».

95

Я все еще размышляю о горничных. Это в самом деле зависит от твоего воспитания. Некоторые просто не стесняются того, что за ними кто-то убирает, и хотя я говорю о том, что работа горничной не отличается от любой другой работы, — она не *должна* считаться непохожей на любую другую работу — все же, где-то в глубине души, меня очень смущает мысль о том, что за мной кто-то убирает. Если бы я действительно мог думать о профессии горничной так же, как, например, о профессии дантиста, я бы без стеснения позволял горничной убирать за собой, так же как я позволяю зубному врачу приводить в порядок мне зубы. (На самом деле зубной врач — неподходящий пример, потому что я стесняюсь, когда мне лечат зубы, особенно если у меня прыщи, а я сижу под этим зеленым светом. Но все же этот пример возможен, потому что стеснение от того, что кто-то лечит мне зубы, не сравнить со смущением, которое испытываю, когда рядом находится человек, который убирает за мной.)

Я сталкиваюсь с проблемой, как вести себя с горничной, только когда останавливаюсь в каком-нибудь европейском отеле или когда я гощу у кого-нибудь. Так неловко, когда встречаешься лицом к лицу с горничной. Я никогда не могу этого выдержать. Некоторые мои знакомые совершенно спокойно смотрят на горничных и даже говорят им, что надо сделать, но я с этим не справляюсь. Когда я живу в гостинице, я стараюсь оставаться в номере весь день, чтобы горничная не смогла войти. Я делаю это специально. Потому что я просто не знаю, куда девать глаза, куда смотреть, что делать, когда они убирают. Если подумать, избегать горничную — это тяжелая работа.

В детстве я никогда не мечтал иметь горничную, я мечтал только о конфетах. С наступлением зрелости эта мечта трансформировалась в то, что надо «зарабатывать деньги, чтобы покупать конфеты», потому что с возрастом, конечно, становишься реалистом. Потом, после моего третьего нервного расстройства, моя карьера стала налаживаться, и я покупал все больше и больше конфет, так что теперь у меня есть комната, набитая конфетами. Как я теперь думаю, благодаря моему успеху у меня есть комната для конфет, а не комната для горничной. Как я уже сказал, умение вести себя с горничной зависит от того, о чем ты мечтал в детстве. В результате мо-

96

их детских фантазий мне теперь гораздо приятнее смотреть на шоколадный батончик «Херши».

Странно, что иметь деньги значит так немного. Приглашаешь троих в ресторан и платишь триста долларов. Ладно. Потом приглашаешь тех же троих в закусочную на углу. И наедаешься так, как в шикарном ресторане, даже больше, и это обходится только в пятнадцать-двадцать долларов, а ешь ты, в принципе, одно и то же.

На днях я размышлял о том, чем в Америке надо заниматься, если хочешь добиться успеха. Прежде для этого требовалось обладать чувством ответственности и иметь дорогой костюм. Сегодня я оглядываюсь вокруг и думаю, что надо делать то же самое, что и раньше, только не носить хорошего костюма. Наверное, в этом все дело. Думай, как богатый. Одевайся, как бедный.

97

7. Время

А: Я всегда думаю о людях, которые строят здания, а потом умирают, и их больше нет на свете. Или например, в фильме показывают толпу, а в жизни все эти люди давно умерли. Это пугает.

Я стараюсь понять, что такое время, и могу придумать только... «Время есть то время, что было». Говорят «Время у меня на руках». Ну я посмотрел на мои руки и увидел множество линий. А потом одна знакомая сказала, что у некоторых людей линий нет. Я ей не поверил. Мы сидели в ресторане, и она сказала: «Как ты можешь так говорить? Посмотри вон на того официанта!» Она подозвала его: «Голубчик! Не принесете ли стакан воды?», а когда он принес стакан, она схватила его за руку и показала ее мне, и там не было линий! Только три главные. И она сказала: «Вот видишь? Я же тебе говорила. У некоторых, таких как этот официант, нет линий». И я подумал: «Надо же! Хотелось бы мне быть официантом».

Если линии на руках — морщины, это значит, что твои руки очень много беспокоятся.

Иногда тебя приглашают на роскошный бал, и ты целые месяцы думаешь, как это будет шикарно и интересно. Потом прилетаешь в Европу, приходишь на бал, и когда вспоминаешь о нем месяца два спустя, все, что ты помнишь, это, возможно, машина, в которой ты ехал туда, а сам бал совсем

не помнишь. Иногда не придаешь значения какому-нибудь мгновению, а потом оказывается, что оно определило целый период твоей жизни. Я должен был бы месяцами мечтать о поездке на бал в машине, о том, как одеться для поездки в машине, и как купить билет в Европу, чтобы прокатиться там на машине. И тогда, кто знает, может быть, мне запомнился бы и сам бал.

Некоторые люди, решив что их возраст становится все более солидным, начинают вести себя как старики. А есть другие, которые всю жизнь выглядят на двадцать. Интересно наблюдать за кинозвездами — ведь с ними это происходит особенно часто, — которые сохранили всю свою энергию, потому что для них красота — это их работа, и они вынуждены оставаться молодыми.

Поскольку люди в будущем станут жить дольше и становиться старше, им придется научиться дольше быть детьми. Я ду-

101

маю, сейчас как раз это и происходит. Например, некоторые мои юные знакомые задерживаются в периоде своего младенчества.

Однажды я стоял на парижской улице, и на меня смотрела пожилая дама, и я подумал: «Наверное, она глазеет на меня, потому что она из Англии». Многие англичане узнают меня благодаря одной лондонской телепередаче, в которой мне довелось сыграть главную роль. Так вот, я попытался отвернуться, а она сказала: «Вы случайно не Энди?» Я сказал, что да, и она ответила: «Вы гостили у меня в доме, в Провинста-уне, двадцать восемь с половиной лет назад. Вы носили широкополую шляпу от солнца. Вы меня, конечно, не помните, но я никогда не забуду вас в этой шляпе. Вы совершенно не переносили солнца». Я почувствовал себя очень странно, потому что я этого совсем не помнил, а она запомнила с точностью до месяца. Раз она вспомнила, что это было «двадцать восемь с половиной лет назад», даже не подсчитывая, значит она действительно держала это в памяти и говорила: «Вот прошло девятнадцать лет с тех пор, как он приезжал сюда в своей соломенной шляпе». Это было очень странно — ее муж был с ней, и они стали спорить о том, сколько лет назад это было. Он сказал: «Нет-нет. Мы же еще не были женаты, помнишь? Так что, наверное, это было двадцать шесть лет и девять месяцев тому назад». Некоторые говорят, что Париж более эстетичен, чем Нью-Йорк. Ну в Нью-Йорке у тебя не хватает времени на эстетику, потому что полдня нужно, чтобы доехать до окраины и еще полдня, чтобы доехать до центра.

А еще бывает, иногда на улице натыкаешься на человека, которого не видел, например, пять лет, и начинаешь общаться как ни в чем не бывало. Когда встречаешь человека с чувством, как будто и не расставался с ним, — это самое лучшее. Ты не спрашиваешь: «Чем ты занимался?», не пытаешься наверстать упущенное. Может быть, ты скажешь, что идешь на 8-ю стрит, чтобы купить сливочное мороженое, а может быть, он скажет, какой фильм идет смотреть, вот и все. Только небрежный обмен новостями. Очень легко, спокойно, спонтанно, совсем по-американски. Никто не удивлен, никто

102

не сбился с ритма, никто не впал в истерику, никто не отстал. Вот это по-настоящему здорово. А если человек спросит тебя о каком-то знакомом, скажи только: «Да, как же, я видел, как он пил молочный коктейль на 53-й стрит». Просто води себя ровно, как будто вы встречались вчера.

Я думаю, у меня в организме не хватает каких-то веществ, и поэтому у меня есть склонность быть... маменькиным сынком. Ну... «девчонкой». Нет, маменькиным сынком. «Вечным мальчиком». Я думаю, у меня не хватает веществ, управляющих ответственностью и производством. Если бы они у меня были, я бы больше думал о том, чтобы стариться правильно, четыре раза жениться и завести семью — жены, дети и собаки. Я незрелый, но может, что-нибудь еще случится с моими гормонами и я смогу повзрослеть. У меня начнут появляться морщины, и я перестану носить свои крылышки.

Обычно говорят, что время все меняет, но на самом деле, это ты сам все изменяешь.

* * *

Иногда люди позволяют одной и той же проблеме годами портить им жизнь, а между тем они могут просто сказать: «Ну и что». Это одно из моих любимых выражений: «Ну и что?»

«Мама меня не любила». Ну и что.

«Муж не хочет меня». Ну и что.

«Я преуспел, но до сих пор одинок». Ну и что.

Не знаю, как мне удалось выжить в те годы, когда я еще не научился этой премудрости. Мне понадобилось много времени, чтобы постичь ее, но когда я научился так мыслить, это осталось со мной навсегда.

Что заставляет человека тратить время на грусть, когда он может быть счастлив? Я был на Дальнем Востоке, шел по дорожке и увидел веселую вечеринку, а оказалось, что там заживо сжигали человека. Они устроили праздник и радовались, пели и танцевали.

А в другой раз я был в районе Бауэри, там кто-то выпрыгнул из окна ночлежки и разбился, и вокруг тела собралась

103

толпа, а какой то бродяга, шатавшийся рядом, сказал мне: «Видел цирк на той стороне улицы?» Я не говорю, что надо радоваться, когда человек умирает, — просто любопытно наблюдать случаи, которые доказывают, что *необязательно* грустить об этом, все зависит от того, что это по-твоему означает, и что ты думаешь об этом.

Человек может смеяться или плакать. Всегда, когда ты плачешь, ты мог бы смеяться, у тебя есть выбор. Сумасшедшие знают это лучше всех, потому что их ум свободен. Можно научиться использовать гибкость, на которую способен твой ум, и заставить ее работать на тебя. Ты сам решаешь, что ты хочешь делать и как хочешь проводить время. Мне, например, при моем недостатке каких-то гормонов, сделать это легче, чем человеку, у которого преобладают гормоны ответственности. И все же один и тот же принцип вполне применим в разных обстоятельствах.

Когда закончится отпущенное мне время, когда я умру, я не хочу, чтобы от меня оставались какие-то отходы. И сам я не хочу быть отходом. На этой неделе по телевизору показывали, как женщина вошла в лучевую машину и исчезла. Это было чудесно, потому что материя — это энергия, и она просто рассеялась. Это могло бы быть по-настоящему американским изобретением, лучшим американским изобретением — возможность исчезнуть. При этом нельзя сказать, что ты умер, нельзя сказать, что тебя убили, и нельзя сказать, что ты из-за кого-то совершил самоубийство.

Самое худшее, что может с тобой случиться после конца жизни, — это если тебя забальзамируют и положат в пирамиду. Мне противно думать, что египтяне брали каждый орган и бальзамировали его в отдельном сосуде. Я хочу, чтобы мой организм просто исчез.

И все-таки на самом деле мне нравится мысль, что люди после смерти превращаются в песок или что-то еще, так что организм продолжает работать и после твоей смерти. Наверное, исчезнуть — означало бы увильнуть от работы, которую твоему организму еще надо проделать. Поскольку я верю в работу, я думаю, мне не стоило бы исчезать после смерти. И потом, как это было бы очаровательно — вновь воплотиться в массивном кольце на пальце Полины де Ротшильд.

104

Я на самом деле живу для будущего, например, когда я открываю коробку конфет, мне не терпится попробовать последнюю. Я даже не чувствую вкуса других конфет, я только хочу доесть все, выбросить коробку и больше не думать об этом.

Мне хочется либо получить это прямо сейчас, либо знать, что никогда этого не получу, — просто чтобы перестать думать об этом.

Вот почему иногда мне хочется, чтобы я выглядел очень старым, чтобы не думать о том, что постарею.

Я действительно выгляжу ужасно и никогда не пытаюсь принарядиться или выглядеть привлекательно, потому что я просто не хочу, чтобы кто-либо завязывал со мной длительные отношения. И это правда. Я скрываю свои хорошие черты иставляю напоказ плохие. Поэтому я выгляжу ужасно и ношу не те брюки и не те ботинки, и прихожу не вовремя с неподходящими приятелями, и говорю не то, и разговариваю не с теми, и все *равно*, несмотря ни на что, иногда кто-то начинает мной интересоваться, и я спасаюсь бегством и задумываюсь: «Что я сделал не так?» Я иду домой и пытаюсь это вычислить. «Ну, наверное, на мне было надето что-нибудь, что кому-то понравилось. Мне лучше это сменить. Пока дело не зашло слишком далеко». И я подхожу к моему тройному зеркалу и вижу, что на лице у меня вскочило пятнадцать прыщей, и вообще-то это должно было оттолкнуть любого. Я думаю: «Как странно. Я знаю, что выгляжу плохо. Я постарался выглядеть особенно плохо, особенно не так — потому что я знал, что там будет много правильных людей, и все равно, мной кто-то заинтересовался...» Тогда я начинаю паниковать, потому что не знаю, что во мне привлекательного и что я должен устранить, пока это не принесло мне новых неприятностей. Понимаете, завязывать знакомство еще с очередным человеком слишком тяжело, потому что каждый новый человек отнимает у тебя больше времени и места. Единственный способ сохранить немного времени для себя самого — поддерживать себя в таком непривлекательном виде, чтобы никому другому ты не был интересен.

Я смотрю на таких профессионалов, как комедийные актеры в ночных клубах, и меня всегда поражает, как они здорово

105

держат ритм, но никогда не понимаю, как они могут все время говорить одно и то же. А потом я понял, в чем дело, ведь все равно всегда повторяешь одно и то же, независимо от того, просят ли тебя об этом или это является твоей работой. Обычно совершаешь одни и те же ошибки. Повторяешь свои обычные ошибки всякий раз, чем бы ты ни начинал заниматься.

Когда я начинаю чем-то интересоваться, я всегда знаю, что это не вовремя. Я всегда интересуюсь нужными вещами в неподходящее время. Потому что сразу после того, как меня начинает беспокоить то, что я все еще обдумываю какую-то идею, эта идея сразу приносит кому-то другому несколько миллионов долларов. Мои старые добрые ошибки.

Я кое-что узнал о времени, когда в Нью-Йорке пришлось ездить в офисы на встречу с разными людьми. Если кто-то из них назначал мне встречу на десять часов, и я выбивался из сил, чтобы добраться туда ровно в десять, и приходил вовремя, то принимали меня только без пяти час.

Когда пройдешь через это сто раз и услышишь: «Десять часов?», то отвечаешь: «Ну-у, это нереально; я думаю, что загляну без пяти час». И я стал заглядывать без пяти час, и это всегда срабатывало. Именно тогда я виделся с теми, кто мне был нужен. Так я учился. Как будто ты лабораторная крыса, и тебя подвергают всяким испытаниям, причем ты получаешь награду, если действуешь правильно, а если — нет, тебя отбрасывают назад, — и так ты учишься. Так я научился узнавать, когда люди будут на месте.

Моя схема не сработала только единственный раз — с Лиз Тэйлор. Я был в Риме, где снимался в фильме вместе с ней, и в течение недели она ежедневно опаздывала на съемки, и наконец я подумал: «Ну послушайте, давайте завтра отдохнем и не станем вставать в шесть тридцать». Именно в тот день она пришла раньше всех. Она пришла раньше костюмерши и рабочих ателье. Она пришла, когда закипал кофе. С ней не соскучишься. Она сделала то же самое, что я, но наоборот, и меня это сбilo с толку, потому что я недостаточно хорошо ее знал, чтобы предвидеть ее поведение. Когда Лиз Тэйлор опоздала пятьдесят раз, а потом один раз пришла слишком

106

рано, она, наверное, применила тот же принцип, что я, когда выкрасил волосы в седой цвет, чтобы мои нормальные поступки казались «по-юношески бодрыми». Когда Лиз Тэйлор приходит вовремя, кажется, что она приходит «раньше». Это похоже на то, как будто у тебя внезапно проявляется новый талант после того, как ты долгое время делаешь что-нибудь очень плохо, а потом вдруг один раз сделаешь хорошо.

Мне нравится, что людям в Нью-Йорке теперь приходится стоять в очереди, чтобы попасть в кино. Часто проходишь мимо кинотеатра и видишь длинную-длинную очередь. Но не видишь, чтобы кто-нибудь огорчился из-за этого. Просто жизнь теперь такая дорогая, и если ты пришел на свидание, то можно провести все время вдвоем в очереди, и твои деньги оказываются сэкономленными, потому что пока вы ждете, тебе не надо думать ни о чем другом, и ты лучше узнаешь человека, и вы немного страдаете вместе, а потом развлекаетесь в кино часа два. Так вы сходитесь очень близко, разделяя всю гамму переживаний. А когда ждешь чего-нибудь, это всегда кажется более волнующим. Так и не получить этого — самое волнующее, но на втором месте — ждать, пока это получишь.

* * *

Если бы у меня было время на один отпуск в десять лет, я не думаю, что захотел бы куда-нибудь поехать. Я бы, наверное, просто пошел в свою комнату, взбил подушку, включил пару телевизоров, открыл коробку крекера «Ритц», сломал печать на коробке конфет «Рассел Стоверс», взял бы свежий номер

какого-нибудь журнала, кроме «ТВ Гида», из киоска на углу, а потом снял телефонную трубку и позвонил всем, кого знаю, и попросил бы их посмотреть телепрограмму по их «ТВ Гидам» и сказать мне, что показывают, что показывали и что покажут по телевизору. А еще мне нравится перечитывать газеты. Особенно в Париже. Я прямо не могу начитаться международной «Геральд Трибьюн». Обожаю празднично проводить время, пока все занимаются своими делами. А потом они приходят ко мне и начинают рассказывать мне о том, что случилось. В моей комнате время для меня идет медленно, только за ее пределами все происходит так быстро.

107

Я не люблю путешествовать, потому что мне очень нравится, когда время идет медленно, а чтобы успеть на самолет, надо выехать за три-четыре часа, так что день, можно считать, потерян. Если хочешь, чтобы жизнь проходила перед тобой как фильм, просто путешествуй, и можешь забыть о своей жизни.

Мне нравится рутина повседневной жизни. Те, кто мне звонят, говорят: «Надеюсь, я не нарушаю твой привычный распорядок своим звонком». Они знают, как мне нравится мой распорядок.

Одну ошибку я делаю раз за разом — я задерживаю лифт. А еще, хотя я стараюсь выбрасывать ненужные вещи и упрощать себе жизнь, я раздаю их другим.

Когда смотришь фильм впервые, действие развивается быстро, а потом, когда его смотришь во второй раз, все идет еще быстрее. Если тебе хочется страдать, сходи на какой-нибудь фильм, а потом пойди посмотреть его еще раз. Ты увидишь, что во второй раз твои страдания проходят быстрее.

Я могу вечером посмотреть триллер с убийством, а потом посмотреть его еще раз на следующий вечер и все равно не знать, кто это сделал, до самой последней минуты. Поэтому я знаю, что со мной что-то действительно не *так*. Я имею в виду, если я могу сидеть и смотреть в очередной раз «Худого мужчину» (Thin Man), и на следующий вечер смотреть то же самое, и по-прежнему не знать, кто же убийца, до самой последней минуты... И я буду так же недоумевать и вертеться на краешке стула, и ждать, пока все выяснится, и буду так же поражен, как вчера вечером. Если бы я посмотрел фильм пятнадцать раз, тогда, *может быть*, один раз из пятнадцати я бы все вспомнил, и у меня появилось бы смутное представление о том, кто это сделал. Думаю, время — это самый лучший сюжет: тревожное ожидание, вспомнишь ты или нет.

Электронные настенные и наручные часы действительно показывают мне, что у меня новое время

на руках. И это несколько пугает. Кто-то придумал новый способ показывать время, так что, наверное, мы недолго еще будем говорить

108

«один час», потому что это «по часам», а часов больше не будет: у нас будет «время один» вместо «один час», и «время три тридцать», и «время четыре сорок пять».

Когда я был маленький и часто болел, это время, пока я болел, было как маленькие передышки. Уход в себя. Игра в куклы.

Я никогда не вырезал своих кукол из альбомов для вырезания. Некоторые из тех, кто работал со мной, могут предположить, что за меня их вырезал кто-нибудь другой, но на самом деле я их не вырезал, потому что не хотел портить красивые страницы. Я всегда оставлял моих кукол в альбомах.

О времени

Время от времени
Успей вовремя
Распиши свое время

В выходные

Во время
Мгновенно
В должное время
В промежутках времени
Время от времени
Продолжительность жизни
Подпорченный временем

Проводить время
Отмечать время
Покупать время
Правильно показывать время

Вовремя
Своевременно
Отдых
Тайм-аут
Время присутствия
Временная карта

109

Промежуток времени
Временная зона

Время до
Время во время
Время после
Все время...

Когда я сегодня оглядываюсь вокруг, самый вопиющий анахронизм, который я вижу, — это беременность. Я просто не могу поверить, что люди все еще могут быть беременны.

Лучшее время для меня — это когда у меня нет таких проблем, от которых я не могу откупиться.

110

8. Смерть

А: Мне так печально об этом слышать. Я просто думал, что все идет как по волшебству, и это никогда не случится.

Я не верю в нее, потому что, когда она наступает, человека уже здесь нет. Я не могу ничего о ней сказать, потому что я к ней не готов.

113

9. Экономика

А: *Если ты Рокфеллер, Нью-Йорк — и вправду твой город. Представляешь?*

Я не разбираюсь ни в чем, кроме ЗЕЛЕННЫХ БАНКНОТ. Ни в оборотных акциях, ни в личных чеках, ни в туристических чеках.

А если в СУПЕРМАРКЕТЕ даешь кому-нибудь стодолларовую бумажку, *сразу зовут менеджера*.

Деньги ПОДОЗРИТЕЛЬНЫ, потому что все думают, что у тебя их быть не должно, даже если они у тебя есть.

Теперь я ПАРАНОИДНО ПОДОЗРИТЕЛЕН, когда иду в «Д'Агостино», потому что у меня с собой всегда еще одна ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СУМКА, и меня просят ее показать, но я не хочу. Даме не требуется показывать свою сумочку, вот и я не буду. Из принципа. А потом у меня начинается параноя, что подумают, будто я ворую, и поэтому я высоко держу голову и ВЫГЛЯЖУ БОГАТЫМ. Ведь я не ворую. Я направляюсь прямо к молочному прилавку со своими деньгами, и я так счастлив, потому что собираюсь пройтись вдоль всех прилавков и купить всякие вещички, которые положу на подоконник в своей спальне.

Богатые не носят деньги в кошельках и разных сумочках от Гуччи или Валентино. Они носят деньги в деловом конверте. В длинном деловом конверте. Десятки завернуты в бумажную полоску, так же и пятерки, и двадцатки. И купюры обычно новые. Их приносит специальный посыльный из банка или офиса мужа. Нужно только расписаться. И деньги остаются нетронутыми, пока не понадобится выдать двадцатку дочке.

* * *

Мне лично больше нравится держать деньги в беспорядке. Скомканными банкнотами. Для этого хорош бумажный пакет.

Однажды я обедал с принцессой, и у нее был маленький ШОТЛАНДСКИЙ КОШЕЛЕК в виде КЛЕТЧАТОЙ ШАПКИ с ПОМПОНОМ. Мы были на Женской Бирже на Мэдисон авеню. И она вынула хрустящие деньги из кошелька и сказала: «Видите? Я складываю их, как это делают Ротшильды. Так деньги дольше хранятся. Я всю жизнь так делала». Она складывала каждую банкноту отдельно, в длину, и потом снова в длину. Все новые купюры. Все в небольшую стопку. По теории так они хранятся дольше. Это ротшильдовский способ складывать деньги — чтобы денег было не видно.

Такова *Ротшильдовская история*.

117

У меня был очень хороший французский кошелек, который я купил в Германии за сто пятьдесят долларов. Для крупных денежных купюр. Для иностранных купюр большого размера. А потом, в Нью-Йорке, он порвался по шву, и я отнес его к сапожнику, и по ошибке он зашил часть, предназначенную для бумажных денег, так что теперь я могу использовать его только для мелочи. Наличные. Я просто несчастлив, когда у меня их нет. А в ту же минуту, как они у меня появляются, мне необходимо их потратить. И я просто покупаю ДУРАЦКИЕ ВЕЩИ.

Чеки — не деньги.

Когда у меня в кармане появляется пятьдесят-шестьдесят долларов, я иду в магазин «Брентано», покупаю «Жизнь Розы Кеннеди» и говорю: «Можно получить товарный чек?»

И чем больше у меня накапливается чеков, тем интереснее. Для меня они даже стали теперь походить на деньги.

И когда я захожу в магазинчик по соседству, где продаются лотерейные билеты, газеты и открытки, а захожу я туда, потому что поздно и все остальные магазины закрыты, то вхожу и выгляжу очень ШИКАРНЫМ. Потому что у меня есть деньги. Я покупаю «Харперс Базар» и прошу товарный чек. Продавец газет ругается на меня, а потом выписывает чек на простой белой бумаге. Я не беру его: «Список журналов, пожалуйста. И дату. И напишите название магазина сверху». Такой товарный чек становится еще больше похож на деньги. Почему я все это делаю? Потому что хочу, чтобы этот человек знал, что я ЧЕСТНЫЙ ГРАЖДАНИН, ХРАНЮ ТОВАРНЫЕ ЧЕКИ и ПЛАЧУ НАЛОГИ.

Потом я иду поесть, только потому что у меня есть деньги, а не потому что я голоден. У меня есть деньги, и я должен их потратить, прежде чем лягу спать. Так что, если час ночи, а я все еще не сплю, я еду на такси в ночную аптеку и покупаю все, чем мне полоскали мозги этим вечером по телевидению. Я куплю в аптеке среди ночи что угодно. Магазин остается открытым ради меня дольше, пока я не закончу покупки, по-

118

тому что они знают: у меня есть деньги — вот это и есть престиж. Правильно? Следующий шаг — позволить мне заплатить позже. Я могу сказать, что не люблю получать счета с почтой, потому что это ВЫЗЫВАЕТ У МЕНЯ ДЕПРЕССИЮ. «Просто скажите, сколько я вам сейчас должен, — говорю я, — и я зайду на следующей неделе, когда у меня будет больше наличных, и заплачу вам. Дайте мне счет, а когда я принесу его назад, можете отметить на нем УПЛАЧЕНО».

После того, как ВЕРНЕШЬ ЧЕЛОВЕКУ ДОЛГ, больше никогда случайно его не встретишь. Но до этого он — ПОВСЮДУ.

Когда у меня куча денег, я даю просто смешные чаевые. Если плата за проезд доллар тридцать, я говорю: вот два доллара, сдачи не надо... Но если у меня нет денег, я прошу двадцать центов сдачи.

Однажды я дал шоферу такси сто долларов. В темноте мне показалось, что это был доллар. С меня причиталось шестьдесят центов (это было до последнего подорожания), и я сказал, что сдачи не надо. Когда я вспоминаю об этом случае, у меня портится настроение.

Иногда я сажусь в такси без денег и еду куда-нибудь, где я должен получить деньги. В банк или в офис, или взять деньги, которые оставили для меня у швейцара. Так вот, по дороге я проделываю с водителем вот какой номер. В такси есть такая пластиковая перегородка, которая заставляет тебя чувствовать себя преступником — как будто ты собираешься застрелить водителя или похитить. Так вот, надо подавить в себе это чувство, войти в доверие к парню и убедить его в том, что ты просто должен забрать конверт у швейцара. Поэтому я говорю: «Я оставлю у вас мой бумажный пакет». Но потом я записываю его лицензионный номер на случай, если он удерет, и бегу за своим конвертом. Иногда, если там чек на большую сумму, я забираю конверт и захожу в соседний магазин канцелярских принадлежностей, чтобы мне выдали наличные по чеку. Если они не могут этого сделать, мне приходится зайти в «Рикер». Там тоже никогда не могут выдать наличные. Потом — в магазин галстуков. Они всегда выдают наличные. Потом я возвращаюсь в такси и говорю водителю: «Отвезите меня обратно». Ну вот, эта поездка обходится мне

119

в половину того, что я получил (вместе с чаевыми, которые я заранее обещал водителю). Потом мне приходится пойти и промотать остальные деньги в магазине здоровой пищи. Часть я трачу на розовую органическую зубную пасту, потому что она напоминает мне розовую зубную пасту Элизабет Ар-ден. Мне хочется найти что-нибудь, что на вкус было бы как старомодная «Ипана» в желтом тюбике.

Я пользуюсь такси только потому, что люблю разговаривать. Если не включают счетчик, на полпути я спрашиваю водителя: «А почему вы не включаете счетчик?» — «Ну, такая короткая поездка, я думал...» А я говорю: «Вы думали, вы думали! Если бы вы меня спросили: „Могу я подсчитать плату сам?“, я бы сказал — конечно, заплатил вам и еще дал чаевые. А теперь мы уже здесь, и на счетчике ничего нет, так что по справедливости я вам ничего не должен». И на это им приходится ответить: «Точно...» Тогда я раскошеливаюсь на четверть доллара. Говорю: «Вот видите? Лучше заранее спросить. С системой не поспоришь».

Пока еще нельзя рассказать в программе новостей, как победить систему, а ведь именно об этом и хотят все знать.

Здорово покупать друзей. Я не думаю, что нехорошо иметь деньги и привлекать этим людей. Посмотрите, кто на это клюет: ВСЕ!

Я знаю одного очень богатого человека, который весь день одержим параноидным страхом, что люди находятся рядом с ним только из-за его денег. Но он же всегда первый тебе рассказывает, что только что слетал на своем личном самолете в Вашингтон, штат Колумбия, а в Лос-Анджелес полетел коммерческим авиарейсом.

Если ты выглядишь как оборванец, но у тебя есть пятнадцать долларов в кармане, ты все равно можешь дать понять людям, что у тебя есть деньги. Надо только зайти в винный магазин и купить бутылку шампанского. Так можно произвести впечатление на всех присутствующих, и если повезет, и вы больше никогда не встретитесь, они всегда будут думать, что у тебя есть деньги. Мне же никогда не удастся иметь деньги и делать вид, что я бедный. Я могу только быть бедным и делать вид, что я богатый.

120

Я знаю одну женщину, которая каждый день звонит кому-нибудь и говорит: «Я заплачу тебе сто долларов, если ты меня трахнешь». Превосходно. Она находит очень красивых молодых людей из хороших семей и все такое, но им, быть может, не хватает нескольких лишних долларов, чтобы купить новые колеса для «мерседеса». У этой женщины нет брильянтов, ее вещи стоят не очень дорого, и все равно ее нос, ее уши и ее мозг так и кричат «деньги». И скулы тоже. Если придет посыльный из закуской, можете спросить его: «Посмотри на нее. Богатая она или бедная?» И он будет точно знать. Потому что лицо — это «деньги». Она может идти по улице и курить сигарету, и может остановить такси таким изысканным движением, которое меняет все.

Ненавижу воскресенья: все закрыто, кроме цветочных и книжных магазинов.

Деньги это деньги. Не имеет значения, много я работал или нет, чтобы получить их. Трачу я их одинаково.

Мне нравятся деньги на стенах. Например, вы собираетесь купить картину за 200 000 долларов. Я думаю, вам следует взять эти деньги, перевязать их в пачки и повесить на стену. Тогда, если кто-нибудь придет к вам в гости, первое, что он увидит, — деньги на стене.

Не думаю, что деньги должны быть у всех. Они не должны быть для всех — а то будет неизвестно, кто имеет значение. Как скучно. О ком тогда вы будете сплетничать? Кого будете включать в списки? Уже не будет этого приятного чувства, когда кто-то спрашивает: «Можно занять двадцать

пять долларов?»

Рождество — это когда надо пойти в банк и взять хрустящие банкноты, чтобы разложить их по конвертам из канцелярского магазина для чаевых. После того как даешь чаевые портье, он, как на зло, берет отпуск по болезни или уходит с работы, а на нового портье надо опять производить впечатление.

Обожаю покупать лучшие места в ложе на шоу на Бродвее, уходить после первого акта и досматривать конец другого

121

шоу в соседнем театре, тоже на лучшем месте. И у меня остается два надорванных билетики. Это моя работа, потому что я «делаю репортажи».

Меня никогда не интересовали простые чековые книжки — мне нужна была только настольная модель, потому что она выглядела очень престижно, как мне казалось.

Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ОЧЕНЬ БОГАТЫМ, КОГДА ЛЕЖУ В ВАННЕ С ПОДУШКОЙ ПОД ГОЛОВОЙ, с подушкой, которую я получил за \$3,95 с доставкой на дом и в упаковке. Возможно, это иллюзия. Иллюзия величия. Но когда ты каждый месяц оплачиваешь счета за телефон, как это делаю я, ты точно знаешь, что у тебя есть деньги.

Весело покупать много вещей по-дешевке. Купить большую сумку в магазине «Лэмстон», заплатить за нее тридцать центов, а потом *наполнить* ее. Промотаешь шестьдесят долларов в «Лэмстоне», приедешь домой, разложишь все на постели, возьмешь «Комет» и смоешь цены, где написано, например, «\$ 1.69». И потом, как только ты отложишь все это в сторону, хочется опять пойти за покупками. И ты идешь в «Виллидж». Задираешь нос перед цветочной лавкой, чтобы продавцы подумали, что ты собираешься в дорогой цветочный магазин на другой стороне улицы. А потом тебе приходит мысль поразить цветочника, тыходишь в магазин и говоришь: «Я это беру». Ты приносишь все это домой, и твоя комната наполняется цветами. Тогда ты чувствуешь себя таким богатым, что оставляешь дверь капельку приоткрытой, чтобы соседи по площадке могли увидеть, что ты богат. Но, однако, не настолько широко, чтобы бояться быть ограбленным.

Когда у меня однажды оказалось много наличных, я помчался за моим первым цветным телевизором. Мой черно-белый «крошка» выводил меня из себя. Я подумал, что может, если я увижу рекламу в цвете, она будет выглядеть как новенькая и опять появятся вещи, которые я захочу купить.

«Корвет». За наличные. Я даже захотел купить пульт управления, но он продавался в другом отделе. Я уже забираю телевизор с собой, но меня охватил параноидный страх. На коробке было написано «Сони» и «Корвет», а я хотел, чтобы

122

там было написано «Лэмстон», потому что мне нужно было донести ее до лифта, до холла, до моей квартиры, а при такой упаковке, да еще если придется выбрасывать белый пенопласт по форме телевизора... Я подумал: «Телевизор пробудет у меня недолго».

Разве я не имею права удерживать стоимость спиртного, если мне приходится выпивать, чтобы разговаривать, а разговоры — мой бизнес?

У меня есть Мечта о Деньгах: я иду по улице и слышу, как кто-то говорит — шепотом — «Вон идет самый богатый человек в мире».

Я не смотрю на даты на мелких монетках. Монета может быть выпущена в 1910 году, я не стану ее хранить. Я истрачу ее вместе с десятицентовиком на шоколадку «Кларк».

* * *

Ненавижу ПЕННИ. Лучше бы их совсем не выпускали. Я бы никогда не откладывал их. У меня нет времени. Я люблю говорить в магазинах: «О, сдачи не надо, оставьте пенни себе. От них мой французский бумажник становится слишком тяжелым».

МЕЛОЧЬ может стать бременем, но она также может оказаться очень кстати, если у тебя нет денег. Ты разыскиваешь ее, ищешь ПОД КРОВАТЬЮ, выворачиваешь все КАРМАНЫ ПИДЖАКА, приговаривая: «Может, я оставил двадцать пять центов здесь или *здесь...*» Иногда это может повлиять на то, купишь ты ПАЧКУ СИГАРЕТ или нет, — всего-навсего, раскопаешь ли ты шестьдесят девять центов или семьдесят. Ты ИЩЕШЬ, ИЩЕШЬ и ИЩЕШЬ этот ПОСЛЕДНИЙ ПЕННИ. Тебе НРАВИТСЯ ПЕННИ только тогда, когда тебе нужен ЕЩЕ ОДИН ПЕННИ.

А потом, бывает, в магазине тебя спрашивают: «У вас есть пенни?», и тебе приходится ПОПРОШАЙНИЧАТЬ. Или у тебя все-таки есть пенни, но просто не хочется искать...

На днях я спросил одного таксиста, что для него означают Деньги. «Хорошо проведенное время, — сказал он. — Я иду

123

куда-нибудь с женой. Мне нравится моя жена, мне нравится с ней выходить, так что когда у меня есть деньги, я иду с ней куда-нибудь».

Я с ним согласился.

Потом я спросил этого таксиста, что он чувствует, когда люди дают ему пенни. «Пенни? Мне никогда не дают пенни... Нет, погодите. Я ошибся. Я получил пять пенни на днях от Джины

Лоллобриджиды».

Я попросил его рассказать об этом.

«Здесь нечего рассказывать, она очень приятная женщина, ей нравится Нью-Йорк, не нравится Голливуд, она много путешествует, я думаю, она уже уехала, и сейчас она пишет книгу».

ДЖИНА ЛОЛЛОБРИДЖИДА.

Если бы сделали так, чтобы все цены были круглыми, пенни можно было бы использовать как балласт на дне цветочных горшков.

Деньги для меня — МОМЕНТ. Деньги — мое НАСТРОЕНИЕ.

Для некоторых деньги означают купить сегодня то, что, по их мнению, будет иметь ценность завтра. КУПИТЕ ЭТО ПОДЕШЕВЛЕ, говорят они. Но у меня нет ничего, что было бы куплено раньше 1955 года. Клянусь. Ничего. Может, карандаш, который я взял на время у кого-нибудь, куплен в 1947 году. Этого не узнаешь.

Американские деньги действительно очень красиво сделаны. Мне они нравятся больше, чем любые другие. Я как-то бросил несколько купюр в Ист-ривер с парома, идущего на Стейтен-айленд, просто чтобы посмотреть, как они поплывут.

Кого мы все ищем — так это человека, который сам не живет в квартире, а только платит за нее.

Если я думаю, что то, что я покупаю, стоит больше, чем я плачу, и если мне нравятся люди, у которых я это покупаю, я обязательно говорю им, что они просят с меня недостаточно.

124

Я неловко себя чувствую, пока не скажу им. Если я покупаю очень-очень сытный сэндвич, и если человек, у которого я его купил, не знает, какой этот сэндвич замечательный, я обязательно говорю ему.

Мне не кажется, что я могу заразиться микробами, когда беру деньги. У денег есть определенный иммунитет. Когда я держу деньги, я чувствую, что на долларовой бумажке не больше микробов, чем у меня на руках. Когда я провожу рукой по деньгам, они становятся для меня совершенно чистыми. Я не знаю, где они были раньше, кто их трогал и чем, но все это стирается в ту минуту, когда я до них дотрагиваюсь.

125

10. Атмосфера

Б: *Мне хотелось снять фильм, который показал бы, как грустно и лирично живет двум старушкам в комнатах, полных газет и кошек.*

А: *Тебе не надо делать его грустным. Ты должна просто сказать: «Вот как сегодня живут люди».*

Все пространства — это одно единое пространство, как и мысли — это одна единая мысль. Но мое сознание дробит пространство на мелкие и еще более мелкие пространства, а мысли — на мелкие и еще более мелкие мысли. Получается как многоквартирный дом. Иногда я вспоминаю о едином пространстве и единой мысли, но чаще я думаю о своем многоквартирном доме.

В нем горячая и холодная вода и среди прочего — огурчики Хайнц, немного вишни в шоколаде, а когда появляется мороженое Вулворт, с горячей карамелью, я точно знаю, что у меня что-то есть.

(Мой дом почти все время погружен в медитацию. После полудня, вечером и по утрам он обычно закрыт.)

Твой разум преобразует одни пространства в другие. Это тяжелый труд. Множество трудных пространств. По мере того как становишься старше, у тебя появляется больше пространств и больше отделений. И больше вещей, которые надо складывать в отделения.

Я считаю, что быть действительно богатым — значит иметь одно пространство. Одно большое пустое пространство.

Я действительно верен пустым пространствам, хотя как художник я создаю много ненужного.

Пустое пространство никогда не пропадает зря.

Зря пропадает любое пространство, где есть искусство.

* * *

Художник — это человек, создающий то, в чем у людей нет необходимости, но — по какой-то причине — как он считает, это следует им дать.

Бизнес-Искусством намного приятнее заниматься, чем Искусством как таковым, потому что Искусство как таковое не соответствует пространству, которое оно занимает, в отличие от Бизнес-Искусства. (Если Бизнес-Искусство не соответствует своему пространству, оно выходит из бизнеса).

Итак, с одной стороны, я действительно верен пустым пространствам, но с другой стороны, раз уж я занимаюсь искусством, я все-таки делаю мусор для людей, который они помещают в свои пространства, которые, по-моему, должны оставаться пустыми; то есть я помогаю людям загромождать их прост-

129

ранство, когда на самом деле хочу помочь им освободить его. Я захожу даже дальше в

отступлении от своей философии, потому что я не могу освободить даже мои собственные пространства. Не то чтобы моя философия изменяла мне, это я изменяю моей философии. Я чаще нарушаю то, что проповедую, чем выполняю.

Когда я смотрю на вещи, я всегда вижу пространство, которое они занимают. Я всегда хочу, чтобы пространство появилось снова, чтобы оно вернулось, потому что пространство потеряно, если что-то в нем находится. Если я вижу стул в прекрасном пространстве, то какой бы это ни был прекрасный стул, для меня он никогда не может быть таким же прекрасным, как пространство.

Моя любимая скульптура — это сплошная стена с дырой, обрамляющей пространство за ней.

Я считаю, что все должны жить в большом пустом пространстве. Это может быть и маленькое пространство, если только оно чистое и пустое. Мне нравится, как японцы все сворачивают и забирают в комоды. Но у меня не было бы даже комодов, потому что это лицемерно. Но если ты не можешь пойти до конца и чувствуешь, что тебе необходим чулан, то твой чулан должен быть абсолютно отдельным кусочком пространства, чтобы ты не слишком часто пользовался им как свалкой. Если ты живешь в Нью-Йорке, твой чулан должен быть по крайней мере в Нью-Джерси. Кроме ложной зависимости существует еще одна причина держать чулан на приличном расстоянии от места проживания — тогда ты не будешь чувствовать, что живешь рядом с собственной помойкой. Чужая помойка не так сильно беспокоит, потому что не знаешь, что там находится, но думать о собственной и знать там каждую вещь — это может свести человека с ума.

На всех вещах в чулане должна быть дата окончания срока годности, как на молоке, хлебе, журналах и газетах, и когда срок годности пройдет, их надо выбросить.

Вот что надо сделать: достать коробку и в течение месяца бросать все в нее, а в конце месяца запереть ее. Поставить на ней дату и отослать в Нью-Джерси. Попытаться проследить за ней, но если это не удастся и вы ее потеряете, это нормально,

130

потому что вам не придется о ней думать, еще один камень упадет с вашей души.

Теннесси Уильямс все складывает в чемодан, а потом отправляет его на склад. Я сам начал с чемоданов и ненужных предметов мебели, но потом ходил по магазинам, ища что-нибудь получше, и теперь я просто бросаю все в одинаковые коричневые картонные коробки с цветной наклейкой, где написан месяц и год. Я терпеть не могу воспоминаний, поэтому в глубине души надеюсь, что все коробки потеряются, и мне больше никогда не доведется их увидеть. Это еще один конфликт. Я хочу выбрасывать вещи из окна, как только мне их подарят, но вместо этого я говорю спасибо и роняю их в ежемесячную коробку. Но с другой стороны, я думаю, что на самом деле я хочу сохранять вещи, чтобы их можно было когда-нибудь использовать еще раз.

Должны быть супермаркеты, в которых вещи продаются, и супермаркеты, в которых вещи принимаются обратно, и пока их число не сравняется, будет больше мусора, чем следует. У каждого всегда бы нашлось, что перепродать, так что у всех были бы деньги, вырученные от продажи. У всех нас что-то есть, но большинство наших вещей не годится для продажи, ведь сегодня предпочтение отдается новым вещам. У людей должна быть возможность продавать свои старые консервные банки, куриные кости, бутылки из-под шампуня, старые журналы. Нам надо становиться более организованными. Люди, которые говорят, что у нас что-то кончается, просто хотят взвинтить цены. Как у нас может что-то закончиться, если во Вселенной, если не ошибаюсь, всегда одинаковое количество материи за исключением того, что уходит в черные дыры?

Я думаю о том, что люди постоянно едят и ходят в туалет, и непонятно, почему у людей нет трубки вдоль спины, которая забирает все, что они съели и снова направляет ко рту, регенерируя это. Тогда уж никогда не приходилось бы думать о том, какие надо купить продукты. И людям даже не придется видеть все это, это даже не будет грязно. При желании можно было бы искусственно выкрасить переработанную пищу. В розовый цвет. (Эта мысль пришла мне, потому что я думал, что пчелы гадят медом, но потом узнал, что мед — это не пчелиное дерьмо, а пчелиная отрыжка, и значит, соты — это не пчелиные туалеты, как я думал раньше. Поэтому пче-

131

лам приходится делать свои дела где-нибудь в другом месте.) Свободные страны — это здорово, потому что ты можешь просто посидеть на чьем-нибудь пространстве какое-то время и делать вид, что ты — его часть. Ты можешь сидеть в отеле «Плаза», и тебе даже необязательно там жить. Ты можешь просто сидеть и смотреть на людей, проходящих мимо.

Разные люди по-разному занимают пространство — распоряжаются пространством. Очень робкие люди не хотят даже занимать пространство, которое физически занимает их тело, а очень экспансивные — наоборот, хотят занять столько пространства, сколько возможно.

До появления средств массовой информации существовал физический лимит на то, сколько пространства человек может занять сам по себе. Люди, по-моему, — единственные создания, которые умеют занимать больше пространства, чем то, где они на самом деле находятся; ведь благодаря средствам массовой информации ты можешь отдыхать и в то же время наполнять пространство собой с помощью пластинок, кинофильмов, в меньшей степени — по телефону, и в

наибольшей степени — по телевизору.

Некоторые, наверное, с ума сходят, когда понимают, сколько пространства им удалось занять. Если бы вы были звездой самого крупного телешоу и прогулялись по средней американской улице как-нибудь вечером, когда вы в эфире, посмотрели в окна и увидели себя на телеэкране в каждой гостиной, где вы занимаете некоторое пространство, представляете, как вы бы себя почувствовали?

Не думаю, что кто-либо, как бы знаменит он ни был в других областях, может чувствовать себя так необычно, как телезвезда. Даже крупнейшая рок-звезда, чьи записи слышатся из всех звуковоспроизводящих устройств, повсюду куда ни пойдешь, не чувствует себя так странно, как человек, который знает, что все его регулярно смотрят по телевидению. Как бы мал он ни был, ему принадлежит все пространство, которое можно только пожелать.

Поддерживать контакт с самыми близкими друзьями надо посредством самого интимного и эксклюзивного средства связи — телефона.

132

у меня всегда был внутренний конфликт, потому что я робкий и в то же время люблю занимать много личного пространства. Мама всегда говорила: «Не будь настырным, но пусть все знают, что ты здесь». Мне хотелось занимать больше пространства, чем я занимал, но потом я понял, что слишком робок и поэтому не знаю, что делать с тем вниманием, которое мне удастся получить. Вот почему я так люблю телевидение. Вот почему я чувствую, что телевидение — тот вид СМИ, в котором мне больше всего нравится блистать. Я на самом деле завидую всем, у кого есть собственное телевизионное шоу.

Как я уже сказал, я хочу собственное шоу под названием «Ничего особенного».

Большое впечатление на меня производят люди, умеющие создавать новые пространства с помощью слов. Я знаю только один язык, и иногда в середине фразы я вдруг чувствую себя как иностранец, который пытается на нем говорить, потому что у меня случаются спазмы, когда мне вдруг кажется, что какие-то части слов звучат странно, и в середине слова я думаю: «Нет, это, наверное, неправильно — это звучит очень странно, не знаю, стоит ли мне попытаться закончить это слово или переделать его во что-нибудь еще, потому что если оно прозвучит нормально, это будет хорошо, а если плохо, меня сочтут умственно отсталым», и в середине слов, которые превышают один слог, меня иногда охватывает растерянность, и я стараюсь привить к ним другие слова. Иногда получается складно, и когда меня цитируют, слово хорошо выглядит в печати, а иногда — нет. Нельзя предугадать, что получится, когда слова, которые говоришь, начинают казаться странными, и ты начинаешь вставлять другие.

Я очень люблю английский язык — так же, как я люблю все американское, — просто я не настолько хорошо умею с ним обращаться. Мой парикмахер всегда говорит мне, что изучать иностранные языки хорошо для бизнеса (он знает пять иностранных языков, но европейские дети хихикают, когда он говорит, поэтому не знаю, насколько хорошо он их знает на самом деле), и он говорит мне, что я должен выучить хотя бы один, но я просто не могу. Я едва могу разговаривать на языке, на котором уже говорю, так что не хочу разбрасываться.

133

Но я восхищаюсь людьми, которые умеют обращаться со словами, и я подумал, что Трумэн Капоте так хорошо наполняет пространство словами, что, когда я впервые приехал в Нью-Йорк, я начал писать ему короткие восхищенные письма и звонить по телефону каждый день, пока его мама не сказала мне, чтобы я это прекратил.

Я много думаю о «плодовитых писателях» — тех писателях, которым платят в зависимости от того, сколько они напишут. Я всегда думаю, что количество — лучшее мерило всего (потому что ты всегда делаешь одно и то же, даже если кажется, что ты делаешь что-нибудь другое), поэтому я вознамерился стать «плодовитым художником». Когда Пикассо умер, я прочитал в журнале, что он сделал четыре тысячи шедевров за свою жизнь, и подумал: «Смотри-ка, я могу сделать столько за один день». И я начал. А потом я обнаружил: «Смотри-ка, чтобы сделать четыре тысячи картин, одного дня не хватит». Понимаете, учитывая то, как я их делаю в своей технике, я действительно подумал, что могу сделать четыре тысячи картин за день. И все они будут шедеврами, потому что это будет одна и та же картина. А потом я начал, дошел до пятисот и остановился. Но это заняло больше одного дня, я думаю, это заняло месяц. Значит, со скоростью пятьсот картин в месяц, мне бы понадобилось примерно восемь месяцев, чтобы сделать четыре тысячи шедевров — чтобы быть «плодовитым художником» и заполнять пространства, которые, по моему же убеждению, вообще не стоит заполнять. Это было разочарованием для меня — понять, что это займет у меня столько времени.

Мне нравится писать на квадратной плоскости, потому что не нужно решать, какой стороной ее повернуть — это просто квадрат. Мне всегда хотелось делать картины только одного размера, но кто-то обязательно подходит и говорит: «Вы должны сделать ее немного больше» или «немного меньше». Понимаете, я думаю, все картины должны быть одного размера и одного цвета, чтобы они были взаимозаменяемы, и никто не думал, что у него картина лучше или хуже. И если одна

«основная картина» хорошая, то все они хорошие. Кроме того, даже если сюжеты разные, все всегда рисуют одну и ту же картину.

Когда мне приходится думать о картине, я уже знаю, что она не такая как надо. А выбирать размер — тоже значит ду-

134

мать, и подбирать цвета — тоже. Мой инстинкт в том, что касается живописи, говорит: «Если ты не думаешь об этом, это правильно». Как только тебе приходится решать или выбирать, это уже не то. И чем больше решений надо принимать, тем более это не то. Некоторые пишут абстрактные картины, и поэтому сидят и думают о них, потому что процесс мышления дает им ощущение того, что они что-то делают. Но мое мышление никогда не дает мне ощущения, что я что-то делаю. Леонардо да Винчи всегда убеждал своих покровителей, что время, которое требуется ему на раздумья, чего-то стоит — даже больше стоит, чем время, когда он пишет, — и может быть, для него это было правдой, но я точно знаю, что время, в течение которого я думаю, ничего не стоит. Я ожидаю платы только за мое «рабочее» время.

Когда я пишу...

Я смотрю на холст, стараясь решить его пространство и думаю: «Ну, вот здесь, в этом углу эта краска выглядит вроде как на своем месте», и говорю: «Да, здесь ей и место, правильно». Потом я смотрю снова и говорю: «Вот здесь, в этом углу, нужно немного синего», и я кладу там синюю краску, а потом я смотрю чуть дальше и там тоже просится синий, и я беру кисть и закрашиваю синим и это место тоже. А потом оказывается, что этого мало, и я опять беру синюю краску и закрашиваю нужное место, а затем беру зеленую краску и добавляю зеленый цвет, отхожу назад и смотрю, все ли правильно. И если неправильно — я беру краски, делаю еще несколько мазков зеленым в нужном месте, и наконец, если нет сомнений, я оставляю все как есть.

Обычно все, что мне надо, — это калька и хорошее освещение. Не понимаю, почему я никогда не работал как абстрактный экспрессионист, ведь при том, как у меня трясется рука, это было бы естественно.

Пару раз я несколько углубился в технологию. И как-то даже решил, что исчерпал себя. Я подумал, что это конец моей карьеры и хотел красиво отметить его. Я сделал серебристые подушки, в которые нужно было просто вложить воздушные шарики, чтобы они улетели. Я сделал их для представления

135

Балетной труппы Мерси Каннингем. Но подушки не взлетели, они остались со мной; так я догадался, что еще не пропал для искусства. Я действительно объявил, что ухожу из него, но серебряные подушки не улетели, и моя карьера тоже. Кстати, я всегда говорил, что серебряный — мой любимый цвет, потому что он напоминает мне о пространстве, но теперь это, кажется, прошло.

Еще один способ занимать побольше места — духи.

Я обожаю пользоваться духами.

Я не настолько сноб, чтобы придирается к тому, в каком пузырьке одеколон, но красивая упаковка производит на меня хорошее впечатление. Когда выбираешь красивый пузырек, у тебя прибавляется уверенности в себе.

Мне говорили, что чем светлее кожа, тем более легкие духи нужны. И наоборот. Но я не могу ограничиться одним диапазоном. (Кроме того, я уверен, что гормоны сильно влияют на то, как духи пахнут на коже — я уверен, что определенные гормоны могут заставить «Шанель № 5» пахнуть очень мужественно.)

Я всегда меняю духи. Если я использовал духи три месяца, я заставляю себя отказаться от них, даже если мне еще хочется ими попользоваться, чтобы каждый раз, когда я их буду нюхать в будущем, они должны напоминать мне эти три месяца. Я больше никогда не возвращаюсь к ним: они становятся частью моей постоянной коллекции запахов.

Иногда на вечеринках я пробираюсь в ванную, только чтобы посмотреть, какие у хозяев одеколоны. Ни на что другое я не смотрю — я не шпионю, — но я не могу не проверить, нет ли каких-нибудь неизвестных духов, которые я еще не пробовал, или наоборот, старых любимых, которые я давно не нюхал. Если я вижу что-нибудь интересное, я не могу удержаться от того, чтобы ни воспользоваться этими духами. Но тогда весь остаток вечера я жутко боюсь, что хозяйин или хозяйка принохаются ко мне и заметят, что я пахну как некто-им-знакомый.

Из пяти чувств обоняние ближе всего к полной власти прошлого. Запах действительно перемещает во времени. Зрение, слух, осязание и вкус определенно не обладают такой властью, как обоняние, если хочешь, чтобы все твое существо на секунду вернулось к какому-нибудь воспоминанию-

136

нию. Обычно я этого не хочу, но поскольку у меня есть запертые в пузырьках запахи, я могу контролировать ситуацию и нюхать только те из них, которые хочу и когда хочу, чтобы вызвать те воспоминания, которые соответствуют моему настроению. Только на секунду. В обонятельной

памяти хорошо то, что возвращение в прошлое прекращается, как только ты перестаешь нюхать, поэтому нет печальных последствий. Это прямой способ оживить воспоминания.

У меня теперь набралась очень большая коллекция наполовину использованных одеколонов, хотя я начал душиться только в начале 60-х. До этого в моей жизни присутствовали только те запахи, которые достигали моего носа случайно. Но позже я понял, что мне нужно что-то вроде музея запахов, чтобы определенные запахи не потерялись навсегда. Я любил запах, который когда-то был в фойе Театра Парамант на Бродвее. Я закрывал глаза и глубоко вдыхал каждый раз, как там оказывался. А потом театр снесли. Я могу сколько угодно смотреть на фотографию его фойе. Ну и что? Я никогда не смогу его понюхать. Иногда я представляю себе книгу по ботанике из далекого будущего, в которой будет говориться что-нибудь вроде: «Сирень в настоящее время вымерла. Считается, что ее запах похож на ..?», а дальше что они скажут? Может, им удастся передать запах химической формулой. А может, это уже сделано.

Раньше я боялся, что в конце концов перепробую все хорошие одеколоны, и не останется ничего кроме таких как «Грейпфрут» или «Мускус». Но теперь, когда я побывал в *pro-fumeria* в Европе и увидел, сколько у них там одеколонов и духов, я больше не волнуюсь.

Меня возбуждает реклама духов в модных журналах 30-х и 40-х годов. Я пытаюсь представить себе по их названиям, как они пахли, и схожу с ума, потому что так сильно хочу их понюхать:

Герлен (Guerlain's): «Под ветром» (Sous le Vent) Люсьен Ле Лонг (Lucien Le Long's): «Жабо» (Jabot), «Гардения» (Gardenia), «Мой образ» (Mon Image), «Премьера» (Opening Night) Принц Мачабелли (Prince Matchabelli's): «Принцесса Уэльская в память Александры»

137

(Princess of Wales in memory of Alexandra)

Сиро (Ciro's): «Капитуляция» (Surrender),

«Размышления» (Reflexions)

Лентерик (Lentheric's): «До скорого» (A Bientot),

«Шанхай» (Shanghai), «Гардения Таити» (Gardenia de Tahiti)

Уорт (Worth's): «Неосторожность» (Imprudence)

Марсель Роша (Marcel Rochas's): «Авеню Матиньон»

(Avenue Matignon), «Дуновенье юности» (Air Jeune)

Д'Орсей (D'Orsay's): «Трофей» (Trophée),

«Денди» (Le Dandy), «Всегда верна» (Toujours Fidele),

«Дневная красавица» (Belle de jour)

Коти (Coty's): «А Сума» (A Suma),

«Папоротник в сумерках» (La Fougere au Crepuscule)

Кордей (Corday's): «Цыганка» (Tzigane), «Обладание»

(Possession), «Голубая орхидея» (Orchidee Bleue),

«Поездка в Париж» (Voyage a Paris)

Шанель (Chanel's): резкая «Русская кожа» (Cuir de Russie),

романтическое «Очарование» (Glamour),

таящий «Жасмин» (Jasmine), нежная «Гардения» (Gardenia)

Молиелль (Molinelle's):

«Приходите посмотреть» (Venez Voir)

Убиган (Houbigant's): «Кантри-клуб» (Countryclub),

«Полусвет» (Demi-Jour)

Бонуит Теллер (Bonwit Teller's): «721»

Елена Рубинштейн (Helena Rubinstein's): «Город» (Town),

«Деревня» (Country)

Уэйл (Weil's):

одеколон «Шипучка» (Eau de Cologne 'Carbonique')

Катлин Мери Квинлен (Kathleen Mary Quinlan's):

«Ритм» (Rhythm)

Леньел (Lengyel's): «Русский империал» (Imperiale Russe)

Шевалье Гард (Chevalier Garde's): «H.R.R.», «Персидский

цветок» (FleurdePerse), «Король Рима» (Roi de Rome)

Саравель (Saravell's): «Белое Рождество» (White Christmas)

Когда я хожу по Нью-Йорку, я всегда замечаю запахи вокруг. Резиновые коврики в зданиях офисов; обивка кресел в кинотеатрах; пицца; апельсиновый напиток Orange Julius; эспрессо-чеснок-орегано; гамбургеры; высохшие хлопковые футболки; бакалейные магазины по соседству; шикарные бака-

138

лейные магазины; тележки с хот-догами и кислой капустой; запах магазина скобяных изделий; запах канцелярского магазина; сувлаки; кожа и ковры в «Данхилле», «Марк Кросс», «Гуччи»; марокканская дубленая кожа на уличных прилавках; новые журналы, старые журналы; магазины

пишущих машинок; китайские магазины (запах плесени с грузового судна); индийские магазины; японские магазины; магазины аудиозаписей; магазины здоровой пищи; аптеки-закусочные с фонтаном содовой; аптеки-закусочные со сниженными ценами; парикмахерские; салоны красоты; деликатесные лавки; лесные склады; деревянные стулья и столы в Нью-Йоркской Публичной библиотеке; пончики, крендельки, жевательная резинка и виноградный лимонад в метро; магазины бытовых приборов; фотолаборатории; обувные магазины; магазины велосипедов; бумага и типографские чернила в магазинах «Скриб-нер», «Брентано», «Даблдей», «Риццоли», «Марборо», «Бук-мастерс», «Барнс и Нобл»; будки чистильщиков обуви; фритюр; брильянтин; вкусный дешевый конфетный запах перед «Вулвортом» и запах галантерейных товаров за ним; лошади отеля «Плаза»; выхлопные газы автобусов и грузовиков; архитектурные проекты; тмин, фенхель, соевый соус, корица; жареные бананы; рельсы на Центральном вокзале; банановый запах химчисток; пар из прачечной многоквартирного дома; бары Ист-сайда (кремы); бары Вест-сайда (пот); газетные киоски; магазины аудиозаписей; фруктовые прилавки в разные времена года — клубника, арбузы, сливы, персики, киви, вишня, виноград «конкорд», мандарины, маркот, ананасы, яблоки — и мне нравится, как запах каждого фрукта проникает в грубое дерево ящиков и тонкую оберточную бумагу.

Я по опыту знаю, что предпочитаю городское пространство сельскому. Мне очень нравится мысль о жизни на природе, но когда я добираюсь туда, я снова осознаю, что:

Я люблю гулять, но не могу
 Я люблю плавать, но не могу
 Я люблю сидеть на солнце, но не могу
 Я люблю нюхать цветы, но не могу
 Я люблю играть в теннис, но не могу
 Я люблю кататься на водных лыжах, но не могу

139

Этот список можно было бы продолжить, но главная мысль ясна, и «я не могу» просто по той причине, что это не мой стиль. Просто нельзя *делать* то, что не в твоём стиле. Можно *говорить* о вещах, которые не в твоём стиле, но нельзя *делать* то, что не в твоём стиле. Это плохая идея.

А ещё я люблю смотреть телевизор, а за городом программы обычно принимаются слишком плохо.

(Кстати, люди часто пытаются убедить тебя сделать что-нибудь, говоря, что не имеет значения, что это не твой стиль, или что это мог бы быть твой стиль, если бы ты захотел, но не надо поддаваться и пытаться делать что-либо, что не в твоём стиле, потому что только ты сам знаешь свой стиль, и никто другой, кроме тебя.)

Я — городской парень. Большие города устроены так, что можно пойти в парк и почувствовать себя на природе, но разве где-нибудь на природе можно почувствовать себя как в большом городе, так что я начинаю страдать от тоски по родине.

Другая причина, по которой мне город нравится больше, в городе все приспособлено для работы. Природа — для отдыха. Работать мне нравится больше, чем отдыхать. В городе даже деревья в парках работают изо всех сил, потому что число людей, которых они должны обеспечивать кислородом, ошеломляюще. Если бы вы жили в Канаде, у вас мог бы быть миллион деревьев, которые вырабатывали бы кислород только для вас, а значит, каждое из этих деревьев не работало бы так напряженно. Зато дерево в кадке на Таймс-сквер должно вырабатывать кислород для миллиона людей. В Нью-Йорке людям действительно приходится туго, и деревья это тоже знают — только посмотрите на них. На днях я шел по 57-й стрит и смотрел на новое здание архитектора Солоу на другой стороне улицы, и налетел прямо на кадку с деревом. Я был смущен, потому что не смог с достоинством выйти из положения. Я просто упал, налетев на дерево в западной части 57-й стрит, потому что не ожидал его там увидеть.

Почему-то жизнь так устроена, что люди в конце концов оказываются либо в переполненных метро и лифтах, либо в больших комнатах наедине с собой. У каждого человека должна

140

быть большая комната, где он может уединиться, и в тоже время каждый должен ездить в переполненном метро.

Обычно люди очень устают, когда едут в метро, и поэтому не могут петь или танцевать, но я думаю, если бы они могли петь и танцевать в метро, им бы это очень понравилось.

Ребята, которые по ночам покрывают граффити вагоны метро, освоили оптимальное использование городского пространства. Они заходят посреди ночи в депо, когда поезда пусты, и поют и танцуют там. По ночам метро как дворец, где все пространство только для тебя.

Атмосфера гетто не подходит для Америки. Люди одного типа не должны все время жить вместе. Люди не должны жить одинаково и питаться одной и той же пищей. В Америке нужно смешиваться и сплавляться. На месте президента я бы заставил людей больше смешиваться и сплавляться. Но дело в том, что Америка — свободная страна, и заставить я никого бы не смог.

Я считаю, что нужно жить в одной комнате. В одной пустой комнате, где есть только кровать, поднос и чемодан. Ты можешь делать все что угодно в кровати — есть, спать, думать, заниматься гимнастикой, курить, а ванная и телефон будут прямо рядом с кроватью.

В любом случае, все становится более утонченным, если ты делаешь это в постели. Даже чистка картофеля.

Пространство чемодана очень целесообразно. Вот чемодан, полный всем, что нужно для человека:

Одна ложка
Одна вилка
Одна тарелка
Одна чашка

Одна рубашка
Одна пара белья
Один носок
Один ботинок

Один чемодан и одна пустая комната. Замечательно. Лучше не бывает.

141

* * *

Живя в одной комнате, удастся избегать многих предлогов для беспокойства. Но основные причины для беспокойства, к сожалению, остаются:

Включен свет или выключен?
Закрит ли кран?
Не кончились ли сигареты?
Закрита ли задняя дверь?
Работает ли лифт?
Есть ли кто-то в коридоре?
Кто сидит у меня на коленях?

В последнее время многие люди спят в пирамидальном пространстве, потому что считают, что это сохранит их молодость и жизненные силы и останавливает процесс старения. Я не беспокоюсь об этом, потому что у меня есть мои крылышки. Однако мой идеал — тоже пирамида, потому что в этом случае не приходится беспокоиться о потолке. Вам нужна крыша над головой — так почему не сделать так, чтобы ваши стены были также и потолком, одной проблемой меньше — меньше одной поверхностью, на которую надо смотреть, которую надо содержать в чистоте и красить. Индейцам, живущим в вигваме, пришла правильная идея. Конус был бы хорош, если бы окружности не исключали углы и если бы можно было найти правильный угол наклона, но я предпочитаю пространство в форме равносторонней треугольной пирамиды, потому что благодаря треугольному основанию, еще об одной стене можно не думать и еще в одном углу можно не вытирать пыль.

Моим идеальным городом была бы одна длинная Главная улица без перекрестков и переулков, тормозящих движение. Только одна длинная улица с односторонним движением. С одним высоким вертикальным зданием, где все бы жили и чтобы в этом здании были:

Один лифт
Один портье
Один почтовый ящик
Одна стиральная машина

142

Один мусорный контейнер
Одно дерево перед фасадом
Один кинотеатр рядом с домом

Главная улица была бы очень широкой, и чтобы сделать человеку приятное, достаточно было бы сказать: «Я видел вас сегодня на Главной улице».

И вы наполните бензобак и переедете через улицу.

Мой идеальный город был бы совершенно новым. *Никакой старины*. Все здания были бы новыми. Старые здания — неестественное пространство. Здания должны строиться так, чтобы стоять недолго. И если они старше десяти лет, от них, по-моему, надо избавляться. Я бы строил новые здания каждые четырнадцать лет. Строительство и снос занимали бы народ, а в воде не было бы ржавчины от старых труб.

Рим, что в Италии, — пример того, что случается, если здания в городе стоят слишком долго.

Рим называют «Вечным городом», потому что там все такое старое и все еще стоит на своем месте. Всегда говорят: «Рим не за один день строился». Ну, по-моему, лучше бы его построили за один день, потому что чем быстрее строишь здание, тем быстрее оно приходит в негодность, а чем быстрее оно приходит в негодность, тем скорее люди снова получают работу, когда понадобится строить новое. Замена необходимых вещей поддерживает занятость. Необходимые вещи, как всегда говорится, — это пища, жилище и одежда. Сейчас в Италии производят огромное количество еды и одежды, но еда и одежда — только две трети необходимых вещей, а другая треть — это жилье, а жилья там не строят, потому что все уже давно построено. И вот что случилось в Риме: женщины оказались на кухнях, где они готовят всю еду, и на фабриках, где они шьют всю одежду, а мужчины ничего не делают, потому что здания уже построены и не разваливаются! Их здания с самого начала были построены слишком хорошо, и они даже не попытались исправить положение. Вот почему можно увидеть столько мужчин на улицах Рима, в Италии, в любое время дня и ночи.

Самый лучший, самый недолговечный способ построить здание, о котором я когда-либо слышал, — построить его светом. Фашисты много занимались такой «световой архитекту-

143

рой». С помощью прожекторов зданию можно придать любую форму, а потом, когда станет не нужным, выключить свет, и оно исчезнет. Гитлеру для его выступлений всегда срочно нужны были подобные иллюзорные сооружения, охватывающие огромные пространства.

Я думаю, голограммы будут интересны. В конце концов, с помощью голограмм можно выбрать для себя атмосферу, какую хочется. Например, по телевизору показывают вечеринку, тебе захочется там оказаться, и с помощью голограмм ты действительно там окажешься. Ты сможешь устроить вечеринку в трех измерениях у себя дома, ты сможешь сделать вид, что ты тоже там, и войти вместе с людьми. Можно будет даже арендовать вечеринку. Так, что все знаменитости, которых тебе захочется видеть, будут сидеть рядом с тобой.

Я люблю быть подходящим объектом в неподходящем пространстве и неподходящим объектом в подходящем пространстве. Но когда ты достигаешь одного из этих состояний, люди тебя не замечают, или плюют на тебя, или плохо пишут о тебе в прессе, или бьют тебя, или грабят, или говорят, что ты карьерист. Но обычно быть подходящим объектом в неподходящем пространстве и неподходящим объектом в подходящем пространстве — дело стоящее, потому что всегда происходит что-нибудь забавное. Уж поверьте мне, потому что я сделал карьеру благодаря тому, что был подходящим объектом в неподходящем пространстве и неподходящим объектом в подходящем пространстве. Это то, в чем я действительно разбираюсь.

Когда вокруг людей безмятежная, спокойная атмосфера, они обычно находятся на расстоянии от остальных. У них особенные глаза, и они сидят тихо и никому не мешают. Некоторые такие от природы, из-за соответствующей химии их организма, а другие — из-за наркотиков. Они думают, что думают о чем-то.

Энергия помогает тебе занять больше места, но если бы у меня было больше энергии, чем обычно, я бы, вероятно, не захотел занимать больше места — я бы остался у себя в комнате и занимался уборкой. Я выступаю в пользу таблеток для похудения: они ограничивают твои мысли, а когда мыслишь

144

ограниченно, то постоянно занимаешься уборкой. Настоящая энергия заставляет тебя бегать по пляжу и ходить колесом, даже если ты этого не умеешь. Но энергия от таблеток для похудения помогает занимать меньше места, потому что от нее хочется переписывать телефонные книжки, пока ты целый час *говоришь* о том, как будешь бегать по пляжу и делать колесо. От таблеток для похудения хочется стирать пыль и выкидывать ненужные вещи.

В Нью-Йорке приходится слишком часто заниматься уборкой, и когда закончишь, становится не-грязно. В Европе люди очень много убирают, но когда они заканчивают, становится не просто не-грязно, а чисто. А еще, по-моему, в Европе гораздо легче принимать гостей, чем в Нью-Йорке. Просто распахиваешь двери в сад и обедаешь на открытом воздухе, а вокруг цветы и деревья. Хотя в Нью-Йорке и весело, но чаще всего все как-то не складывается. В Европе даже чай во внутреннем дворике может быть чудесным. Но в Нью-Йорке все сложно — если ресторан симпатичный, еда может быть плохой, а если еда хорошая, освещение может быть плохим, а если освещение хорошее, то плохая вентиляция.

И еще, в последнее время в нью-йоркских ресторанах появилось кое-что новое — они продают не еду, а атмосферу. Они говорят: «Как вы смеете говорить, что у нас невкусная еда, мы ведь никогда не говорили, что у нас хорошая еда. У нас хорошая *атмосфера*». Они пронюхали, что людям на самом деле нужно переменить обстановку на пару часов. Вот почему они могут позволить себе продавать только обстановку с минимумом настоящей еды. Скоро, когда цены на еду вырастут, они будут продавать только атмосферу. Если люди действительно голодны, они могут приносить еду с собой, когда идут поужинать, а иначе вместо того чтобы «пойти поужинать», они «пойдут сменить обстановку».

Моей любимой ресторанной атмосферой всегда была атмосфера старой доброй американской закусочной или даже старой доброй американской буфетной стойки. Старомодные «Шрафт» и «Шоколад с орешками» — единственные места в мире, по которым я тоскую от всего сердца. Какие беззаботные были дни в 1940-50-е годы, когда я мог зайти в «Шоколад», купить мой любимый сандвич — творожную мас-

145

су, намазанную на хлеб, с орехами и финиками, — и ни о чем не беспокоиться. Независимо от того, что меняется и насколько быстро, единственное, в чем мы все всегда нуждаемся, — это настоящему хорошей еде, чтобы мы могли знать, что изменяется и насколько быстро происходят изменения. Прогресс очень важен и интересен во всем, кроме пищи. Когда ты говоришь, что хочешь апельсин, тебе не нужно, чтобы тебя спрашивали «Что-что апельсиновое?»

Мне очень нравится есть в одиночестве. Я хотел бы открыть сеть ресторанов под названием «Друзья Энди» — для других людей, похожих на меня — «Ресторан для одинокого человека». Ты получаешь еду, а потом забираешь свой поднос в отдельную кабинку и смотришь телевизор.

Сейчас моя любимая атмосфера — атмосфера аэропорта. Если бы не приходилось думать о том, что самолеты поднимаются в воздух и летят, это была бы самая лучшая для меня атмосфера. В самолетах и аэропортах моя любимая пища, мои любимые туалеты, мои любимые мятные круглые леденцы Life Savers, мои любимые развлечения, моя любимая микрофонная система обращения к пассажирам, мои любимые ремни безопасности, мои любимые графика и цвета, лучший контроль безопасности, лучшие виды, лучшие парфюмерные магазины, лучший персонал и наилучшее состояние оптимизма. Мне ужасно нравится, что необязательно думать, куда летишь, кто-то другой этим занимается, но я просто не могу преодолеть сумасшедшего чувства, которое возникает у меня, когда я смотрю в окно иллюминатора, вижу облака и знаю, что я действительно наверху. Обстановка замечательная, но я ставлю под вопрос саму идею полета. Наверное, я не самолетный человек, но у меня самолетный распорядок, и поэтому мне приходится жить самолетной жизнью. Меня смущает, что я не люблю летать, потому что обожаю быть современным; но я компенсирую это тем, что так люблю аэропорты и самолеты.

Лучшая атмосфера, которая мне приходит на ум, — это кинофильм, потому что он в трех измерениях физически и в двух измерениях эмоционально.

146

11. Успех

Б: *Дождь пошел?*

А: *По-моему, на нас плюют сверху.*

Мы с Б провели вторую половину дня, сидя на диване в холле «Гранд-Отеля» в Риме и наблюдая, как звезды и их парикмахеры поднимаются и спускаются по мраморной лестнице. Это было в точности, как в театре.

Я прилетел в Рим на Мероприятие, которое должно было состояться вечером и привлекло в город очень много больших звезд. Мы наблюдали за знаменитостями. Б сравнил нас с Люси Рикардо и Этель Мерц в холле «Бeverли-Хиллс». Я уже много лет говорил, что Рим — новый центр знаменитостей, новый Голливуд.

Б чувствовал себя очень торжественно. «Это означает, что ты и впрямь достиг успеха, — сказал он. — Когда нас доставляют самолетом, и мы можем весь день сидеть в таком роскошном холле и наблюдать за всеми, кого когда-либо видели в каждом журнале и каждом кинофильме...»

Но в этот момент меня больше интересовал диван, чем близость звезд. Чем больше ты устал, тем труднее тебя поразить. Чем бы то ни было. Если бы я немного поспал в самолете, я, может быть, тоже был бы приятно взволнован.

«Мы сидели в холлах отелей по всему Нью-Йорку и по всему миру, и это всегда приятно, — сказал я. — Холлы — всегда самое красивое место в отеле, даже хочется вынести раскладушку, чтобы спать там. В сравнении с холлом твоя комната всегда выглядит, как чулан».

«Нет, — ответил Б, — но есть что-то такое в том, чтобы пролететь тысячи миль...»

«Чтобы посидеть в холле».

«...пролететь тысячи миль, чтобы посидеть в таком месте, как это. Если бы оно было в соседнем квартале, я бы не подумал, что оно такое замечательное, но именно то, что мы проделали такой длинный путь, делает его особенным».

Я сказал Б, что если бы не самолетные мучения, я бы хотел прилетать в Европу на один день в неделю. Но почему-то я не могу принадлежать к тем людям, которые не думают о том, что это такое — висеть в воздухе и лететь. В аэропортах и самолетах моя любимая еда, мои любимые туалеты, мой любимый неработающий сервис, мои любимые мятные круглые леденцы Life Savers, мои любимые развлечения, мое любимое чувство собственной безответственности за то, куда летишь, мои любимые магазины, моя любимая графика — все

149

мое любимое. Я люблю даже проверки безопасности. Но я просто не могу побороть свою ненависть к полету.

«Подумай только о всем интересном, что ты пропускаешь», — сказал Б.

На самом деле, я очень быстро выдыхаюсь. Обычно хватает одного раза. Либо *только один раз*, либо *каждый день*. Если ты делаешь что-нибудь один раз, это приятно волнует, и если ты делаешь это каждый день, это тоже приятно волнует, но если ты делаешь что-то, например, два раза или почти каждый день, в этом уже нет ничего хорошего. Промежуточные варианты никогда так не хороши, как один раз или каждый день.

Высокий красивый мужчина вошел с улицы в холл. На нем были красные брюки и красная рубашка, белый кожаный пояс и белые мокасины. Это был парикмахер Лиз Тэйлор.

«Он любит красный цвет», — заметил Б.

«Ему идет красный цвет. Он изменился с прошлого раза. Кажется, он похудел, — сказал я, пытаюсь определить, что в нем улучшилось. — Давай скажем ему».

«А вот идет Франко, — сказал Б. — Он все время чешет себе яйца, как ты думаешь, может, у него вши?»

«Нет, просто он итальянец».

Франко Росселлини принимал нас на Мероприятии, которое должно было состояться вечером, и позаботился об организации поездки и о нашем размещении. Франко, как никто, умеет быть всегда заботливым и в то же время все время отвлекаться. Он спрашивал нас, все ли в порядке с нашими билетами и нашими комнатами, а в это время его глаза бегали по холлу, ища Лиз. Я спросил его, не может ли он воспользоваться своими связями и достать нам комнаты еще на несколько дней, потому что нам надо было остаться после Мероприятия, чтобы заняться бизнес-искусством. Нам было трудно добиться продления, потому что через два дня после Мероприятия было намечено Другое Мероприятие, так что наши комнаты были зарезервированы для нас только еще на один день, а потом мы оставались в городе сами по себе. Когда Франко понял, что значит «воспользоваться связями», он воспринял это драматично.

«Вы знаете, что мне позвонили, чтобы я устроил комнату для Элизабет Тэйлор, потому что комнаты нет даже для нее!»

150

А ей нужно два дня, чтобы распаковать вещи! Из-за этого Другого Мероприятия сплошные катастрофы!»

Как раз в этот момент проходящий мимо миланский журналист спросил меня, нравится ли мне Рим.

Ну мне на самом деле нравится Рим, потому что это своего рода музей, так же как «Блумингдейл» — своего рода музей, но я чувствовал себя слишком усталым, чтобы говорить об этом. Кроме того, журналист казался приятным, но почти никто из журналистов никогда не хочет знать, что ты думаешь на самом деле, — им нужны только ответы, которые подходят к вопросам, которые подходят к истории, которую они хотят написать, и обычно они считают, что ты не должен позволять своей личности вторгаться в статью, которую они о тебе пишут, а иначе они обязательно возненавидят тебя за то, что ты задаешь им лишнюю работу, потому что чем больше ответов ты дашь, тем больше ответов им придется исказить, чтобы они соответствовали их истории. Поэтому лучше просто улыбнуться и сказать, что тебе нравится Рим, и позволить им назвать свои причины для этого. И в любом случае я был утомлен. Я был рад увидеть, что Франко возвращается. Он всегда снимает напряжение.

«Я вернулся, — объявил он. — Я только что позировал *па-парацци*. Мне не следовало бы этого делать».

Я рассказал Франко, что Б влюбился в магазине «Булгари» в девушку за витриной с бриллиантами, которая, по его словам, была похожа на Доминику Санда. Франко разбирается в «любви», он угадал симптомы: «Значит, теперь ты все время будешь бегать в магазин и покупать все от Булгари? Это дорого. Тебе надо было влюбиться в официантку; это не так дорого».

«Это не дорого, потому что я ничего не покупаю. Я только вхожу и выхожу, вхожу и выхожу», — сказал Б,

Франко разочарованно протянул: «только вхожу и выхожу, вхожу и выхожу... Что же еще остается делать...» Потом он убежал, чтобы переговорить с каким-то режиссером.

Б заметил, что Лиз Тэйлор проходит через другой конец холла, и попытался напугать меня предположением, что она меня избегает. Я разглядел ее уголком глаза.

Потом Серджио, один из помощников Франко, подошел и спросил Б, могу ли я быть готовым на полчаса раньше, чтобы

151

нас с Лиз представили принцессе Грейс, и тогда мы все могли бы войти на Мероприятие вместе. Таков был план. Б позавидовал, что он не пойдет с нами, поэтому как только Серджио отошел, он сказал: «Он говорит так, как будто это действительно важно. Он так привык договариваться с Лиз через ее парикмахера, что думает, ему надо разговаривать с тобой через меня, даже когда ты сам

стоишь рядом».

Я сказал Б, что нам надо было купить ему в «Булгари» большую золотую гребенку. «У тебя должна быть гигантская золотая гребенка парикмахера. Такая гребенка, которой они делают начесы. Из золота». Мы с Б посмеялись над оплошностью, которую мы допустили, когда зашли в «Булгари» и попросили что-нибудь серебряное. Мы очень нервничали, потому что нас пригласили сесть, а потом смотреть оказалось не на что — мы не знали, куда девать глаза, и не хотели говорить, что нам нужно самое дешевое, что у них есть, так что Б быстро придумал и попросил серебряную палочку для коктейлей, а девушка, в которую он влюбился, сказала: «Извините, никакого серебра у нас здесь не продается», так что вся любовь оказалась разбита.

«Любовь была разбита, — согласился Б. — После того как она это сказала, она мне разочаровалась. И к тому же вблизи она оказалась не так уж и похожа на Доминику Санда».

В этот момент мы с Б оба услышали свистящий звук из угла холла, и Б сказал, чтобы я не пугался, это был всего-навсего электрический полотер. Он спросил, что бы я сделал, если бы меня освистали на сегодняшнем Мероприятии. Я ответил, что меня уже освистывали раньше. Он спросил, когда это было, и я ответил, что меня освистывали во время турне по университетам.

Тогда ко мне в голову закралась ужасная мысль — что, если они ожидают, что я произнесу речь на Мероприятии. В конце концов, это было очень официальное Мероприятие, да еще и благотворительное, а обычно на благотворительных мероприятиях должны быть речи.

Б решил, что нам надо написать речь прямо сейчас, на всякий случай. Мы решили, что я встану и скажу, как волнующе и почетно для меня было работать вместе с парикмахерами Лиз Тэйлор — «Не могу не подчеркнуть заслуг Рамона и Джанни!» А потом я бы попросил Лиз представить Б — я бы

152

сказал: «Лиз Тэйлор изменила мою жизнь: теперь у меня тоже есть собственные парикмахеры. Я переквалифицировал моих бизнес-менеджера, фотографа, редактора и общественного секретаря в парикмахеров».

Подошла Эльза Мартинелли и спросила, черные или белые пиджаки мы наденем вечером. Дело в том, что ее муж Уилли забыл свой черный пиджак и раздумывал, подойдет ли белый, потому что он не хотел быть единственным в белом пиджаке, а то его ошибочно будут принимать за официанта и просить принести выпить. Б сказал, что самое лучшее, что он может сделать, — это надеть свои белые брюки, потому что у него не было белого пиджака, и Эльза решила, что это подбодрит Уилли. Б спросил Эльзу, что у нее вышито на майке. Она объяснила примерно так:

«А, это глупая неаполитанская шутка. Он не очень хорошо говорит по-английски, так что для него — для модельера — 47 означает следующее... „сорок“ по-неаполитански значит „трахнуть“, а „семь“...»

Кристиан Де Сика похлопал Эльзу по плечу, и они ушли в ресторан.

«Чао».

«Чао».

Несколько минут мы сидели тихо, и я стал думать об изображении лиц. Б спросил меня, о чем я думаю, и я ответил, что думаю о портретах.

Электрополотер был теперь на нашей стороне холла. «О поптарте?» — переспросил Б. Понимаете, он недослышал. [Поптарт — название сладкого сэндвича: между двумя кусочками хлеба кладут шоколад и разогревают в духовке до тех пор, пока шоколад не расплавится. — Ред.]

Мне это понравилось. «Да. Поптарт. Это забавно, потому что если художник делает поптарт пожилого человека, то, наверное, от него ожидается, что он сделает его „моложе“? Трудно сказать. Я видел поптары знаменитых художников, которые рисовали стариков, выглядящих стариками. Так значит получается, что надо делать свой поптарт, пока ты еще очень молод, чтобы остался именно такой образ? Но это тоже было бы странно...»

У Б такое представление о чудесном свидании: пригласить куда-нибудь самую эксцентричную, самую богатую и самую

153

старую леди, которую он только сможет найти. Он отдавал предпочтение Возрасту, а не Красоте. «Личность человека не выступает у него на лице, пока он не постареет. Есть что-то в силе личности, пробивающейся наружу. Поэтому „поптарт“ должен льстить, в том смысле, что это отражение позитивной части личности».

Как раз в тот момент наверху лестницы появилась Урсула Андресс. Она прекрасно выглядела. Она разговаривала со своим парикмахером. Я понял, что они говорили о ее прическе. Он делал жесты вокруг нее, как будто показывал ей свои идеи. В этой сцене было много шарма.

Мы с Б начали спорить о ее росте. Я сказал, что она маленькая, а Б сказал, что не такая уж маленькая.

Б сказал: «Она выглядит замечательно. Она не кажется коротышкой».

Я сказал: «Нет, она очень маленького роста». Б сказал: «Но она не кажется маленькой». Я сказал: «Она в туфлях».

Б сказал: «Она потеет. Посмотри! Она нюхает свои подмышки!»

Я сказал: «Правильно, но она умно поступает, что не пользуется дезодорантом, это ведь настоящий яд, и еще — если им пользоваться, никогда не знаешь, когда на самом деле нервничаешь. Она умница, что хочет знать, когда она нервничает». Б сказал: «Все равно мне она не кажется маленькой». Я сказал: «Я знаю, она не выглядит маленькой. Раньше я тоже не думал, что она такого маленького роста, пока не увидел ее фотографии».

Б заорал: «НО ТЫ ЖЕ СМОТРИШЬ НА НЕЕ ЖИВЬЕМ! ЧТО, ОНА ТЕБЕ **КАЖЕТСЯ** МАЛЕНЬКОЙ??»

Я сказал: «Она стоит рядом со своим парикмахером, а ее парикмахер тоже маленького роста, так что нельзя сказать наверняка».

Она стала спускаться по лестнице.

Я сказал: «Посмотри, она отстала от него на две ступеньки, а все равно не смотрит на него сверху вниз. Ну же, Б, признай, что она коротышка!»

Б не хотел это признавать. «Ладно, — сказал он, — она не такая уж высокая, но она не коротышка».

Я сказал: «Держу пари, что она даже меньше, чем я думаю».

154

Держу пари, что на ней высокие каблуки. Нам их не видно, потому что у нее брюки до самого пола, но держу пари, что на ней четырехдюймовые платформы».

Б сказал: «Но у нее такой стиль, как будто она высокая. Она не такая маленькая, как некоторые».

«Нет, такая, — сказал я. — Она еще меньше».

Б начал беситься: «ТЫ ТВЕРДО РЕШИЛ СЧИТАТЬ ЕЕ КОРОТЫШКОЙ!»

Я сказал: «Я С НЕЙ ЗНАКОМ, Б! И ТЫ ЕЕ ТОЖЕ ВСТРЕЧАЛ! ТЫ ЗНАЕШЬ, КАКАЯ ОНА МАЛЕНЬКАЯ!»

«ОНА ТОГДА СИДЕЛА!»

«Нет, — сказал я мягко, — она тогда встала».

«Она была не такая уж маленькая». Упрям же этот Б. Он сказал это окончательным тоном, вот и все, дескать.

Я сказал еще более окончательно: «Она коротышка». И внимательно посмотрел на Б. Он устал спорить. Я победил.

Потом, пока он еще был не в силах защищаться, я сказал: «Слушай, если бы ты занимался своей работой, ты бы пошел туда и попросил у нее интервью».

«Что мне надо сделать, сбегать и проинтервьюировать ее на тему „каково быть самой маленькой женщиной в мире“???»

«Ну, она действительно маленькая... — сказал я. — Этого у нее не отнимешь».

Урсула спустилась еще на ступеньку, и Б все начал сначала: «Смотри, она спустилась на ступеньку, и ты можешь увидеть, что на ней не такие уж высокие каблуки. На ней низкие каблуки. Она на самом деле довольно высокая».

Я сказал: «Б... Рядом с этим парнем она высокая, потому что он еще больший коротышка, чем она. Не беспокойся, Б, — Лиз Тэйлор тоже очень маленькая. Все великие звезды коротышки!»

Б засмеялся: «Но у Лиз фигура как вон та голубая ваза, причем ее волосы — цветы, а бедра — столик...»

Я сказал: «Знаешь, Б, как-нибудь Лиз обратит на тебя внимание или скажет тебе что-нибудь приятное, и ты обнаружишь, что она тебе нравится».

Б сказал: «Мне она на самом деле нравится, но у нее действительно фигура как та ваза, а волосы действительно как цветы в вазе».

155

«Б, как-нибудь она подойдет ко мне и скажет: „Я слышала, у вас лучший парикмахер в мире“, а потом посмотрит на тебя и скажет: „Не хотели бы вы поработать со мной? И получать десять процентов от того, что я зарабатываю“».

Я зевнул: «Мы как две старушки», — сказал я Б.

Б ответил: «Ох, слишком много их собралось под одной крышей — Лиз, Полетт, Урсула, Эльза, Сильви, Марина Чиконья, Сао Шлумбергер...»

«Ты перечисляешь самых крупных звезд в мире, Б. И не забудь госпожу Роша».

Б продолжал: «...госпожа Роша, Кристина Форд, Бетти Ка-трукс, Гвидо Маннари — все в одном месте. Кристиан Де Сика...»

«О, — сказал я, — он прелестен. Это нормально для парня — быть прелестным?»

«Для всех нормально быть прелестными», — сказал Б.

Моя жена иссякла, и я чувствовал себя усталым: пора подняться к себе в номер и подремать до того, как одеваться к Мероприятию.

156

12. Искусство

А: Берешь *шоколад... и два куса хлеба... и кладешь шоколадку в середину, чтобы получился сэндвич. Это и будет пирожное.*

Мы остановились в отеле «Мирабо» в Монте-Карло, в номере, который нам на время уступили друзья, после того как нас попросили освободить номер в соседнем «Отеле де Пари», потому что Б забыл вовремя продлить срок бронирования номера на выходные, когда должны были состояться гонки Гран-при. Моя комната выходила на крутой вираж гоночной трассы. Мне было видно — и уж точно было слышно — все приготовления к Гран-при, с того момента, когда они начинались, в пять тридцать каждое утро, и все время, пока они продолжались в течение дня.

Я раскладывал по порядку расшифровки магнитофонных записей, когда Б и Дэмиан постучали в дверь, чтобы узнать, готов ли я к обеду. Они пришли рано. Дэмиан в темно-синем костюме от Диора выглядела великолепно. Когда ты приглашал ее куда-либо, никогда нельзя было знать заранее, будет она выглядеть на миллион долларов или на два цента. При этом ее выбор никак не зависел от места, куда мы собирались — она могла надеть туалет от Валентино на рок-концерт и джинсы на званый вечер в Холстоне. Кстати, вероятно, именно так она и оделась бы в обоих случаях.

Когда Дэмиан и Б услышали шум, они наострили уши. «Я тут думал об автогонках», — сказал Б, когда двадцать маленьких машинок с большими моторами с ревом промчались мимо. «Эти машины могут перевернуться в любую минуту».

«По-моему, они просто соревнуются, кто наделает больше шума», — сказал я.

«Как ты думаешь, водители испытывают стремление к смерти?»

Я сказал: «Я думаю, что они просто хотят устроить большой шум. Как Андреа „Уипс“ Фелдман, которая выпрыгнула из окна, говоря, что „собирается туда, где можно здорово провести время, — на небеса“. По-моему, они не думают о смерти — скорее они хотят здорово провести время».

«Тогда почему они не пытаются стать кинозвездами?»

«Это было бы понижением, — объяснил я, — ведь все кинозвезды пытаются стать автогонщиками. А кроме того, все новые кинозвезды — это спортсмены; они по-настоящему красивы, интересны и зарабатывают больше всех».

Рев замер вдали; машины мчались на другой конец города. Теперь это звучало как взлет «Боинга-707», а не как запуск

159

космического корабля «Аполлон». Я попытался насладиться минутой относительной тишины, ведь в следующую минуту машины должны были вернуться — на всю трассу уходила только минута. Б вспомнил о том, что ему надо позвонить, и ушел в свою комнату, потому что там было не так шумно.

Теперь мы с Дэмиан остались одни в комнате, и если бы моей жены там тоже не было, я бы запаниковал. Раньше я всегда паниковал, когда оставался наедине с людьми — то есть без какого-нибудь Б, — пока не обзавелся женой.

Дэмиан подошла к окну и выглянула наружу. «Наверное, приходится часто рисковать, чтобы прославиться в какой-либо области, — сказала она, и, обернувшись ко мне, добавила, — например, если ты художник».

Она говорила очень серьезно, но все это было похоже на плохой фильм. Я обожаю плохие фильмы. Теперь я вспомнил, почему мне всегда нравилась Дэмиан.

Я указал на салями в подарочной упаковке, которая торчала из дорожной сумки «Пан Америкэн», и сказал: «Ты рискуешь каждый раз, когда нарезаешь салями».

«Нет, я имею в виду, для художника...»

«Для художника! — перебил ее я. — Что ты имеешь в виду, „для художника“? Художник тоже может нарезать салями! Почему все думают, что художники особенные? Это работа, такая же, как любая другая».

Дэмиан не хотела расставаться со своими иллюзиями. У некоторых есть глубоко укоренившиеся давние фантазии насчет искусства. Я помню, как пару лет назад, холодной зимней ночью, я подвозил ее в два тридцать после очень многолюдной вечеринки, она заставила меня отвезти ее на Таймс-сквер в магазин аудиозаписей, который был открыт, где она могла бы купить «Блондинку на блондинке» (Blonde on Blonde), и войти в контакт с «настоящими людьми». У некоторых людей имеются глубоко укоренившиеся давние фантазии насчет искусства, и они ими сильно дорожат.

«Но чтобы стать знаменитым художником, тебе надо было делать что-то „особенное“. А если это было „особенно“, значит, ты рисковал, потому что критики могли сказать, что это плохо, а не хорошо».

«Во-первых, — сказал я, — они обычно действительно говорили, что это плохо. А во-вторых, если ты говоришь, что

160

художники „рискует“, это оскорбительно для тех, кто приземлился в „День Д“, для каскадеров, для

бэби-ситтеров, для Ивела Книвела, для приемных дочерей, шахтеров и авто-стопщиков, потому что именно эти люди действительно знают, что такое „риск“. Она даже не слышала меня, она все еще думала о том романтическом «риске», которому подвергаются художники.

«Какое-то время всегда говорят, что новое искусство плохо, и это и есть риск — та боль, которую ты должен вытерпеть ради славы».

Я спросил ее, как она может говорить «новое искусство».

«Откуда ты знаешь, новое оно или нет? Новое искусство уже не новое, когда оно сделано».

«Да нет же, новое. Оно выглядит по-новому, так что сначала твои глаза не могут к нему привыкнуть».

Я переждал, пока ревущие машины мчались по виражу под окном. Здание тряслось. Я задумался, что же Б так долго не идет.

«Нет, — сказал я, — это не новое искусство. Сначала ты не знаешь, что это искусство новое. Ты вообще не знаешь, что это такое. Новым оно становится только лет через десять, потому что тогда оно выглядит новым».

«Так что же ново сейчас?» — спросила она. Мне ничего не приходило на ум, и я сказал, что не хочу отвечать, потому что это слишком большая ответственность.

«Сейчас ново то, что было десять лет назад?»

Это было довольно умно придумано. Я сказал: «М-м, может быть».

«Так говорила та лесбиянка на обеде. Она сказала, что даже очень интеллектуальные французы, которые интересуются культурой, не знают имен современных американских художников. Они только теперь узнают о Джаспере Джонсе и Раушенберге. Но вот что я хочу знать: когда говорили, как плохи твои фильмы и твое искусство, это тебя раздражало? Ты чувствовал обиду, когда открывал газеты и читал, какие плохие у тебя работы?»

«Нет».

«Тебя не огорчило, когда один критик сказал, что ты не умеешь писать красками?»

«Этой газеты я так и не прочел», — сказал я.

161

Машины опять пошли на вираж.

«Неправда! — завопила она, чудом перекрывая шум. — Я все время вижу, как ты читаешь газеты.

— Она обернулась на стопки газет и журналов. — *Покупаешь-то* ты их достаточно».

«Я смотрю картинки, вот и все».

«Прекрати. Я слышала, как ты высказывался о критических отзывах на твои работы».

Ну раньше я никогда не читал газет, особенно отзывов о моей работе. Но теперь я очень внимательно читаю каждый отзыв обо всем, что я делаю — то есть обо всем, на чем стоит мое имя.

«Когда я работал сам, — объяснил я Дэмиан, — я никогда не читал ни отзывов о себе, ни моей рекламы. Но потом, когда я как бы перестал *делать* вещи и начал их *производить*, я захотел знать, что люди говорят о них, потому что в этом уже не было ничего личного. Я принял деловое решение начать читать отзывы о том, что я произвожу, потому что, как глава компании, я понимал, что мне надо думать и о других людях. Поэтому я все время думаю о том, как по-новому представлять интервьюерам одно и то же, и это еще одна причина, по которой я теперь читаю отзывы, — я просматриваю их, и смотрю, не говорится ли нам или о нас что-нибудь, чем мы можем воспользоваться. Например, сегодня в этой французской газете журналист назвал мой звукозаписывающий аппарат таким красивым словом — magnetophone.

Я подошел к стопке газет и нашел статью, о которой говорил: «Правда, неплохо выглядит на странице? По-другому. Новое слово для старого предмета».

«Ты читал отзыв о том, как ты играл в фильме с Лиз Тэйлор?»

«Конечно нет, потому что играл я сам, и потому не хочу знать, что об этом думают другие. Я велел Б вырвать его из газеты, прежде чем дать мне ее».

«Там говорилось, что ты выглядел «немного отталкивающе, как рептилия».

Она меня проверяла: хотела выяснить, правда ли я не расстраиваюсь, когда слышу о себе такие вещи. Меня это, правда, не расстраивало. Я даже не знал, что значит «быть похожим на рептилию». «Это что, значит, что я скользкий?» — спросил я ее.

162

«В рептилиях есть что-то такое, — сказала она. — Помимо их внешнего вида. Это единственные животные, которые не любят, чтобы их трогали. — Сказав это, она выпрыгнула из кресла. — А ты не возражаешь, чтобы тебя трогали, правда?» Она шла ко мне.

«Нет! Нет, возражаю!» Она все приближалась. Я не знал, как ее остановить. Я был в панике и заорал: «Ты уволена!» Но это не помогло, потому что она у меня не работает. Вот почему мне нравится быть только с Б, которые у меня работают. Она дотронулась до моего локтя мизинцем, и я завопил: «Убери от меня руки, Дэмиан!»

Она пожала плечами и сказала: «Теперь нельзя сказать, что я не пыталась». Она вернулась в свой угол. «Ты действительно не выносишь, когда до тебя дотрагиваются. Я помню, когда я с тобой

только познакомилась, я наткнулась на тебя, и ты отскочил футов на шесть. Почему ты так? Боишься микробов?»

«Нет. Боюсь, чтобы на меня не напали».

«Это с тобой с тех пор, как в тебя стреляли?»

«Я всегда был такой. Я всегда уголком глаза оглядываюсь по сторонам. Я всегда посматриваю, назад, вверх... — здесь я поправил себя. — Нет, не всегда. Обычно я забываю, но всегда собираюсь».

Я подошел к окну. Мы были на четырнадцатом этаже. Так высоко я еще никогда не ночевал. То есть высоко не над уровнем моря, а в таком высоком здании. Я всегда говорю о том, как хотел бы жить на верхнем этаже небоскреба, а потом подхожу к окну и просто не могу с этим справиться. Я всегда боюсь выпасть наружу. Здесь подоконники такие низкие, что вчера вечером я опустил металлические ставни. Не понимаю, почему богатые люди стремятся жить выше и выше. Я знал одну семейную пару в Чикаго, они жили в небоскребе, а потом, когда рядом построили небоскреб повыше, они переехали туда. Я отошел от окна. Быть может, мой страх высоты гормонального свойства.

Я всегда свожу любую проблему к ее химической основе, потому что действительно думаю, что с этого все начинается и этим заканчивается.

«Ты имеешь в виду, что люди с годами не становятся умнее?» — сказал Б, входя в комнату.

163

«Нет, почему же, — ответил я. — Становятся. Приходится, вот все и умнеют, как правило».

Б сказал: «Но если ты знаешь, в чем все дело, то начинаешь отчаиваться и жить больше не хочется».

«Не хочется?» — переспросил я.

«Точно, — Дэммиан согласилась с Б. — Если ты умнее, это не делает тебя счастливее. Девушка в одном твоём фильме сказала что-то вроде: «Я не хочу быть умной, потому что это вгоняет в депрессию».

Она цитировала Джери Миллера из фильма «Плоть» (Flesh). Знания, конечно, могут вогнать в депрессию, если ты сам не знаешь, что ты знаешь. Здесь, наверное, важна точка зрения, а не сам ум.

«Ты утверждаешь, что в этом году ты умнее, чем был в прошлом году?» — спросил меня Б.

Так оно и было, поэтому я сказал «да».

«Как ты стал умнее? Что ты узнал за этот год, чего не знал раньше?»

«Ничего. Поэтому я и умнее. Еще один год для ознакомления с Ничем».

Б засмеялся. А Дэммиан — нет.

«Не понимаю, — сказала она, — если ты все время узнаешь ничто, от этого жить становится труднее и труднее».

От того, что узнаешь ничто, тяжелее не становится, становится легче, но большинство делает такую же ошибку, что и Дэммиан, — думает, что становится труднее. Это большая ошибка.

Она спросила: «Если ты знаешь, что жизнь — ничто, тогда для чего ты живешь?»

«Ни для чего».

«А вот мне нравится быть женщиной. Это не ничто», — сказала она.

«Быть женщиной — такое же ничто, как быть мужчиной. В любом случае тебе приходится бриться, и это большая тщета. Правильно?» Я слишком упрощал, но это была правда.

Дэммиан засмеялась. «Тогда почему ты все время пишешь картины? Они ведь будут висеть на стенах после того, как ты умрешь».

«Это — ничто», — сказал я.

«Но идеи то продолжают существовать», — настаивала она.

164

«Идеи — ничто».

У Б на лице вдруг появилось хитрое выражение. «Ладно, ладно. Все согласны. Единственная цель жизни это...»

«Ничто», — перебил я его.

Но это его не остановило: «...получить как можно больше удовольствия». Теперь я знал, к чему он клонит. Он намекал мне, чтобы я выдал им наличные на «расходы» сегодня вечером.

«Если идеи — ничто, — продолжал Б, аргументируя свои виды на дармовые денежки, — и вещи ничто, тогда, как только у тебя появляются деньги, ты должен просто истратить их на то, чтобы провести время как можно лучше».

«Ну, — сказал я, — если ты не веришь в ничто, это не значит, что все ничто. Тебе приходится обращаться с ничем так, как будто это что-то. Делать что-то из ничего». Это сбило его с толку.

«Что???»

Я повторил все дословно, что было нелегко: «Если ты не веришь в ничто, это не значит, что это — ничто». Долларовый блеск исчез из глаз Б. Когда дело доходит до экономики, абстракция всегда полезна.

«Ладно, скажем, я верю в ничто, — сказала Дэмиан. — Как же мне убедить себя стать актрисой или написать роман? Я смогла бы написать роман, только если бы верила, что это действительно будет чем-то — выйдет книга с моим именем, или я стану знаменитой актрисой».

«Ты можешь стать актрисой из ничего, — сказал я ей, — а если ты правда веришь в ничто, ты можешь написать об этом книгу».

«Но чтобы прославиться, надо написать книгу о чем-нибудь, что интересно людям. А не можешь же ты сказать, что все — это ничто!» Теперь она начала расстраиваться, но все еще думала, пытаясь найти способ заставить меня сказать, что хоть что-то — это не ничто.

Я повторил: «Все — ничто».

«Ну ладно, — сказала она, — скажем, я с тобой согласна. Тогда получается, что и секс — ничто».

«Точно, секс — ничто. Совершенно правильно».

«Но это не так! Почему же людям так хочется этого, если это ничто?»

165

Каждый уже сделал собственные выводы насчет секса — в этой области человека не убедишь аргументами. Просто так, мимоходом, я заметил: «Что происходит, когда ты занимаешься сексом, Дэмиан?»

Она секунду подумала и сказала: «Не знаю, это приятно, ты чувствуешь тело другого человека, твои эмоции тоже в этом участвуют, я не знаю, просто чувствуешь себя не так, как в остальное время».

«И потом кончаешь», — сказал я.

«И потом кончаешь, да. Но в этом есть что-то особенное, даже если не кончаешь. Это естественно и нормально. И ни на что не похоже — потом, если я вспоминаю об этом, я не могу поверить, что я это делала!» — она засмеялась.

«Послушай, — сказал я. — Например, ты думаешь, что это действительно было что-то, а человек, с которым ты занималась сексом, думает, что это было ничто».

Теперь Дэмиан казалась обиженной. Я понял, что она приняла мою гипотезу близко к сердцу. «Ну, если этот человек подумал, что это ничто, почему ему захочется спать со мной снова?»

«Потому что, — объяснил я, — он подумал, что это ничто, а ты подумала, что это что-то, вот почему. Поэтому вы и занимаетесь этим снова. Ему нравится делать ничто, а тебе нравится делать что-то».

Б сказал: «Значит, все сводится к тому, что человек думает: другими словами, на самом деле нет ничего объективного. Все субъективно. Я мог бы сказать: „Правда, это было что-то — то, что мы делали сегодня?“, а другой сказал бы то, что думает он, но на самом деле происходило одно и то же самое — одни губы целовали другие губы. Кинокамера показала бы это одинаково, независимо от того, что ты об этом думаешь».

«Что-что показала бы?» Когда я слышу слова «объективно» и «субъективно», я всегда отвлекаюсь — никогда не понимаю, о чем говорят, у меня на это мозгов не хватает. «Что показала бы?» — спросил я снова.

«Как двое целуются».

«Когда двое целуются, — сказал я, — они всегда похожи на рыб. Когда двое целуются — что это вообще означает?»

Дэмиан сказала: «Это значит, что ты доверяешь другому

166

человеку достаточно для того, чтобы позволить ему трогать тебя».

«Ничего подобного. Люди все время целуют тех, кому они не доверяют. Особенно в Европе и на вечеринках. Вспомни, сколько наших знакомых могли бы целоваться с кем угодно. Значит ли это, что они „доверяют“?»

«Я думаю, что да», — сказал Б. Упрямый этот Б. «Они просто доверяют многим, вот и все».

Б поцеловал Дэмиан. Когда двое целуются, они всегда похожи на рыб.

167

13. Титулы

Я проснулся в гостиничном номере в Турине немного позднее, чем обычно, и испытал обычную секундную панику — где это я? — которая охватывает меня вдали от дома. Я уже устал носиться по Европе за моим парикмахером, заключая бизнес-арт-сделки, которые он наметил. Я был в отеле «Гранд Эксельсиор Принчипи ди Савойя». Отель «Гранд Эксельсиор Принчипи ди Савойя» был единственной первоклассной гостиницей в городе, наверное, потому что для других гостиниц не осталось первоклассных названий.

Я приехал в Турин по делам своего искусства, но мне больше хотелось бы заняться здесь бизнес-искусством — ведь в Турине делают автомобили «фиат». Я смутно припомнил, что как-то съел много итальянской нуги, которая была сделана в Турине, и стал мечтать, чтобы меня сфотографировали для рекламного щита компании «Фиат» или конфет «Перуджия». Почему-то в

Италии рекламные щиты более броские, чем где бы то ни было. Итальянцы здорово умеют развешивать хорошие рекламные щиты.

А вот итальянское телевидение совсем не такое, и как только до меня дошло, что мне не посмотреть Барбару Уолтерс, Пэт Коллинс или «Уступи место папе» (Make Room For Daddy), я потянулся к телефону, чтобы позвонить в комнату Б и разбудить его, чтобы он заказал завтрак, потому что я слишком не уверен в себе, чтобы сделать это самостоятельно.

Я просто мучаю тех, с кем я путешествую. Когда я путешествую, я так же требователен, как Лиз Тэйлор или Мадам Елена Рубинштейн (была). Те, с кем я путешествую — разные Б — должны служить переводчиками/буферами между мной и той культурной средой, в которой я нахожусь, а еще им приходится постоянно меня чем-нибудь развлекать, потому что я схожу с ума без американского телевидения. Те, с кем я путешествую, должны быть очень добродушными и легкими в общении людьми, чтобы вынести то, чему я их подвергаю, и не сломаться, — ведь им еще надо как-то привезти нас домой.

«Проснись, Б, уже девять тридцать».

Б застонал, но это был довольно добродушный стон. Я сказал, чтобы он заказал завтрак и что мы устроим пирушку у меня в комнате. Потом я свалился с кровати на пол — высокая же была эта кровать — и побрел в ванную.

171

Через несколько минут раздался стук в дверь, и ввалился Б, а за ним более твердым шагом вошла горничная — черноглазая блондинка с миской вишен, плавающих в ледяной воде, тостами, чаем и кофе. Я протянул Б чаевые, чтобы он дал их ей.

«*Molto grazie*».

«*Ciao, bella*», — Б с ней заигрывал.

«*Grazie, signor*», — она покраснела. — *Ciao*».

«Туринские женщины такие красивые, — сказал Б, принимаясь за завтрак, когда она ушла. — Самые красивые женщины Севера и Юга».

Я уже ел десятую вишню. Они были большие, сочные, темно-красные и холодные.

«Ну что, Б, — спросил я, — хорошо мы проводим время, как ты думаешь? Интересно?»

«Вопрос в том, — поправил меня Б, — хорошо ли проводит время твоя жена».

Моя жена. Мой магнитофон.

«А, точно. Моя жена... Нет, на самом деле нет. Королева Сорайя заставила меня ее выключить».

«Я слышал, как она сказала, чтобы ты ее выключил, а потом кто-то сказал, что ты сидишь рядом с Сорайей такой грустный, а я ответил: «О, это потому, что она заставила его выключить магнитофон. А нравятся все, кроме тех, кто велит ему выключить магнитофон. Это как если бы его пригласили на ужин, но попросили не приводить жену».

Я ел уже двадцатую вишню. Я спросил Б, рад ли он вернуться в родную страну, ведь он был итальянского происхождения.

«Да, приятно, я сплю лучше. Нахожусь в мире с самим собой. Передай *burro*, пожалуйста».

«Вот. Что ты имеешь в виду — в войне и в мире с самим собой?»

Б минуту поколебался. «Хорошая фраза». Я припомнил ее и осознал, что я на самом деле сказал. Я придумал хорошую фразу.

Б намазал *burro* на свой тост. «В Италии совсем как дома. А Монте-Карло был похож на Диснейленд».

До этого мы немного побыли в Монте-Карло. Мы увидели там тех же людей, которых видели зимой в Сант-Морице и осенью в Венеции. Я сказал Б, что это не просто «междуна-

172

родная тусовка» — они были похожи на целую новую национальность. Национальность без нации.

«Ну в Европе теперь все смешалось, — сказал Б, — после войны. Очень много смешанных браков».

«Голубые с лесбиянками?» — сказал я, потому что знал, что это одна из любимых шуток Б. Он должен был бы засмеяться, но он просто пропустил это мимо ушей.

«Я имею в виду, французы с итальянками, швейцарки с греками... Ты знаешь...»

«Но Б, почему тогда в Европе было столько войн, если все короли и королевны женаты между собой, ведь это значит, что все родственники, а зачем сражаться с родственниками?» — Я часто задаю этот вопрос, потому что всегда об этом думаю, особенно когда я в Европе.

«Потому что никто не сражается так ожесточенно, как родственники — стоит только начать. Особенно из-за какого-нибудь маленького принца. Например, принцесса Грейс хочет, чтобы принцесса Каролина вышла замуж за принца Чарльза».

Я не понял, в чем соль. Б просто повторил международную необоснованную сплетню. Принц Чарльз заведет закулисный роман с Барбарой Стрейзанд с той же вероятностью, с какой он женится на принцессе Каролине. Но никогда не знаешь заранее. «Во всяком случае, — сказал Б, — бессонница меня из-за этого не мучает. Особенно в Италии».

«Но послушай, Б, вчера вечером, если ты сам итальянец, почему ты набросился на князя — как

там назывался сыр? Название?»

«Моццарелла».

«Князя Моццареллу. Почему ты на него накинута, если он такой же итальянец как и ты. Ты должен был держать его сторону».

«Я с ним поспорил, потому что говорят, что он выскочка».

«Он выскочка. Ну и что. Мы тоже выскочки».

«И потому что он жирный».

«Все хорошие выскочки жирные», — напомнил я ему.

«Нет, он не должен быть толстым. Мне бы он понравился, если бы он был симпатичным выскочкой».

«С каких это пор надо быть симпатичным, чтобы выбиться в люди? Он заработал много денег».

173

Б построил гримасу. «Точно, он заработал много денег и все их потратил на спагетти».

Б твердо решил недолюбливать князя Моццареллу. Я-то считал князя очень забавным. Но я хотел, чтобы Б пояснил мне кое-что еще насчет вчерашнего ужина:

«Кто была эта леди за моим столом?»

«Какая леди? Та, с которой ты разговаривал весь вечер? Как ты можешь меня спрашивать, кто она, если ты проболтал с ней весь ужин? О чем вы говорили? Она фрейлина Императрицы Сорайи».

«Так она не мать Сорайи???» я не мог поверить. Вот почему, наверное, все смеялись. «Ты уверен, Б?»

«Да. Она фрейлина Сорайи».

«Значит, я только и делал, что ошибался, весь ужин...» Я пытался вспомнить, что же я ей сказал. Для начала я поздравил ее с тем, что у нее такая красивая дочь, как императрица Сорайя. На этой даме было столько драгоценностей, что я бы никогда не подумал, что она «фрейлина». У меня не было никакого конкретного представления о том, как должна выглядеть фрейлина, но я всегда думал, что они напоминают горничных. А эта леди выглядела такой богатой.

«Фрейлины принадлежат к очень высокому классу, — объяснил Б. — Некоторые из них настоящие княгини. Чтобы стать фрейлиной, *надо иметь* высокое положение. У знатных дам есть фрейлины, чтобы им — знатым дамам — не нужно было всюду ходить одним». Это начинало звучать похоже на «Парни и красотки» (Guy and Dolls).

«Так она горничная или нет?» — спросил я у Б. Это я и хотел знать.

«Нет, она не горничная. Она повсюду сопровождает знатную особу, оказывает ей услуги и ждет ее, пока она занимается своими делами».

«Ну, в таком случае, — сказал я, — я — фрейлина моего парикмахера». Мой распорядок зависит от того, что он собирается делать. Мне приходится сопровождать его и целыми днями ждать, пока он занимается своими делами, и я не могу уйти, пока он не уйдет, потому что я никогда не знаю, где я и как добраться туда, где я был перед этим, и если бы я ушел, он бы стал кричать на меня, когда нашел меня».

174

Б настаивал, что я «Папа римский поп-искусства», и что папа не может быть фрейлиной парикмахера. Теоретически это, конечно, было правдой, но на самом деле, я знаю, когда оказываюсь фрейлиной, как бы это ни называлось. Это одна из моих проблем.

У всех есть проблемы, но главное — не делать проблем из своей Проблемы. Например, если у тебя нет денег, и ты все время об этом беспокоишься, у тебя будет язва желудка, и появится настоящая проблема, а денег у тебя все равно не будет, потому что люди чувствуют, когда ты в отчаянии, и никто не желает иметь дела с отчаявшимся человеком. А вот если тебе все равно, что у тебя нет денег, тогда все будут давать тебе деньги, потому что тебе все равно, и они подумают, что это не имеет значения, и дадут тебе деньги — упрелят их взять. А если у тебя проблема насчет того, что у тебя нет денег, а ты их берешь и думаешь, что ты не можешь их взять, и чувствуешь себя виноватым, и хочешь быть «независимым», то это настоящая проблема. Напротив, если ты просто берешь деньги и поступаешь как избалованный ребенок, и тратишь их, как будто они не имеют никакого значения, то это не проблема, и все захотят дать тебе еще.

Зазвонил телефон.

Б поднял трубку: «*Pronto*».

Это был мой арт-дилер в Турине, он приглашал нас на обед. Я попытался знаками дать понять Б, что я хочу пойти куда-нибудь, где есть вишни.

Когда Б повесил трубку, он сказал, что мы встречаемся с нашим дилером за обедом, и спросил меня: «Как ты стал таким дисциплинированным?»

«А как человек вообще становится дисциплинированным?»

«Точно. Я хочу знать, как человек может приобретать хорошие привычки. Набраться дурных привычек очень легко. Предаваться плохой привычке всегда *хочется*. Например, однажды ты пробуешь рэвиоли, и тебе они приходятся по вкусу, так что ты ешь их и завтра, и послезавтра, —

не успеваешь оглянуться, как у тебя уже привычка к равиоли или привычка к спагетти, или наркотическая зависимость, или сексуальная зависимость, или привычка к курению или кокаину...» Что он, пытался пристыдить меня из-за вишен? «Ты спрашиваешь, как отделаться от плохих привычек?» — спросил я

175

его. Он сказал, что нет, ему неинтересно, как избавиться от плохих привычек, только как приобрести хорошие.

«У всех свои хорошие привычки, — сказал он, — люди следуют им автоматически; может, они усвоили их еще в детстве — чистить зубы, не говорить с полным ртом, извиняться — но другие привычки — писать по главе в день или бегать трусцой по утрам — приобрести труднее. Вот что я понимаю под «дисциплиной» — как ты приобретаешь новые хорошие привычки? Я спрашиваю тебя, потому что ты такой дисциплинированный».

«Нет, на самом деле я не дисциплинированный, — сказал я. — Просто так кажется, потому что я делаю то, что мне велят другие, и не жалуюсь, когда это делаю». Это мое правило, оно состоит из трех частей: (1) никогда не жаловаться на ситуацию, пока ситуация длится; (2) если ты не можешь поверить, что это происходит, сделай вид, что это кинофильм; и (3) когда это кончится, найди кого-нибудь, кого можно в этом обвинить, и не давай ему забыть об этом. Если человек, на которого ты сваливаешь вину, умный, он превратит всю историю в шутку, так что всякий раз, как вы будете об этом вспоминать, вы оба сможете посмеяться над этим, и таким образом ужасная ситуация может задним числом оказаться забавной. (Но все зависит от того, насколько безжалостно ты преследуешь человека, которого ты обвиняешь, потому что он превращает все в шутку, только когда приходит в отчаяние, и чем больше ты доводишь его своими преследованиями, тем лучшую шутку он придумает.)

«Это не дисциплина, Б, — повторил я. — Я просто знаю, чего на самом деле хочу». Для меня все, чего человек действительно хочет, хорошо.

«Ладно. Но вот возьмем шампанское. Я всю жизнь хотел, чтобы у меня было столько шампанского, сколько я могу выпить, но теперь, когда у меня есть все шампанское, которого я хочу, и даже больше, посмотри, что у меня появилось — двойной подбородок!»

«Значит, ты как раз сейчас выяснил, что шампанское — это не то, что тебе действительно нужно, раз тебе не нужен двойной подбородок. Ты осознаешь, что шампанское — это не то что тебе нужно, тебе нужно пиво».

176

«Тогда у меня будет пивное брюхо», — Б засмеялся, представив себе подбородок от шампанского и брюхо от пива.

«Тогда пиво — это тоже не то, что тебе нужно».

«Это как раз нетрудно понять — пиво никому не нужно».

«Нет, нужно, — ответил я ему. — Ты же сам рассказал мне шутку, о том, что ирландский ужин из семи блюд — это вареная картофелина и шесть бутылок пива».

«Да, наверное... Но мне очень нужна не сама вещь, а скорее идея вещи».

«Тогда это просто реклама», — напомнил я ему.

«Правильно, но она работает; почему я хочу шампанского, почему большинство людей хочет шампанского, потому что их впечатляет именно идея — Шампанское! — точно так же как их впечатляет идея о черной икре. Шампанское и черная икра — это статус».

Это не совсем точно. В некоторых слоях общества дерьмо — это тоже статус. «Послушай, — сказал я ему, — когда у тебя появился двойной подбородок, ты понял, что ценил не совсем то, что надо. Правильно? Чтобы понять, нужно время, но ты в конце концов понимаешь. Даже сегодня ты задираешь нос, если тебя приглашают на ужин со всякими Афганел-ли, Кучинелли, Пикинелли, Маунтботтомами, Ван Тиссенами...»

Б, перебив меня, заорал: «Ничего подобного! Я лучше буду каждый вечер ужинать с ребятами в мастерской!»

«Ну конечно, — сказал я. Кого он пытался обмануть? — Послушай, я тебя знаю. Ты ждешь не дожدهшься, чтобы вернуться в город и всем рассказать по миллиону раз, что ты ужинал с Дукарно».

«И ты тоже! И ты тоже! Когда ты рассказываешь об этом, то притворяешься, что скучаешь, а я рассказываю с воодушевлением, вот и вся разница! Я тебе честно говорю, я бы предпочел ужинать с симпатичными девчонками и ребятами, с моими ровесниками!»

«Когда ты начнешь приглашать гостей к себе, Б? У тебя дома не было ни одной вечеринки. Ты живешь в хорошем районе, в Верхнем Ист-сайде, так чего же ты ждешь?» «У меня слишком мало места. Только одна комната». «Ты живешь в однокомнатной квартире?? Ты мне об этом не говорил. Вот здорово». Я хочу жить в одной комнате. Это-

177

го мне всегда хотелось; ничего не иметь — суметь избавиться от всего мусора — может быть, записать все на микропленки или голограммы — и переехать в одну комнату. Я по-настоящему

завидовал жизни Б.

«А кондиционер у тебя есть?» — завистливо спросил я.

«Да».

«Встроенный?»

«Да. Тебя всегда так поражают кондиционеры. Может, мне и правда устроить вечеринку. Я подожду, когда станет жарко, и кондиционер станет темой для вечеринки. Но в моей квартире слишком мало места, чтобы находиться там больше полутора часов, потому что через час все начинают страдать клаустрофобией. Лучшая вечеринка, которую я могу устроить, — угостить всех шампанским и орешками, а потом отправиться в дансинг».

Пора было готовиться к обеду. Б пошел к себе в комнату одеваться. Я накрыл салфеткой миску с вишневыми косточками, чтобы не смотреть, сколько я съел. Это самое ужасное при передозировке вишен — остаются все косточки, которые точно показывают, сколько ты съел. Не больше и не меньше. Совершенно точно. По этой причине меня сильно раздражают фрукты с одной косточкой. Вот почему я предпочитаю есть виноград, а не сливы. Сливовые косточки еще внушительнее, чем вишневые.

178

14. Лоск

В Нью-Йорке я большую часть утра провожу, разговаривая по телефону с той или иной Б. Я называю это «проверкой». Мне нравится слушать обо всем, что Б сделали с прошлого утра. Я спрашиваю обо всех местах, куда я не пошел, и о людях, с которыми я не познакомился. Даже если Б были со мной на вечеринке или в клубе вчерашним вечером, я спрашиваю, что произошло, потому что может быть я пропустил что-нибудь в другом конце зала. А если не пропустил, то позабыл.

У меня нет памяти. Каждый день для меня — новый день, потому что я не помню день вчерашний. Каждая минута — как первая минута моей жизни. Я пытаюсь запомнить, но не могу. Поэтому я и женился — на моем магнитофоне. Поэтому я выискиваю и стараюсь быть с людьми, у которых ум устроен как магнитофон. У меня ум — как магнитофон с единственной кнопкой: «Стереть».

Если я просыпаюсь слишком рано, чтобы кого-либо проверить, я убиваю время, смотря телевизор и стирая свое белье. Может, у меня такая плохая память оттого, что я всегда занимаюсь по меньшей мере двумя делами сразу. Легче забыть о деле, которое ты сделал наполовину или на четверть.

Мое любимое сочетание занятий — говорить во время еды. По-моему, это признак высокого класса. У богатых есть много преимуществ по сравнению с бедными, но самое важное, по-моему, это умение одновременно разговаривать и есть. Я думаю, они учатся этому в высшей школе. Это очень важно, если часто ужинаешь в гостях. За ужином ты должен есть — потому что если ты не ешь, это оскорбление для хозяйки — и разговаривать — потому что если ты не будешь разговаривать, это оскорбительно для других гостей. Богатые как-то с этим справляются, но мне это не удается. Их никто не застанет с открытым ртом, полным еды, но со мной такое случается. Мой черед вставить слово всегда настает, когда я набью себе рот картофельным пюре. Богатые, напротив, сменяют друг друга как бы автоматически; один говорит, пока другой жует; потом первый жует, а второй говорит. Если разговор требует какого-нибудь немедленного комментария, от человека, который жует, богатый умеет быстро спрятать не-дожеванную пищу где-то — под языком? за зубами? в горле?

— и высказываться. Когда я спрашиваю моих богатых друзей, как у них это получается, они говорят: «Что получается?» Вот

181

насколько они к этому привыкли. Я тренируюсь дома перед зеркалом и по телефону. А пока я не в совершенстве умею одновременно разговаривать и есть, я придерживаюсь своего основного правила на званом ужине: не говорю и не ем.

Конечно, ты можешь иметь плохие манеры, если знаешь, как ими пользоваться.

Как-то утром я пылесосил и одновременно смотрел «Высшую меру наказания» (Capital Punishment) с Барбарой Уолтерс, позвонил телефону. Я знал, что это за Б, потому что только она звонит мне раньше, чем я позвоню ей. Все остальные Б ждут, пока я сделаю первый шаг. Эта Б — концептуальный философ из хорошей семьи. Хотя она и сбилась с пути, ее порода все еще дает о себе знать. Она умеет есть, разговаривать и *ходить* одновременно.

Я дал телефону прозвонить десять раз, потому что от «Высшей меры наказания» просто нельзя было оторваться. Наконец я поднял трубку и быстро сказал: «Привет, подожди секундочку». Я уронил трубку и побежал в кухню за тостами с джемом. Ожидая, пока тосты поджарятся, я читал этикетку на банке с джемом. Я взял банку с собой к телефону, потому что люблю накладывать джем на тост большими ложками, прямо перед тем, как откусить.

«Что новенького», — спросил я, прижимая ухо к трубке и отправляя в рот джем.

Б детально описала мне шоу Барбары Уолтерс. Мне было не скучно, потому что я уже позабыл

его. Когда она стала описывать то, что шло в данный момент по моему телевизору, я перебил ее:

«А еще что новенького?»

«Не знаю, — огрызнулась Б, которая терпеть не может, чтобы ее перебивали — Что ты делаешь?»

«Занимаюсь уборкой».

«Уборка — вот что мучает меня двадцать четыре часа в сутки», — ответила Б. Она как раз такой человек, у которого всегда такая же проблема как у тебя, только в миллион раз тяжелее. «Уборка всегда у меня на уме, — с энтузиазмом продолжала она. — Где мне еще прибраться — в ящике? на столе? в чулане? Я пропылесосила комнату, но не пропылесосила чулан, а ведь я собираюсь сегодня все закончить. Сначала мне надо почистить ковер шампунем. Я пользуюсь чистя-

182

щим средством „Суперсильный экстрапрофессиональный шампунь „Олд Глори“, и все делаю так, как указано в инструкции — чищу ковер участками по шесть дюймов. Потом я скребу щеткой и поднимаю ворс, потом выхожу из комнаты часа на три, захватив с собой массу вещей, — магнитофон, пару книжек, журналы, газеты — иду в парк и сижу там, разговаривая с бродягами. После этого я могу вернуться и пылесосом убрать пену. Мне надо проверить, есть ли у меня новые мешки Е-11, потому что у меня пылесос „Сингер“ в форме канистры. Лучше бы у меня был „Хувер“. Большинство людей не пользуются пылесосом, потому что его приходится убирать в чулан, а если ты гостишь у кого-нибудь дома и спрашиваешь, нельзя ли воспользоваться их пылесосом, они говорят: „О, не беспокойся, он такой тяжелый, это так неудобно“ и достают щетки. А щетки для ковров совсем устарели. Щетки для ковров и просто щетки. Щеткой ворс на ковре не поднимешь. Единственное, что получается, — в ковре застревают щетинки, и потом их приходится подбирать по одной и относить в мусорное ведро, собирается больше мусора. Если только не спустить их в туалет. Так вот, я начинаю пылесосить. Мне надо решить, что пропылесосить сначала. Пол? Нет. Потому что грязь распространяется по другим местам. Тогда, если я еще не застелила постель, я пылесосу вдоль постели. Без насадок на трубе. Могу разве что привинтить длинную трубу с пластиковым наконечником с очень узкой щелью. Так удобно убирать в углах. Потом мне надо навести порядок на письменном столе. Я убираю все книги. Надеваю насадку со щеткой — круглой щеткой, беру телефонную книгу, провожу щеткой сверху и по сторонам. Если я вижу пятно на моей карманной записной книжке, которая может лежать на столе рядом с телефонной книгой, мне приходится достать из чулана ящик с обувными щетками, взять чистящую пасту для кожи и почистить обложку. Я так тщательно все чищу, что в комнате не остается ничего неопрятного или грязного. Во всем доме. Ничего. НИЧЕГО!»

«Не ори, Б», — сказал я, накладывая на тост еще ложку джема.

«Ладно, но вот, например, мое карманное радио рядом с телефонной книжкой. Ну после того как я очищу его от пыли пылесосом, я вынимаю его из кожаного футляра и пылесосу

183

футляр изнутри, и пока я этим занимаюсь, я открываю радио и вкладываю новую девятивольтовую батарейку, а потом насадкой с маленькой дырочкой я пылесосу радио изнутри, потому что так батарейка остается чистой, и на радио не остается статического электричества. Еще на моем столе стоит стакан с карандашами. Я вынимаю все карандаши из стакана и кладу их на газету, но мне приходится положить газету на пол в ванной, потому что я не хочу, чтобы типографская краска с газеты оказалась на ковре или покрывале. Стаканчик для карандашей я кладу в горячий раствор мыла „Айвори“, куда добавляю немного моющего средства „Фантастик“, а с месяц назад я стала пользоваться такими салфетками — не салфетками „Брилло“, в составе которых нет мыла, — знаешь, они похожи на проволочные штуки, из которых можно сделать брошку „Арт Деко“ или что-то еще. Этими маленькими, пропитанными мыльным раствором мочалками можно отчистить со дна стакана въевшиеся чернила и карандашные стружки. Потом, прежде чем поставить карандаши обратно, я хорошо их затачиваю, для этого я вынимаю точилку из верхнего ящика стола, возвращаюсь в ванную комнату и точу карандаши над унитазом, потому что если я буду точить их над корзиной для бумаг, часть пыли рассеется в воздухе и, наверное, оседет на какой-нибудь уже чистой поверхности, а я действительно хочу ОСВОБОДИТЬСЯ ОТ ВСЕЙ ПЫЛИ. Когда я заточу карандаши, я спускаю стружки в унитаз и ставлю карандаши обратно в стаканчик. Потом я снимаю все книги с полок и кладу их на газету в ванную. Потом я убираю пыль с полок. Пылесосом. Их надо отполировать. Я вынимаю „Эн-даст“. Это лучше, чем „Олд Голд“ или „Пледж“ или „Лимонный Пледж“. Это такой фарс — во все добавлять лимон. Лимон был моден в 1973, по-моему. Все было с лимоном. В этом году все — „лоск“. Так вот, „Эндаст“ наводит лоск на мебель. Я распыляю его на чистую тряпку. После уборки мне надо не забыть постирать тряпку. Я протираю ей полки. У меня есть маленькая вещица, в которой я держу сигареты, — не коробка, а скорее стаканчик — и я вынимаю оттуда все сигареты и вытрясаю табачные крошки в унитаз, чтобы они не валялись повсюду. Потом я перехожу к маленькой жестянке, в которой стоят только ручки, ножницы, перочинные ножики и прочие подобные предметы, и проверяю, все ли шариковые

184

ручки пишут. Если они не пишут с первой буквы, я выбрасываю их в мусорное ведро. У меня в

ведре хороший мусорный пакет двадцать два на сорок четыре, так что можно не мыть ведро после того, как я все выброшу. Потом я насаживаю на пылесос щетку и чищу все книги. По сторонам, сверху. Если обложки запачкались или потерлись, я беру кусочек бумаги „КонТакт“, печатаю ярлычок подходящего цвета и приклеиваю его к корешку книги. Если это старая книга, например, „Шерлок Холмс“, в обложке с потрепанными углами, то я снимаю обложку, а потом, если эта книга по цвету не подходит к комнате — например, она темно-коричневая, а я не люблю темно-коричневый цвет, мне нравится желтый — я пользуюсь бумагой „КонТакт“. Так я поддерживаю единство стиля на моих книжных полках. После этого мне надо пропылесосить пишущую машинку. Это такая тяжелая работа! Мне надо действовать осторожно, а то машинка сломается. Я оставляю на пылесосе ту же насадку со щеткой. Я включаю его и осторожно провожу по клавишам. Потом я насаживаю длинную тонкую трубку, отвинчиваю верхнюю часть пишущей машинки отверткой и обрабатываю каждую клавишу. Я достаю бутылку денатурата и целую коробку ватных палочек „Кью-тип“. Я их не экономлю. Ведь одной стороной палочки я могу почистить только одну букву. А на каждой клавише по две буквы, значит на одну клавишу мне нужна одна палочка. Потом я дую на машинку, чтобы сдуть пыль вниз. А потом засасываю пыль пылесосом. Затем я достаю „Фантастик“ и брызгаю им на многоразовую салфетку — они называются „Хэнди-Вайпс“. Они бывают желтые с белым, бирюзовые с белым и розовые с белым. Я пользуюсь желтыми с белым. В этом году все зеленое с белым и желтое с белым. Не лимонное, а просто желтое, не знаю почему. Я брызгаю немного „Фантастика“ на салфетку „Хэнди-Вайпс“ и протираю между клавишами ватной палочкой „Кью-тип“ с „Фантастиком“, чтобы светлые участки между черными клавишами были чистые. Так же должны делать и все, у кого есть пианино. Надо следить за тем, чтобы „Фантастик“ не капнул на клавиши, потому что от этого могут испортиться внутренние детали печатной машинки. Потом надо почистить все штепсели. Я вынимаю их из розетки, чтобы меня не ударило током. Белые удлинители пачкаются. Когда какой-нибудь становится слиш-

185

ком грязным, я его снимаю и включаю в список, который пишу на верхнем листе маленького блока белой бумаги, — „новый удлинитель, 6 дюймов“. Потом я начинаю разбирать ящики стола. В верхнем ящике у меня множество записей, и мне надо проверить, все ли кассеты в порядке. Я вынимаю целый ряд кассет и выкладываю на газету. Потом я распыляю „Фантастик“ на это место и протираю салфетками „Хэнди-Вайпс“. А потом я беру каждую кассету и вытираю пыль маленьким кусочком салфетки „Виндекс“ — это хорошо для пластикового покрытия. Я никогда не вынимаю кассеты и не меняю их местами — они остаются в том же самом ряду, потому что однажды я перепутала два года и мне пришлось долго собирать их опять, ряд за рядом, дата за датой. А потом обычно я немного отвлекаюсь, потому что вижу кассету и думаю: „О господи, этот человек умер, мне надо одну минуту послушать его в записи“. Так что я быстро кончаю эту работу. Потом я перехожу ко второму ящику, который наполнен канцелярскими принадлежностями: желтые блокноты для стенографии снизу, маленькие блокнотики сверху, потом еще меньше и поперек лежат конверты — все укладывается по размеру. Так вот, я все вынимаю, проверяю и смотрю, нужно ли мне это еще. Например, у меня есть два блокнота из художественного магазина для записи телерекламы, на них изображен телевизор. Ну я знаю, что, наверное, не стану ими пользоваться. Потом я просматриваю конверты. На них аккуратные машинописные этикетки с описанием содержимого. Если этикетка запачкалась или потерялась, я печатаю новую. Что касается писем, которые я берегу, я просматриваю письма, чтобы выяснить, хочу ли я их беречь. Ну я могу найти несколько открыток с днем рождения от людей, которые были для меня важны год назад. Такие я выкидываю. И открытки недостаточно красивые — тоже выкидываю. Я не тружусь складывать их вместе с „открытками знаменитых людей“. У меня есть открытки большого размера, но нет коробки для них, и я записываю, что надо ее купить. Сначала я измеряю открытки. И когда у меня появляются деньги, я иду в магазин „Голдсмит Бразерс“ и покупаю коробку. А потом все мои маленькие записные книжечки. У меня есть Европа, Англия, Испания, Рим, Париж, все перевязаны резинками. А еще у меня есть дневники из Парижа и прошлогодний календарь,

186

который полезно сохранять для налогов, и маленькие путевые дневники 60-х годов, которые мне не нужны, но от которых я не хочу избавляться, потому что когда-нибудь они могут пригодиться. Когда-нибудь они оживят 60-е годы. Я вынимаю все это, беру пылесос со щеткой-насадкой и убираю пыль, вынимаю из ящиков бумагу „КонТакт“ — потому что хочу убрать пыль из-под бумаги. Я хочу дойти до самого дерева...»

«Алло?» — Как обычно, нас разъединили. Б живет в маленьком пансионе с перегруженным коммутатором. Время от времени оператор выключает линию Б, потому что чувствует, что Б использует больше телефонного времени, чем ей полагается. Тогда Б приходится несколько минут подождать. Она не возражает, да и я тоже — это дает нам обоим возможность пойти в туалет или еще что-нибудь сделать. Однако на этот раз прошло минут двадцать, пока Б перезвонила мне снова. На визит в туалет мне столько времени не нужно. Я уже собирался позвонить какой-нибудь другой Б, чтобы убить время, но когда я уже был готов набрать номер, телефон зазвонил, и это

была прежняя Б.

«Извини, сегодня коммутатор плохо работает», — сказала она.

«Но я двадцать минут прождал!»

«А, я не думаю о времени. Я думаю о ПОДРОБНОСТЯХ! — проорала она. — Я думаю об уборке, которую мне надо сделать! Когда я закончу вычищать ящик с канцелярскими принадлежностями, когда пропылесосу все простые белые блокнотики и конверты авиапочты, выну их все, положу их все обратно, у меня еще остается нижний ящик, ящик с фотографиями. В этом ящике много конвертов с надписью „Разное“. Одна из тех вещей, которую я всю жизнь пытаюсь побороть, — это слово „разное“. Оно должно исчезнуть. Потому что нет такой вещи „разное“. И я решаю вынуть все из „Разного“ и положить в другую папку. Я вынимаю такие вещи, как расписки и конверты, в которых мне отослали обратно фотографии, посланные мной уже умершим людям, а также фотографии из книг и все такое. И я говорю: „Действительно ли мне нужны все эти расписки?“ Я открываю пакеты и смотрю. Ну я не буду сохранять все расписки, сохраню только важные. Остальные я выкину. Я избавлюсь

187

от восьмой части дюйма, если выброшу что-нибудь вроде Ли Толлберг. Какого черта, кто такой Ли Толлберг? Роттен Рита? Ну, может быть, Роттен Риту стоит оставить. Питер Хагалл... ну, может быть, я оставлю расписки. Может, я выпущу книгу расписок. Я буду держать их в этом же конверте, так и издам их. „Расписки в конверте“. Теперь мне нужно посмотреть папку с гарантиями. Ведь не надо сохранять гарантии, которые превышают девятидесятидневный гарантийный срок. Я просматриваю конверт и избавляюсь от целого дюйма, когда выкидываю гарантии 1965 года, ты знаешь, на магнитофоны и кинокамеры, я как-то отправила по почте гарантийный талон и сохранила купон, но они послали мне через год напечатанную на компьютере открытку, где говорилось: „Если вам нужны услуги по любой из этих деталей, уплатите \$17,00“. Потом, конечно, у меня хранятся расписки по налогам за три года и за каждый месяц — я храню их очень аккуратно, они в деловых конвертах — они не очень хорошо помещаются, но все за 1973 год я храню в картонной папке, на которой написано „Квитанции“. Потом ксероксы того, что я храню, и раз у меня была причина когда-то эти бумаги отксерить, то сейчас мне их просматривать не нужно. Потом „Идеи“. Ну конверт для идей пустой, но мне ведь могут прийти идеи, так что я сохраняю конверт. „Счета к оплате“. Ну вообще-то эту папку не следует хранить в ящике, и если я хочу быть хорошей хозяйкой, мне надо бы вынуть эти счета, которые, возможно, придется оплатить и держать их на виду. „Адвокат“. Ну все письма от адвоката датированы, и я держу их в порядке, так что последнее лежит наверху. Эту папку я оставляю. „Письма, которые надо написать“. Это еще одна глупая папка, потому что там только одно письмо, Хейнеру Фридриху и Джону Джорно, чтобы они мне что-то вернули, и я знаю, что никогда не отправлю его, поэтому я собираюсь его выбросить и таким образом избавиться от еще одной восьмой дюйма. Теперь „Копии писем“. Это хорошая папка — смешные письма, которые я написала. „Возможности кинофильмов“. Это тоже хорошая папка. Я еще ничего не придумала, но все время думаю. Мой конверт „Бухгалтерия“ я сохраняю. Даже добавляю к нему материалы каждый раз, когда я вижу такую статью, как в журнале „Нью-Йорк Мэгазин“ о том, как рассчитать свой капитал. Я вырезала ее и положила в папку

188

для бухгалтера — „Возможные скидки“ — списание со счетов министерства внутренних дел — чтобы знать мои возможности на следующий год. „Нарко-юрист“. Это сценарий. Сценарии сохранять незачем. „Школьная пьеса“. Это оригинальный киносценарий, написан от руки. А здесь у меня несколько иностранных монет. Наверное, сохранить мне стоит только копейки, английских денег здесь немного, здесь только русские деньги, так что их я сохраняю. Вот теперь этот ящик чистый. Теперь мне надо достать салфетку „Хэнди-Вайпс“ и протереть стол средством „Эндаст“, хорошо вытирая все углы. Теперь мне надо вытащить из корзины, которая под раковиной в ванной комнате, самое ужасное на свете моющее средство. Оно называется „Ноксон“. Это самое-самое вонючее средство из всех. Но мне надо начистить металлические детали письменного стола. Ручки ящиков. Я разрываю наволочку, потому что моя тряпка для этого не годится. Мне надо вычистить „Ноксоном“ все уголки. Шесть металлических деталей на письменном столе и дверные ручки. Когда все высыхает, я наношу „Ноксон“, а потом полирую еще одной тряпкой, чтобы все блестело. А потом еще с неделю, если я хочу, чтобы все осталось красивым и блестящим, я надеваю белые хлопковые перчатки каждый раз, когда открываю письменный стол. Затем я понимаю, что мне надо еще разобрать ящик бюро. И еще я вспоминаю, что забыла о серебряном стаканчике, в котором держу карандаши. Я вполне могу отполировать заодно все серебро. Я достаю мою единственную серебряную ложку — которую украла у мамы — и маленькую серебряную кофейную ложку, которой пользуюсь, когда у меня есть настроение, и серебряный стаканчик, и серебряную цепочку для ключей, иду в ванную и достаю полировку для серебра „Горхем“ и надеваю мои желтые резиновые перчатки с подкладкой. С подкладкой, чтобы они не прилипали к пальцам. Но прежде я пудрю руки детской присыпкой „Джонсон и Джонсон“ —

полировка для серебра и „Ноксон“ очень вредны для рук, они их сушат. Это очень странное ощущение, как будто пересохло во рту. Потом я чищу серебро маленькой тряпочкой, ополаскиваю его в теплой мыльной воде, затем полирую. Но мне не нужна еще одна грязная тряпка, поэтому я обычно полирую его туалетной бумагой. На письменном столе еще есть ваза, которую мне на-

189

до почистить; я кладу ее в мыльную воду и потом заталкиваю туалетную бумагу в горлышко, до самого дна. И после этого мне остается разобрать верхний ящик».

«Ты уже разобрала верхний ящик», — заметил я с полным ртом джема.

«Это был верхний ящик письменного стола, — прорычала Б. — Мне еще остается верхний ящик бюро. А потом мне надо будет начать пылесосить, ведь если бы я пропылесосила сначала, вся пыль бы разлетелась обратно. Как бы там ни было, я разбираю верхний ящик. Я вынимаю его. Сколько бы я его ни чистила, он всегда в беспорядке. Я могу сохранить его в чистоте ровно час после того, как в нем разберусь. Мне приходится смириться с тем, что это бесконечно. Верхний ящик всегда будет в беспорядке, и мне всегда придется его пылесосить. То есть если утром я заказываю кофе и сыплю в чашку сахар из пакетика, несколько крупинок упадут на стол или на пол. Может быть, я не почувствую эту крупинку, но я знаю, что она здесь. Я могу не увидеть ее, но я знаю, что здесь грязь. К тому же часть ковра немного потерлась, знаешь, там где узор, просвечивает основа, и цвета не осталось. Я роюсь в моих фломастерах „Мэдрик Маркерс“, пока не найду подходящий цвет. Я пробую его на листе белой бумаге, потом очень осторожно пытаюсь закрасить серую линию, на которой не осталось ворса, чтобы цвет подходил к ковру. Теперь грязными выглядят мои очки. Я вынимаю их из ящика и кладу на кусок газеты. На полотенце, на кровать. Я не отваживаюсь положить газету на покрывало, которое принесли вчера из чистки. Ну посмотрим. Глазные капли. Здесь пять пузырьков глазных капель: „Коллириум“, „Визин“, „Мурин №2“, „Французские Голубые“ — *сами-то пузырьки* не грязные, а вот их крышки запылились. Их надо обрызгать „Фантастиком“. И протереть. Я и их кладу на полотенце. Еще баночка вазелинового крема для интенсивного ухода за кожей. Она-то не грязная, но на крышке есть крошки молотого кофе, несколько кристалликов соли, волосок, какие-то волокна... если посмотреть через увеличительное стекло, возможно, я увижу, что когда-то на нее упала капля супа. И ее тоже надо протереть „Фантастиком“. Я вынимаю все из верхнего ящика и кладу на полотенце. Потом я беру пылесос с щеткой-насадкой и чищу, пылесошу все пустые места и перегородки. Потом я иду в

190

ванную и осматриваю раковину — действительно ли она чистая. Я беру чистящее средство для раковин „Лизол“. Не освежитель воздуха „Лизол“-спрей и не „Лизол“ для чистки унитазов. Именно „Лизол“ для раковин и ванны. Это аэрозоль; я опрыскиваю раковину и сливное отверстие. На мне мои резиновые перчатки. Потом я мою мои щетки и гребенки, чтобы они были стерильными. Я кладу мои пять гребенок и щетку „Мейсон Пирсон“, но сначала заглядываю в карман жакета, нет ли гребенки там, и в шкафчик тоже — и потом кладу их в дезинфицирующую жидкость „Айвори“. Оставляю их отмочить минут пять-десять и после этого беру ручную щетку или щеточку для ногтей — те, что мне нравятся, продаются в магазине скобяных изделий и стоят тридцать пять или тридцать семь центов, там же теперь можно купить щетки с белой щетиной, я думаю, это красивее смотрится в ванной, чем натуральная щетина. Белая щетина выглядит приятно и опрятно. В мыльной воде я провожу щеткой по каждой гребенке вверх и вниз, по одному разу с каждой стороны. Потом спускаю мыльную воду из раковины, иду к ванне и споласкиваю каждую гребенку под краном. Потом кладу все гребенки и щетку на белое полотенце и заворачиваю их. Потом выкладываю на подоконник на пятнадцать минут, чтобы они высохли, но оставляю их завернутыми, чтобы они не запачкались от сажи. Итак, гребенки чистые. Остается пластмассовая коробочка, в которой я храню маникюрные принадлежности, пинцеты, щипчики — пока я убираюсь, я все время помню, что мне нужно не только вычистить все и положить на место — надо и ВЫБРОСИТЬ ненужные вещи. И если у меня десять пар пинцетов, почему не достать поскорее зеркало и не вырвать несколько волосков, чтобы посмотреть, исправен ли пинцет. После того как я это сделаю, я разглядываю пинцет, нет ли там засохшего меда или чего-нибудь такого. Если пинцет чистый и им можно пользоваться, я кладу его в футлярчик. Если пинцет не исправен, я достаю из письменного стола конверт — белый конверт, закладываю в пишущую машинку и печатаю: „Пинцет — в починку“. Потом я беру щипчики — обычно они в хорошем состоянии, потому что я храню их в специальных ящичках. Ящички выглядят грязными и пыльными, потому что у них крышка из прозрачной пластмассы. Но они не грязные снаружи, потому что все щипчики лежали в

191

пластмассовых коробках внутри бюро; грязной и тусклой кажется внутренняя сторона пластмассы. И мне приходится взять тряпку, отрезать кусочек, нанести на него немного „Фантастика“ и протереть ящичек изнутри, чтобы пластмасса стала прозрачной, как стекло. Понимаешь? Потом я кладу щипчики обратно. И высыпаю все остальное, отбеливатель для ногтей и еще деревянные палочки для ногтей. Если я вижу, что они грязные или затупились, то выбрасываю прямо в мусорную корзину и вношу в другой список. Вставляю лист бумаги в пишущую машинку и печатаю:

„Надо купить“. Подчеркиваю и печатаю: „Пилочки для ногтей“. Так это называется. Потом просматриваю карандаши для бровей и...»

В этот момент я зевнул. К сожалению, я как раз клал в рот ложку с джемом и из-за зевка джем попал не в то горло, я закашлялся и выплюнул его прямо на трубку. Я все уронил и побежал в кухню за салфеткой, вернулся и вытер трубку. Слыша это все, Б подумала, что мне надоел наш разговор, но ничего подобного, просто я был пойман в тот момент, когда ел и разговаривал (зевон — тоже способ разговаривать) одновременно.

«...ладно, ладно, так вот, я разобрала весь верхний ящик, освободила его и почистила. Теперь я вынимаю мой пылесос „Хувер“, самый старомодный, самый лучший, грязный старый „Хувер“. Но им так трудно маневрировать. Я предпочитаю пылесос в форме канистры. Мне надо почистить жалюзи. На них всегда видна пыль, и я от этого просто с ума схожу! Потому что мне ее видно. И если я дотронусь до нее пальцем, я знаю, она взлетит в воздух. Так вот, я забираюсь на стул с пылесосом в левой руке, я снова надела насадку со щеткой и я — о, я беру жалюзи и тяну за веревочку, чтобы они открылись, и провожу по ним щеткой. Потом — я уже убрала всю пыль — мне надо помыть жалюзи. И вот я стою совершенно голая у окна и хочу помыть жалюзи. Мне так жарко от уборки и пылесоса — никто ведь не понимает, что пылесосы, как игрушки. Знаешь, когда детям дарят набор маленьких роботов за пять долларов десять центов — роботов, которых можно включить, и они будут ходить по комнате. Я имею в виду, пылесос действительно можно замаскировать под игрушку. Пылесос в форме канистры может выглядеть, как лошадка, он бы очень мило смотрелся в детской. Я вешаю мой пылесос на дверь

192

ванной. И держу там все мои насадки. Так вот, я убираю всю пыль с жалюзи, потому что иначе, когда я начну их мыть, у меня будет полная раковина пыли. Потом я снимаю жалюзи и беру целый пузырек средства „Зуд“ — жестянку „Зуд“ — и смешиваю с алюминиевым аммиаком. Воняет жутко. Я кладу жалюзи в ванну. Это я всегда делаю в резиновых перчатках. Потом я пылесосу все остальные ящики и пол. Прежде всего я хочу поднять ворс на ковре, но прежде чем начать пылесосить, я подбираю всякие мелочи, которые валяются на полу. Если я вижу пятно, то достаю мой шампунь для ковров. Теперь есть новый шампунь, который нужно просто распылить на ковер, а потом пропылесосить. И я опрыскиваю ковер, шампунь проникает в ворс, и через несколько минут я пылесосу, и ковер чистый. Для выведения пятен на коврах я пользуюсь палочками пятновыводителя „Ренузит“ и жидким очистителем. Я беру очень маленькую насадку. Ведь я всегда стою на коленях, когда пылесосу, и я всегда делаю это голая — никогда не пылесосу в одежде — и делаю быстрые вертикальные движения вверх и вниз этой маленькой насадкой. И я смотрю внимательно, чтобы проверить, все ли я подбираю, и думаю: „О боже, почему здесь так много желтых ворсинок от коврика из ванной, ведь этот ковер голубой?“ А убираю я желтые ворсинки! Понимаешь, они прилипают к краю насадки пылесоса. Так вот, я делаю это как можно лучше, я убираю все уголки, а потом, когда дохожу до угла ковра, я даже поднимаю его. И решаю: „Я сейчас быстренько пропылесосу под ковром, просто для интереса“. Внизу, под ковром, там, где пол старый и потрескавшийся, и там есть гвозди. Я всегда слышу: „3333ддд3333ппп“ и подбираю много мусора. Когда я вхожу в чулан, я очень взволнованна. Я вытаскиваю все наружу, и в чулане оказывается пять миллионов крошек краски, облупившейся со стен, я слышу, как пылесос, щелкая, засасывает их, и мне это ужасно нравится. Мне действительно нравится слушать, как они всасываются. Так же, как мне нравится пылесосить пепельницы — понимаешь, если бы пылесос был как детская игрушка, всегда стоял на месте и был готов к действию, как велосипед, было бы так здорово взять и пройтись с пылесосом по всему дому. Но мешает то, что его надо вынимать из чулана, он тяжелый, и остальные жильцы жалуются. В юности, когда мне приходилось убираться после вечеринки, я

193

первая придумала включить пылесос через сорок удлинителей, дойти до бассейна и убрать сорок тысяч миллионов арахисовых скорлупок с травы. Никто другой даже не додумался. Те, кто присматривали за домом, были слишком глупыми. Они просто сказали: „Пойди подбери их“. Ну я могла бы подобрать скорлупки руками, но как они были шокированы, когда ходили туда-сюда с газонокосилкой, а я водила по траве своим „Хувером“. Мне понадобилось всего пять минут, чтобы собрать арахисовые скорлупки.

И еще чайная крошка из чайных пакетиков в коробке, где я их храню. Чай „Липтон“. Там штук сорок пять пакетиков. Ну я достаю все пакетики из коробки и пылесосу дно, потому что чайники высыпались из пакетиков... и потом я вдруг пугаюсь, что мои соседи услышат, как пылесос все время работает, и думаю, не считают ли они, что в моей комнате в два часа ночи принимают посетителей, а сейчас готовятся к приему нового гостя? Кто знает? Я все время забываю, что мне еще остается пропылесосить все мои хозяйственные сумки, потому что на дне всех сумок есть мусор. Знаешь, на дне сумки может быть бумажка, орешек, крошки мюсли, все что угодно. Мне приходится класть сумку на пол и залезать в нее обеими ногами. Тогда я могу ее пропылесосить. Иначе, если просто держать сумку и пылесосить ее, можно сумку засосать. Потом я чищу

пылесосом цветы в горшках. Это надо делать очень нежно. Я чищу только грязную часть, дно блюдца, куда должна стекать вода. И очень-очень легко я убираю пыль с листьев. Потом я открываю кондиционер, там, где сетка, выключаю кондиционер и пылесосу отверстие, там где фильтр, а потом пылесосу снизу, сверху, вокруг и под подоконником, а если вся грязь не сходит, если что-то не в порядке, я записываю на своих листочках: „Что надо сделать” — закрасить пятно на подоконнике, закрасить пятно на батарее.

Я могла бы покрасить и пылесос — в зеленый или желтый цвет на лето — и найти для него место. Пылесосы такие замечательные. Можно отвинтить шланг и привинтить его к другому отверстию в пылесосе, тогда воздух будет выдвигаться наружу. Однажды у меня не было фена, и я подумала, что могу высушить волосы пылесосом. Я привинтила шланг к отверстию выхода воздуха, и все, что было в мешке, вынесло наружу. Хлопья пыли летали по всей комнате. Всегда можно

194

узнать, что твои привычки переменились, когда видишь содержимое этого мешка.

И еще, А, ты знаешь, как я забочусь о том, как выглядит то, что за дверью моего номера. Мне слышно, как горничная убирает коридор, — она убирает не пылесосом, а щеткой, и пыль в комнате напротив она убирает тоже щеткой. Ну это моя территория, и я считаю, что она поступает неправильно. Так что мне надо пропылесосить холл. А однажды — ведь они не моют стены вне моей комнаты — я воинственно вышла в моем африканском наряде и мыла стену, потому что пробовала новое средство на их стене, прежде чем я попробую его на моей. Я пользовалась „Биг Уолли”. Обо всех средствах я узнаю по телевизору. Так вот, я мыла стены „Биг Уолли”, а горничная все время смотрела на меня и ничего не говорила. Но я-то ей намекнула: „Знаю-знаю, профсоюз вам это делать не разрешает”.

Почему-то от этого разговора мне ужасно захотелось есть. Но мне надоел простой виноградный джем. Мне захотелось чего-нибудь экзотического, например гуавы. И я очень тихо положил трубку и на цыпочках пошел в кухню. Б все говорила. «Мне это напомнило искусство в туалете. Все это началось так. Однажды я решила разорвать все фотографии, где я была в обнаженном виде. Я пылесосила мои поляроидные фотографии — я только что закончила пылесосить чековые книжки — и решила, что надо пропылесосить все коробочки, где я храню фотографии, потому что там было полно крошек и волосков. Не знаю, у всех ли так бывает, я не знаю, как получается, что всегда, когда я открываю ящик, там оказывается какой-то волосок, просто не могу понять. Как бы там ни было, мне приходится вынуть все фотографии и разложить их по порядку, так же как записи, мне надо держать их в порядке, потому что все они разложены по темам. Так вот, в тот день я решила посмотреть мои фотографии, все мои автопортреты, на которых я стою на коленях, втягиваю щеки, сжимаю руками груди и сама себя фотографирую. Я просмотрела всю папку и разорвала неудачные фотографии и выбросила их в мусорную корзину. А на следующий день техник поднялся сюда и сказал — я его позвала, чтобы занять еще долларов пять, потому что о деньгах я тоже ужасно беспокоюсь, так же как об уборке, — в общем, я спросила его, мож-

195

но ли занять еще пять долларов, и он сказал да, он — негр, этот техник, а потом он сказал: „У меня вот здесь кое-что очень похожее на вас”, и похлопал по левому карману рубашки. Я спросила: „Что же, Джон?” И он сказал: „Это очень близко ко мне, прямо здесь”, и вынул ее, он склеил ее обратно, и это была она. Моя фотография-ню. Ну после этого я стала тщательно отбирать то, что отправляю на другой конец коридора. Теперь я очень часто выношу из пансиона разные вещи в сумках и выбрасываю их в мусорный контейнер в целом квартале от пансиона, на углу. Мне приходится это сделать, потому что иногда, когда я начинаю спускать мусор в туалет, я не хочу, чтобы мои соседи по коридору подумали, что я целых три часа страдаю поносом и спускаю воду. Вот, например, „ТВ Гид”. Или пустая сигаретная пачка. Я не хочу класть их в мусорное ведро, потому что мне нравится, когда оно ПУСТОЕ, и я сажусь на бортик ванны и беру по две страницы телепрограммы зараз и разрываю их на четыре-пять кусков, бросаю в унитаз, спускаю и так разрываю весь „ТВ Гид”. Знаешь, когда я уже выбросила мусор, возвращаюсь и вижу: „О, эта телепрограмма осталась с прошлой субботы”. Потом я то же проделываю с пустой сигаретной коробкой. Я вынимаю из нее серебряную бумагу и сминаю в комок — выбрасываю его в туалет — потом беру коробку „Мальборо” и рву на мелкие кусочки. Я поняла, что много чего могу спустить в туалет. А потом я вспоминаю, что у меня молоко стоит на подоконнике уже четыре часа, и я думаю, что оно испортилось, но никогда его не пробую, чтобы выяснить, я просто выливаю молоко, а потом иду за ножницами, потому что не могу разорвать картонку просто так, ведь у меня артрит в пальцах левой руки, и мне приходится разрезать пакет из-под молока на квадратики и спустить их, а для этого надо спустить воду раза четыре... АЛЛО... АЛЛО»

«Алло», — сказал я, вернувшись как раз вовремя с яблочным повидлом и еще одной ложкой.

«Терпеть не могу, когда ты пропадаешь, А. Если бы я могла разговаривать сама с собой, я бы так и делала, но я не могу. Вот почему мне нужен ты». — Б чуть не плакала. Она очень сентиментально относится к нашим разговорам.

«Да-да, я слушаю», — сказал я ей, отвинчивая крышку с новехонькой банки яблочного повидла.

196

«Иногда я спускаю в туалет целые тонны еды. Например, вчера, я расскажу, что я вчера выбросила в туалет. Хочешь послушать?»

«Ну чего же ты ждешь?»

«Ладно, ладно. Я за шесть раз спустила хвостики от редиски, два пластиковых пакета, один из-под моркови, другой из-под редиски, и один бумажный пакет, в котором я принесла морковь и редиску из магазина. Потом я спустила хвостики от моркови. Потом разорвала бумажную тарелку, в которой была соленая приправа, куда я макала морковь и редиску, так вот, я разорвала бумажную тарелку и спустила ее в туалет. Я спускаю все по отдельности, получилось пятнадцать раз. И старые таблетки я тоже спускаю. А еще, однажды я разнервничалась, когда услышала рекламу по радио. „Это число вы должны знать. Бум-бум-бум-бум. Вы знаете ваше число? Смертьте ваше артериальное давление!“ Тогда я подумала, что скоро умру... „О боже! Лучше мне выбросить что-нибудь из моей порнографии“. Возвращаясь к моему ящику с поля-роидными фотографиями. Вчера я решила выбросить голых мальчиков. Я взяла карточку с надписью „Члены, мальчишки“, разорвала ее на части и выбросила в туалет и потом спустила в туалет мальчиков. Потом, когда у меня были культу-ристские журналы для коллажей с членами, мне их отдавали знакомые, я очень боялась, что у меня найдут эти журналы. И я вырезала все члены и положила в маленький коричневый конверт, но мне еще оставалось справиться с журналами. Я слишком боялась оставлять их в конце коридора, и мне пришлось разрезать каждый журнал на кусочки и спустить их в туалет. И потом у меня есть масса всяких вещей, которые, как говорят, нельзя спускать в туалет. Однажды у меня была проблема, когда я спустила целлофановую пленку. Тогда я закрыла ковер целлофаном, потому что маляр красил комнату, и когда он закончил, я убралась в комнате, убрала все, но забыла целлофан. Я разрезала его на четыре куса и стала спускать, а он надул пузырями и вылез из унитаза. Вот так. Искусство в унитазе и искусство в ванне. Один мой знакомый сказал, что его психиатр порекомендовал ему для лечения рисовать на стене пальцами во время мытья в душе. Я действительно видела рисунки пальцами в его квартире, но не в душе. Ведь если рисуешь пальцами на кафеле, все смывается,

197

пока ты принимаешь душ, и когда выходишь все опять чисто. И я решила заняться такой живописью — когда перестала заниматься искусством и покупать акварель „Доктор Мартин“, краски, фломастеры и тому подобное, потому что от них был ужасный беспорядок — то есть мне нужен был стакан с водой, пластиковый стаканчик, чтобы держать кисточки в чистоте, я должна была чистить наборы красок чем-то еще, и было ужасно много работы в туалете — сполоснуть водой всю коробку акварели так, чтобы каждый цвет сохранился, потому что часто оранжевый, зеленый и черный смешивались вместе, и в конце концов у меня уходило пол-коробки, пока я поливала акварель теплой водой и пыталась протереть коробку с красками туалетной бумагой, которую потом спускала в туалет. И я сказала: „С живописью покончено. С ИСКУССТВОМ ПОКОНЧЕНО!“ Потом я сказала: „Мне надо как-то использовать все эти запасы, все эти акварельные краски „Доктор Мартин“, чтобы потом выкинуть коробочки“. Я бы их выкинула полными, но сказала: „К черту, я сниму кино. Я выброшу краски в ванну“. Взяла розовую краску и выдавила в ванну. Потом взяла немного бирюзовой и выдавила рядом с розовой, а между ними положила белую салфетку, потом добавила немного воды и получился прекрасный узор. Я поставила прожектор наверх, где душевая занавеска, и это было прекрасно, и я начала снимать все это кинокамерой „Супер-эйт“; пузырьки от красок я выкинула в мусорное ведро, а потом я просто открыла кран, и ванна осталась чистой; я не создала никакого беспорядка, и все-таки у меня получилась настоящая картина. Я сфотографировала ее на поляроид, так что у меня осталась фотография. Потом я решила, что вполне могу сделать Роя Лихтенштейна в туалете. Я хотела избавиться от маленьких кружочков, которые у меня остались с периода психоделического искусства шестидесятых годов, и я просмотрела ящик и решила выбросить все конфетти из набора для детского творчества, и выбросила все это в чистый белый унитаз, и они плавали там и выглядели так мило, потому что унитаз был чистый. Я начистила его добела зеленым „Кометом“ и щеткой — и все сфотографировала, это выглядело совсем как картина Лихтенштейна, а потом я спустила воду, и картина исчезла. И еще у меня были маленькие американские флажки — я не знаю, я прочла на улице,

198

что тебя могут арестовать, если ты наклеишь американский флаг на конверт, и я подумала, что сделаю в туалете Джаспера Джонса. Я бросила в туалет все американские флажки и сделала фотографию в духе его картин. Я и Уорхола делала в туалете, стельками „Доктор Шоллс“ из моих туфель. Стельки были жутко старые и прилипали к ногам, и я решила от них отделаться. Я положила их в унитаз и сфотографировала, и они были похожи на картину с танцевальными па. Я спустила воду. Раушенберга мне было трудно сделать; я просто бросила в унитаз афишу его шоу. Я спустила воду, и афиша снова всплыла, так что мне пришлось ее разрезать. Это очень похоже на белье. То есть когда наблюдаешь за тем, как спускаешь что-то в туалет, это похоже на белье,

крутящееся в стиральной машине. Или когда белье сушится в сушилке. Получаются невероятные узоры. Когда что-то в центрифуге, даже если это набивная ткань — с тюльпанами или чем-нибудь еще, в сушилке она похожа на Кеннета Ноланда. Все линии становятся прямыми. Только в центрифуге. Или в сушилке, когда она на высокой скорости. Или при отжимании. Я покупаю «Мальборо» в картонном блоке, и когда вынимаю коробки из блока и снимаю целлофановую оболочку с каждой коробки, открываю крышку и отрываю серебряную бумажку, потому что знаю, что в конце концов придется это сделать, для экономии времени я расправляюсь с десятью коробками сразу, выкидываю бумажки в туалет и кладу сигареты в ящик, так что, когда я вынимаю пачку сигарет, мне уже не надо этого делать. Иногда я курю, только чтобы освободить место в ящике для сигарет. Во всяком случае, я всегда фотографирую все, что выбрасываю в туалет, а еще я фотографировала, когда писала. Для большего эффекта я люблю вытираться, а потом бросать недокуренную сигарету между ног — так я однажды обожглась. Я бросаю сигареты в туалет, потому что всегда пытаюсь бросить курить.

А еще я выбрасываю обложки „Уи“, чтобы хозяин гостиницы не узнал, что это неприличный журнал. Я выбрасываю те вещи, которые люди не должны видеть».

«Ты не могла бы подождать? — перебил я ее, довольно вежливо, по-моему. Я бы мог просто тихо положить трубку и ускользнуть. — Мне надо пойти пописать».

«Не могу, А».

199

«Ну ладно тебе, подожди».

Я убежал в туалет — и прибежал обратно. «Да», — сказал я.

«Вот еще что я скажу, — сказала Б. — Мне не нравится ходить в туалет нигде, кроме моей квартиры. Я скорее приеду для этого домой, а потом вернусь. Но иногда все равно приходится...»

«Совсем как я», — сказал я, раздумывая, заразился я этой идеей когда-то от Б или она от меня.

«Ну так вот, вчера вечером я пошла в кулинарию на другой стороне улицы и купила сандвич, бутылку пива, пирожное, замороженный пирог, апельсин, десерт „Сара Ли“ и мороженое. Я пришла домой, съела сандвич, не снимая пальто, потому что хотела выбросить бумагу, в которую он был завернут, и выпила пиво тоже, чтобы выкинуть бутылку. Потом я подумала, что не могу ждать, пока пирог разморозится. Мне на самом деле не хотелось сливочно-орехового мороженого, мне хотелось нового медового мороженого „Хааген-Даз“, но в магазине его не было. Конечно, я не могла ждать, пока мороженое потечет или пирог разморозится, так что я съела их одновременно. Я настолько раздражительна, что даже ожидание лифта сводит меня с ума. У меня еще оставалась четверть апельсинового пирога, а мне хотелось лишь выкинуть жестянку из-под него, а что если спустить пирог в туалет и выкинуть жестянку, то можно избавиться от всего этого прямо сейчас. И я могу доказать, что уборка для меня важнее еды. Я спускаю пирог в туалет и выкидываю жестянку в корзину для бумаг. Теперь надо одеться, чтобы вынести корзину, потому что в ней что-то лежит. Жестянка не спускается в унитаз. Она просто плавает сверху. Несколько раз я очень нервничала, потому что у нас было наводнение. Я спускала в туалет шприцы, потому что очень разнервничалась и подумала: „Сегодня меня поймут“. Я разнервничалась еще больше и спустила все в туалет. Ну пластиковый шприц спустился, но иголки остались на дне. Они не спускались. Ну мне пришлось их выловить. Пришлось снова надеть желтые резиновые перчатки, но в них было очень трудно подбирать иголки. Так что сначала я насыпала еще „Комет“ в унитаз, чтобы он был чистым, и добавила средство „Сани-Флаш“, и спустила воду снова, я знала, что иголка не спустится, и мне пришлось подобрать ее и положить в коробку из-под „Мальборо“, я знала, что ко-

200

робка из-под „Мальборо“ всегда спускается, и я воткнула в нее иголку, как будто прошивая коробку. В картон. И я свернула коробку и спустила, и все мое беспокойство прошло. Потом вдруг в туалете забурило. И когда я снова спустила воду, она поднялась до самых краев. Она не перелилась через край, а так и осталась. Я могла бы нырнуть. Знаешь что? Я сказала: „У меня нет шприца и денег тоже нет“. Я позвонила технику. Я сказала: „Джон, не знаю почему, но мой унитаз переливается через край“. Он пришел и спросил: „Ты спускала что-нибудь такое?“ А ведь я знала, что у меня все не как у других девушек, которые могут волноваться насчет „тампакса“. Я боялась насчет коробки „Мальборо“, потому что знала, что если она всплывет, она будет размокшей, и в ней будут видны иголки. Потом ничего вроде бы не всплыло, и он спросил, что я спускала в туалет, и я сказала: „Ничего такого, может быть, много туалетной бумаги и, кажется, кусок мыла“. Потому что я всегда выбрасываю мыло „Ярдли“, когда обмылок становится совсем маленьким. Терпеть не могу маленькие куски мыла. И думаю обо всем, что может всплыть. Ну я спрашиваю его, куда это все уходит, потому что все штуки, которые я спустила за последние десять лет, наверное, как раз должны были всплыть у меня в туалете. Интересно, куда это все уходит на самом деле. В детстве я тоже спускала разные штуки в туалет. Я спускала все, что хотела скрыть от мамы. Спустить в туалет — это быстрее, чем сжигать. Ты можешь сжечь письмо с неприличными словами в пепельнице. Но боже, как много уходит спичек только на такие пустяки, когда ты можешь просто

спустить его в туалет. В общем, теперь, когда я навела порядок в комнате, мне остается самой помыться. У меня нет устоявшейся процедуры, чтобы я вставала и принимала ванну утром или принимала ванну на ночь, потому что я могу встать в любое время, убираться когда угодно, пылесосить, спускать — я этим занимаюсь, когда есть настроение. Я могу принимать ванну ночью, днем или утром. Но прежде чем принять ванну, мне надо убедиться, что у меня все есть. Все, что мне понадобится. Раньше я обожала кремы. Я шла в аптеку и тратила целые сотни долларов на разные увлажняющие кремы для век и кремы от мешков под глазами и всю эту дребедень, а потом я поняла, что когда я мажу кремом под глазами перед сном, я просыпаюсь со слипши-

201

мися ресницами, и на них какая-то корка, и тогда я стала все упрощать, избавляться от некоторых средств, но все равно, не могу удержаться, чтобы не купить каждое новое, которое попадаете мне на глаза. Я пользуюсь пеной для ванны под названием „Тайм-спа“, которая продается в большой банке и стоит доллар девяносто пять. Но все равно я еще покупаю эссенцию той же „Тайм-спа“, которая гораздо дороже и продается в маленьких пакетиках. Сначала я наливаю эссенцию в ванну. Добавляю еще полбанки, это банка емкостью в кварту [примерно 1 л. — *Ред. J.* Я наливаю теплую воду в ванну. И залезаю туда, когда она наполнится на четверть. Потому что когда я заберусь в ванну, как ты понимаешь, вода поднимется. А я не хочу зря тратить пену для ванны. Так вот, я влезаю в ванну и ложусь, подняв ноги, потому что я не очень хорошо здесь умеаюсь. Я заказала подушку, которую рекламируют на коробке ватных палочек „Кью-тип“ — „Закажите подушку для ванны“. И я подумала, что мне пришлют желтую подушку. Так вот, я ее надула и прикрепила присоской к бортику ванны, чтобы лежать на спине и плескаться в теплой воде. Первым делом я мою плечи. Волосы я еще не намочила и на голове у меня намотан старый поношенный шарф. Вот так я лежу, расслабляюсь и хорошенько мою шею. Ведь я все равно после этого приму душ, чтобы смыть с себя пену. Я начинаю с левой руки, сначала я натираю ее махровой рукавицей, потом я тру грудь, потом левую ногу и ступню. Терпеть не могу мыть ноги, потому что это заставляет сгибаться, подтягивать ногу почти ко рту или, выпрямившись, как будто я сижу за пишущей машинкой, и нагибаться, чтобы помыть ноги. Сначала я мою их рукавицей. Потом беру щетку с растительным ворсом. И я очень сильно тру ступни. Потом я беру пемзу, которая называется „Вайсс“. Раньше я пользовалась пемзой „Доктор Шолл“, но в ней была сера, и она пахла так противно, что мне приходилось сливать воду из ванны сразу после того, как я помою ноги, потому что там плавали черные крошки серы. Так что я нашла эту пемзу под названием „Вайсс“. Это немецкая пемза, надо на секунду оставить ее в воде, чтобы она стала мягче. Сначала я тру пятки, ступни, а потом пальцы. Когда я проделаю это с обеими ногами, я совершенно выдыхаюсь и мне приходится лечь. Мне еще надо протянуть руку вперед и привстать, потому что бритва на том кон-

202

це ванны, где слив воды. И каждый раз, когда я моюсь, я беру бритву, намыливаю подмышки и брею их. Потом я сворачиваюсь в ванне так, что моя нога касается душа, и начинаю брить ноги. Я натираю их мылом, мыльной пеной, а потом брею волосы на ногах и еще брею волоски на больших пальцах. А потом я открываю бритву и споласкиваю ее теплой водой, потому что однажды я нашла бритву, к лезвию которой прилип волосок, и меня чуть не стошнило. Лицо я в ванной никогда не трогаю. Потом я мою мои половые органы. Я лежу в ванне. Я делаю это тоже рукавицей. И если у меня вставлен „тампакс“, мне приходится снова встать и вытащить его. Потому что даже если у меня менструация, я хочу вынуть „тампакс“ и все хорошо протереть. То есть я не тру внутри, ничего подобного, но я мою снаружи. Я мою мое влагалище, но не трогаю задний проход. Я не мою его отдельно. Я знаю, что он становится чистым, просто когда я сижу в воде. Потом я всегда кладу мыло на место. Терпеть не могу, когда вынимаешь мыло из мыльницы размокшим и скользким. Меня от этого тошнит. Потом я лежу еще десять секунд и спускаю воду из ванны. Потом я решаю, что ладно, если уж я немного намочила концы волос, я могу сразу помыть их. Я передвигаю желтый коврик для ванной, который висит над душем, потому что не хочу, чтобы он запахался, ведь тогда мне пришлось бы отнести его в стирку. Я встаю под душ и теплой водой мочу волосы, а потом немножко отжимаю их и раздумываю, какой бы шампунь взять. Я хорошенько намыливаю и массирую голову пальцами, это просто чудесно. Виски. А потом макушку. Потом я споласкиваю водой, сначала теплой, потом все холоднее и холоднее. Когда я прополощу волосы, я просто беру пригоршню воды в руку, как в чашку, и брызгаю между ног, и проверяю, смыта ли вся пена. Потом я выключаю воду, беру зеленую — потому что моя ванная в желто-зеленых тонах — зеленую губку и выжимаю ее. Мне всегда приходится вытирать самоклеющиеся обои на стене, потому что они начинают отходить, поэтому я протираю стены от потолка донизу, потом я протираю хромированные детали, смотрю на них и расстраиваюсь, потому что есть ржавчина, и потом еще раз протираю стены, чтобы их высушить. Потом я наклоняюсь, вытираю большую лужу и выжимаю губку обратно в ванну. Затем я кладу на пол белый коврик, завязываю полотенце

203

вокруг головы, завязываю его узлом, а потом сама встряхиваюсь — мне нравится махать руками, как птица крыльями. И надеваю мягкий желтый халат. Я научилась этому у одного француза — мужа моей подруги. Потом я беру совершенно новое полотенце и просто засовываю его между ног. Знаешь? Потом я вынимаю фен и выключаю кондиционер. Чтобы не вылетели пробки. Я включаю фен и стою в ванной, расставив ноги, держу фен и сушу волосы на лобке. Но мне больше хочется высушить внутреннюю сторону бедер. Потому что если она мокрая, а я надеваю трусы и начинаю ходить, я этого терпеть не могу. Больно становится. Когда все высохнет, я беру чуть-чуть детской присыпки и руками аккуратно накладываю ее. А потом у меня есть такая маленькая гребенка. И я немного взбиваю ей волосы на лобке. Но я никогда не довожу дело до конца, потому что всегда думаю: боже мой, зачем я стараюсь их взбить так, чтобы они дошли до живота? И примерно раз в два месяца, когда я думаю, что они слишком отросли, я беру парикмахерские ножницы и остригаю примерно одну восьмую дюйма, чтобы все выглядело опрятно. Однажды я остригла слишком много и потом ужасно чесалась. Я шла по улице и просто с ума сходила. А, ты слушаешь? Тебе скучно?»

«Нет».

«Нет, я знаю, что нет, потому что это важно. Опрятность очень важна, она интересует тебя, ты любишь опрятность, я знаю. Так вот, потом я смотрю на мои волосы и мне начинает хотеться, чтобы они все поседел за год. Я думаю, как прекрасно было бы стать Преждевременной седой. Но потом я вспоминаю: „Ты думаешь, что поседеешь преждевременно, но ты уже и так немолода“».

Б была так увлечена нашим разговором, что я подумал, что могу сделать быструю вылазку в кухню, чтобы сменить яблочное повидло на апельсиновый мармелад.

«...в воскресенье и магазины закрыты. А „Брентано“ в Вил-лидже еще не открыт, и мне не хочется пялиться на плетеные корзины для белья в витрине „Азумы“, пока „Брентано“ не откроется. Я знаю, что в аптеке „Биглоу“ на Шестой авеню дежурит человек, который мне не нравится. Поэтому я делаю вот что: я кладу кипятильник в чашку, включаю его, а потом беру пакетик чая с пряностями и кладу его в чашку, а когда чай остынет, мою лицо чаем. От этого кожа становится очень уп-»

204

ругой, и разглаживаются морщины. Потом, когда я смываю чай, я решаю сделать маску, у меня есть кофейная маска — это самая новая маска компании „Ревлон“ — маска из кофе с мускусом. Очень странно чувствовать, как маска высыхает на лице. Я ставлю таймер для варки яиц, чтобы знать, когда снять маску, потому что мне нравится звук колокольчика. Я пользуюсь либо маской „кофе с мускусом“, либо яичной маской или лечебной маской, или старомодной маской. У первой маски, которую я наложила, было очень знаменитое название, я не могу его вспомнить, ну в общем это была грязевая маска. Я делала это в деревне, но стала думать, что это, наверное, вредно для кожи мазаться всей этой проклятой грязью. И я подумала: „Я уж точно не буду красить волосы хной. Только этого мне не хватало при моих размерах — красить волосы хной“. Потом... Потом, иногда я включаю вибратор. После того как уложу волосы и все такое, я занимаюсь чем-нибудь, пока голая. В обоих моих зеркалах мне видно себя только до груди, и поэтому мне кажется, что мне нужно помассировать плечи. И я вынимаю вибратор. Я беру обычную насадку, понимаешь, а не маленькую присоску, которая, ты знаешь...»

Я вернулся к телефону на цыпочках и очень осторожно взял трубку. Б обычно слышит, как я это делаю, но сегодня все было не так как всегда, она говорила на тему, которая интересует ее больше всего — о поддержании чистоты.

«...и потом я втираю в плечи немного черепахового масла. Ну а иногда я прямо беру „Бен-Гей“. Или еще, подожди, сейчас скажу, как это называется...»

Я не мог поверить своим ушам, Б отошла от телефона и оставила меня, и мне нечего стало слушать. Вот в чем проблема, она так увлекается тем, что говорит, что иногда забывает, что двое участвуют в...

«...Вот, это называется наружный обезболивающий спрей „Экзеркаин“, и я его просто обожаю. Я опрыскиваю им плечи и втираю его. А потом мне приходится помыть вибратор и все остальное, потому что мне не нужно, чтобы в сумке, где я храню вибратор, пахло экзеркаином. Единственный крем, который я держу в сумке для вибратора, это старомодный очищающий крем „Элизабет Арден“. Как ни смешно, он самый лучший. Теперь, если я уже уложила волосы и опрыскала их лаком, они начинают обвисать и распадаться по пробору. И

205

мне приходится бежать к верхнему ящику бюро и надевать на волосы мою так называемую „Дебби“. Моя „Дебби“ похожа на челку йоркширского терьера. Раньше я закручивала волосы резинкой, чтобы они не попадали в глаза. Теперь я совершенно чистая и нарумяненная, и все такое, и я помассировала плечи вибратором и положила вибратор обратно в сумочку. Это маленькая европейская сумочка для макияжа. В полоску. С зелеными и розовыми полосками. Так вот, вибратор снова в сумочке. Я думаю про себя: „А почему бы и нет?“ Я закрываю жалюзи. Если у меня под рукой нет двух щелочных батареек „С“, я вызываю портье и говорю: „Сходите,

пожалуйста, в фотомагазин через улицу и принесите мне две щелочные батарейки „С“. Потом, пока он ждет, чтобы я ему заплатила, я проверяю их моим маленьким профессиональным тестером для батареек. Потом я плачу ему, даю ему чаевые, он уходит, а я уже настроилась...»

Я задремываю. Б говорит о том, что с 1968 года каждый раз, когда она занималась с кем-нибудь сексом, она записывала все на пленку и теперь пользуется этими пленками, чтобы создавать соответствующую атмосферу, когда ей понадобится. Она все говорила и говорила, описывая, как она удовлетворяет свои наиболее личные потребности, но я сквозь сон слышал только отдельные фразы.

«...долго или быстро... днем, по-быстрому?... Крем „Ар-ден“... четыре салфетки „Клинекс“... кончила одновременно с пленкой... кнопка пульта управления... стараюсь вести себя тихо... решила, что некуда пойти... просто еще раз принять ванну потом... парижская „машина для массажа“... сменили напряжение с двухсот двадцати на сто двадцать ... левой рукой листаю тексты... забыла табличку „Не беспокоить“... продела его через проволочную вешалку... на спирали отопления... ожидала, что меня убьет электричеством... что если моя мама найдет меня вот так... весь остаток ее жизни превратится в сплошную травму... голубой цвет „Тиффани“... была слишком закомплексована, чтобы купить действительно большой, теперь жалею...»

Позвонили в дверь, я вскочил и побежал открывать. Когда я вернулся к телефону, Б была в панике.

«А?... А?... А! Ты меня просто насмерть пугаешь, когда оставляешь меня! А? А? А?»

206

«Алло! Мне надо было открыть дверь».

«Как ты мог? А, ты же знаешь, сколько наши телефонные разговоры значат для меня. Визуальный контакт — худший контакт с человеком — это мне не нужно. Слуховой контакт намного лучше. Сегодня утром я разговаривала с тобой обо всех этих вещах, и все было как в старые времена. Я на самом деле ничего не вижу в людях. Я только слышу в них. Но когда ты отходишь от телефона, это меня пугает. Когда ты уходишь на другой конец дома с посыльным или сантехником, я ужасно расстраиваюсь».

Б замолчала. Наверное, она и вправду была расстроена, потому что это была ее первая пауза за час.

«Интересно, знает ли голубь у меня на подоконнике, чем я занимаюсь», — сказала она, когда перевела дыхание.

«Наверное, знает».

«У меня закончился крем».

«Ладно, Б. Мне надо идти».

15. Власть белья

Делать покупки — гораздо более американское занятие, нежели думать, а я — самый что ни на есть настоящий американец. В Европе и на Востоке люди любят торговаться — покупать и продавать, продавать и покупать — они по натуре торговцы. Американцев не так интересует продажа — на самом деле, они скорее выбросят, чем продадут. Что им действительно нравится делать, так это покупать — людей, деньги, страны.

Суббота — великий день покупок, день шоппинга в Америке, и я ожидаю его с таким же нетерпением, как и любой другой парень.

Больше всего я люблю покупать белье. По-моему, покупка белья — исключительно личное дело, и если у тебя есть возможность наблюдать, как человек покупает белье, ты по-настоящему хорошо его узнаешь. Я имею в виду, я бы скорее посмотрел, как человек покупает белье, чем прочел книгу, которую он написал. Я думаю, самые странные люди — те, кто посылает кого-нибудь другого купить белье для них. А еще меня удивляют те, кто не покупает белье. Я еще могу понять, что можно не носить белье, но вот не покупать?

Так вот, одним субботним утром я позвонил одному Б, который довольно хорошо со мной знаком, и спросил его, не хочет ли он пойти со мной покупать белье в «Мейсис».

«В „Мейсис“?» — проворчал он. Наверное, я его разбудил, но только подумайте, сколько он терял времени, которое мог бы истратить на покупки. «Почему в „Мейсис“?»

«Потому что там я покупаю себе белье», — сказал я ему. Раньше я ходил в «Вулворт», но теперь могу позволить себе «Мейсис». Иногда я захожу в «Брукс Бразерс» посмотреть на их оригинальные старомодные боксерские трусы, но просто не могу заставить себя отказаться от плавок «Жокей».

«Я бы не отказался купить белье, — сказал Б, — но я покупаю себе белье в „Блумингдейл“. У них чистый хлопок. Хлопок „Пима“». Такой уж человек этот Б. Он находит что-то, что ему нравится, например, хлопок «Пима», и делает вид, что он сам это открыл. Он полностью к этому привязывается. Не хочет покупать ничего другого. У него твердо определившийся вкус. И это, по-моему, плохо, потому что это ограничивает его покупательную способность.

«Нет, пойдем в „Мейсис“».

«„Сакс“ — тоже хороший магазин», — захныкал он.

211

«„Мейсис“, — настоял я. — Заеду за тобой через час».

Мне нужно около часа, чтобы собрать себя воедино, но когда я назначаю встречу, я всегда забываю о телефонных звонках, и поэтому всегда прихожу с небольшим опозданием и немного несобранным. Б ждал меня на углу.

«Ты опоздал на пятнадцать минут», — сказал он, забираясь в такси.

«Геральд-сквер», — сказал я водителю.

«Там будет адская давка, сегодня же суббота», — сказал Б.

«Я говорил по телефону. — сказал я. — Пол Морриссей звонил. Ингрид Суперстар звонила. Джеки Кертис звонил, Франко Росселини. О, посмотри, кто это там? Кто-то из наших знакомых?»

Леди ростом четыре фута два дюйма переходила Парк авеню у 65-й стрит. У нее были завитые рыжие волосы, черные перчатки, розовый свитер, черное платье, красные туфли, а в руках красная сумка. Она была горбатая. Не знаю почему, но мне показалось, что это кто-то из наших знакомых. Но Б не узнал ее, и я не стал опускать стекло и махать рукой.

Я спросил Б раз и навсегда, будет ли он покупать белье, и он сказал, что нет, только не в «Мейсис», потому что ему нравится только хлопок «Пима» из «Блумингдейл» или собственные «Сакс» с Пятой авеню. Упрям был этот Б.

«Как ты думаешь, Ховард Хьюз носит белье? — спросил я Б. — Как по-твоему, он стирает белье или выкидывает его после того, как поносит один день?» Он, наверное, и новые костюмы выбрасывает. Что я всегда хотел бы изобрести, так это бумажное белье, хотя я знал, что идея эта была, но так и не привилась. Я все еще думаю, что это хорошая идея, и не знаю, почему люди сопротивляются ей, хотя они приняли бумажные салфетки и тарелки, занавески, полотенца, но было бы более разумно не стирать белье, чем не стирать полотенца.

Б сказал, что, возможно, купит несколько пар носков, потому что «носки прямо-таки исчезают». Он не стирает свои носки сам, конечно, он посылает их в очень шикарную французскую прачечную на Ист-сайд, и все равно, когда носки возвращают, одного недостает. Это настоящий закон — уменьшение числа носков при возврате из стирки.

Почему я терпеть не могу нормальное белье — и носки тоже, так это потому, что если пошлешь двадцать плавок и двад-

212

цать пар носков в прачечную, обратно всегда получишь только девятнадцать. Даже когда я стираю их сам, у меня получается девятнадцать. Чем больше я об этом думаю, тем труднее мне поверить в уменьшение количества белья. Это невероятно. Я САМ СТИРАЮ СВОЕ БЕЛЬЕ, И ВСЕ РАВНО У МЕНЯ ОСТАЕТСЯ ДЕВЯТНАДЦАТЬ!

Я сам стираю свое белье, сам кладу его в машину, сам вынимаю его, сам кладу его в сушилку, а потом обыскиваю сушилку, ощупываю каждую дырочку и щель в поисках исчезнувшего носка и никогда его не нахожу! Я поднимаюсь и спускаюсь по лестнице, ища его, думая, что он упал, но никогда его не нахожу! Это как закон физики...

Я сказал Б, что мне тоже нужны носки и, по крайней мере, тридцать плавок «Жокей». Он предложил мне перейти на трусы итальянского фасона с ширинкой в форме t, которая подчеркивает мужское достоинство. Я сказал ему, что однажды попробовал их надеть в Риме, в тот день, когда я прошел через фильм Лиз Тейлор, — и мне они не понравились, потому что я в них слишком смущался. У меня было такое чувство, которое, наверное, возникает у девушек, когда они надевают увеличивающие бюст лифчики.

Вдруг Б сказал: «Вот твоя первая Суперзвезда».

«Кто? Ингрид?»

«Эмпайр Стайт Билдинг». Мы свернули на 34-ю стрит. Он смеялся над собственной шуткой, пока я рылся в поисках пары долларов, чтобы оплатить проезд.

На Геральд-сквер народ со всего мира валом валил в «Мейсис». Во всяком случае, они выглядели так, как будто были со всего света. Но все они были американцы, и хотя их кожа была разных цветов, у них у всех у крови, на уме и в глазах была жажда покупок. Когда люди входят в универсам, они выглядят так решительно. Б, конечно же, задрал свой и так курносый нос и направился прямо к мужскому отделению.

Я почувствовал раздражение. Я не так уж часто хожу в «Мейсис», и хочу не торопясь побродить по магазину. «Не торопи меня, Б». Я хотел проверить цены на пластиковые сумки и посмотреть, сильно ли они поднялись с прошлого раза. Я слышал все эти разговоры про «инфляцию» и хотел сам убедиться, правда ли это.

«Такая толпа», — прохныкал Б.

213

Народу было много, особенно для субботы летом.

«Правда, что все эти люди должны были бы уехать?» — спросил я.

«Такие люди не уезжают», — сказал Б, очень едко, как мне показалось.

Я остановился и стал смотреть, как японка в кимоно накладывает макияж на американку в спортивном костюме. Они разыгрывали сценку «Фирма „Шисейдо“ представляет мастера экзотического макияжа — бесплатно». Потом мы прошли мимо большого промоушена «Чарли», мимо галстуков знаменитых дизайнеров, мимо кондитерского отдела — что потребовало от меня огромной силы воли. Я прошел мимо малиново-вишневой смеси, лакричного ассорти, мармеладных бобов, леденцов, шоколадных крендельков, наборов печенья, бисквитов, «Мон Шерри», леденцов на палочках, карамельного ассорти, я даже прошел мимо пробных шоколадок «Уитмен». Запах шоколада сводил меня с ума, но я не сказал ни слова. Я даже не вздохнул и не застонал. Я просто подумал о моих прыщах и желчном пузыре и пошел дальше.

«А где же мужской отдел, Б?» — наконец, спросил я. Мы вошли в отдел сигар.

«Это самый большой в мире магазин», — сказал Б, как будто я сам не знал. — Нам надо пройти от Шестой авеню до Седьмой авеню. Но мы приближаемся к цели — вот «Мужские солнечные очки». Мужские солнечные очки привели к мужским шарфам, мужским пижамам и наконец — наконец! — мужскому белью. Я быстро нашел марку, которую обычно ношу, классические плавки «Жокей». Три штуки стоили пять долларов — инфляция была не очень заметна. Я прочитал этикетку на пластиковом пакете, в котором они продавались, чтобы убедиться, что они не изменили своих знаменитых «комфортабельных деталей»: «Эксклюзивный крой — хорошо сидят, обеспечивая потребности мужчины; специально подогнанные детали — залог комфорта, не оставляют зазоров; плотная резинка на талии гладкая и жароустойчивая; более прочные и долговечные ненатирающие отверстия для ног в форме V; мягкая резинка только с внешней стороны бедра; высокоабсорбирующий 100-процентный прочесанный хлопок». Пока все хорошо, подумал я. Я проверил «Инструкции по стирке» — «Машинная

214

стирка, сушка». Все было в порядке, все как всегда. Терпеть не могу, когда находишь товар, который тебе нравится, который подходит тебе, а потом его меняют. Чтобы «усовершенствовать». Терпеть не могу все «новое, усовершенствованное». По-моему, им просто надо делать совершенно новый товар вместо этого, а старый оставить в покое. Так будет два вида продукции, из которых можно будет выбирать, а не половина одного старого. Хотя бы «классические плавки „Жокей“» все еще были классическими, но прежде чем брать на себя ответственность покупки, я решил попросить продавщицу показать мне, что еще есть на рынке белья. Эта продавщица была приятной полноты, в опрятном темно-синем платье спортивного покроя, а вокруг ее двойного подбородка был повязан красный с белым шарф. У нее была приятная улыбка и очки с искусственными бриллиантами на оправе. Это была именно такая продавщица, с которой удобно разговаривать о белье.

«У вас есть „Би-Ви-Ди“?» — спросил я

Она поправила очки на носу, передвинув их на самую переносицу и сказала: «Нет, „Би-Ви-Ди“ у нас не бывает».

«А у „Мейсис“ есть собственная марка, как у „Сакса“?» — включился Б. Кого он пытался поразить? Продавщицу?

«Конечно. Вот здесь у нас „Мейсис Супремейси“. — Она взяла упаковку и показала мне. — Две штуки стоят пять долларов».

«Две за пять долларов! Вот эти стоят пять долларов за три штуки», — воскликнул я. В руке у меня были «Жокей».

«Ну марка „Супремейси“ лучше. Они лучше сидят. У нас еще есть „Мейсис Кентон“. Три штуки — четыре пятьдесят».

Она протянула мне упаковку «Кентон».

«Эти тоже чистый хлопок», — сказал я.

«Знаете, есть разные *категории* хлопка», — ответила она.

Я был сбит с толку. Я стал рассматривать упаковку «Супремейси» внимательнее. «Что это такое — „боковые панели выполнены швейцарской резинкой“? Это, что ли, улучшает качество?»

«Это, — сказала продавщица, — и еще качество хлопка».

«Но что это такое — „боковые панели — швейцарской резинкой“?»

«Откуда я знаю? Они от этого лучше сидят, — мрачно сказала она. — Какую марку вы обычно носите? „Би-Ви-Ди“?» «Жокей».

215

«Жокей. — Теперь в ее голосе зазвучало торжество. — У „Супремейси“ более вытянутый крой, чем у „Жокея“. Эти плавки длиннее. Но если вам нравится крой „Жокея“, я бы посоветовала придерживаться этой марки».

«Сколько пар мне купить?» — промямлил я, обращаясь к Б. Не было смысла просить продавщицу показать мне еще что-нибудь. Она уже приняла решение за меня. — «Мне нужно штук двадцать восемь».

«Ты не можешь купить двадцать восемь, если в упаковке три штуки — объяснил Б. — Можешь

купить двадцать семь или тридцать, но не двадцать восемь».

«Тогда ладно, возьму пятнадцать».

«Наличные или чек?» — спросила продавщица.

«Наличные», — ответил я. Не люблю чеки. Когда платишь деньгами, больше похоже на покупку. Продавщица пошла распорядиться об оплате. Другая продавщица, очень похожая на нее, подошла к нам и спросила: «Вы вместе?»

«Мы вместе?» — спросил я Б.

«Да, — сказал Б слегка раздраженно. Вторая продавщица ушла. — Посмотри на эти нейлоновые плавки „Жокей Зареб-ред“». Б показал на соседнюю полку.

«Они лучше?»

«Ты можешь в них плавать», — сказал Б. Продавщица вернулась и принесла сдачу. «У нас здесь есть плавки для купания, — сказала она. — Давайте я их вам покажу».

Мы последовали за ней по узкому проходу, вдоль которого висело множество разных видов белья, о существовании которых я и не предполагал.

«Вот», — сказала она, протягивая Б упаковку плавков типа бикини.

«Это „Жокей“?» — спросил я.

«Жокей-лайф».

«А другие цвета бывают?»

«Есть узор „Воздушные шары“», — сказала она, вручая мне пакет с сине-зелеными бикини «Жокей-лайф».

«А белые они бывают?»

«Нет, но у нас есть другие плавки „Жокей“, вот здесь — „Жокей-скин“. Есть и белые, но они не такие короткие».

Я осмотрел упаковку, пытаюсь представить себя в «Жокей-скин» вместо классических плавков «Жокей». Но мне

216

это никак не удалось, и я отдал ей упаковку и поблагодарил за помощь.

Когда мы проходили дальние закоулки Отдела мужского белья, я вдруг заметил, что мы с Б — единственные мужчины во всем отделе. И ведь там не было пусто. Повсюду были женщины. Сначала я задумался, не покупают ли теперь женщины мужское белье точно так же, как они покупают себе мужские джинсы и мужские свитера, но потом я заметил, что вокруг были женщины средних лет, замужнего вида, которые делали покупки для своих мужей. Вот, наверное, к чему сводится брак — твоя жена покупает тебе белье.

Б свернул в уголок экзотического белья — трусы из сетки, набедренные повязки — и развлекался, читая этикетки. «Посмотри вот на это, — сказал он. — Здесь написано: „горизонтальный клапан для легкого доступа“».

«Странно, — сказал я. — Почему здесь карман на ширинке?»

«Это и есть горизонтальный клапан для легкого доступа, — захихикал Б. — А здесь написано „Первоклассно для естественного удобства“».

«Ну пошли, мне нужно купить носки», — сказал я.

Отдел мужских носков тоже кишел женщинами. Вот что, наверно, не в порядке с Америкой. Мужчины не покупают.

«А где „Супп-Хоз“?» — спросил я Б.

«Ты носишь „Супп-Хоз“?» — спросил Б. — У тебя что, артрит?»

Артрита у меня нет, но я хочу быть готовым к нему, когда он придет. А еще мне нравятся «Супп-Хоз», потому что они очень плотные, и между ногой и ботинком остается больше места за те же деньги. Я нашел полку с «Супп-Хоз» и прочитал этикетку на одной из коробок: «Новинка — Антистатик — 100% нейлон». Меня немного обеспокоило слово «Новинка». Я попросил Б позвать продавца. Он нашел продавца за углом, где он приводил в порядок полку с носками «Камп», и привел его. Продавец был очень высокий, с очень короткой стрижкой, на нем был оливково-зеленый костюм-тройка из немнущейся полиэстровой ткани «дакрон», ярко-зеленый галстук «Рустер», желтая рубашка «стирай и носи», скорее поношенная, чем постиранная, и ботинки «Хаш Паппиз». Запах его одеколона был похож на «Хай Карате», но, возможно, это был и «Джейд Ист». Он вкрадчиво улыбнулся.

217

«Почему здесь на пакете написано „новинка“?» — спросил я его.

«Это носки двух цветов, сэр, новинка в ассортименте „Супп-Хоз“». — Его улыбка оставалась довольно вкрадчивой.

«Нет, — заявил я, — мне нужны однотонные».

«Хорошо, сэр. У нас есть однотонные носки четырех цветов — черные, коричневые, темно-синие и средне-серые».

«Покажите, пожалуйста, темно-синие».

«Вот темно-синие. Они выглядят темными, но здесь освещение не такое, как на открытом

воздухе».

«Возможно, мне стоит купить черные, как обычно. Сколько пар у вас здесь?» — я порылся на полке, выискивая пары черных носков маленького размера.

«Сэр, здесь у нас восемь, но я могу принести вам, сколько вы захотите».

«Восьми хватит, — я не хотел, чтобы он устроил себе перекур на складе за счет моего времени. — И пожалуйста, выньте их из коробок. Коробки неудобно носить с собой».

Его вкрадчивая улыбка угасла. «Сэр, они на картонках».

«Это ничего. Просто выньте их из коробок. Картонки можете не снимать».

«Я только должен сказать, сэр, если вы по какой-то причине захотите их вернуть, вы не сможете их вернуть, если они будут не в коробках».

«Нет, я их не буду возвращать». Я никогда ничего не возвращаю. Это даже хуже, чем не покупать. Продавец стал вынимать их из коробок. Когда дошел до седьмой коробки, я спросил: «А какая-нибудь другая марка у вас есть?»

«Мы продаем еще одну марку — „Мандат“. Они не такие эффектные. Но они дешевле».

«Нет», — сказал я.

В этот момент Б вернулся, купив себе охапку разных носков темных респектабельных оттенков — темно-синие, коричневые, темно-зеленые, маренго, черные.

«Почему ты покупаешь носки разного цвета, Б?»

«Чтобы их легче было разбирать после стирки».

«Но если ты купишь все носки одного цвета, ты сможешь носить любую пару носков, какую ни возьмешь».

Мы заплатили за носки и пошли по магазину «Мейсис». Там

218

была жуткая давка и шум, и он гораздо меньше был похож на музей, чем «Блумингдейл». Я предложил пообедать где-нибудь в магазине.

«Обедать в универмаге?» — Б просто пришел в ужас, как будто я предложил ему трапезу на помойке. Баловень он несчастный, дитя послевоенного изобилия.

«Ладно, Б, пообедаем в отеле в центре, — Б заулыбался; он был жутко доволен. — Но сначала зайдем в „Джимбел“. Может, у них есть старинные драгоценности. У них есть комиссионный отдел».

На улице я заметил, что Нью-Йорк — не Париж. 34-я стрит кишела потенциальными вымогателями, потенциальными насильниками, потенциальными дегенератами, потенциальными убийцами. А вот потенциальных жертв было почти не видно.

«Давай зайдем в „Вулворт“ на 33-ю стрит и в „Джимбел“, — сказал я. Я раньше покупал белье в магазине «Вулворт», и сохранил к нему сентиментальную привязанность. Первое, что замечаешь, когдаходишь в «Вулворт», — это запах кур, жарящихся в гриле. Они пахли так хорошо, что я всегда чуть было не покупал себе порцию, хоть я и не люблю жареную курицу. В высокосклассных магазинах продают по «витрине», в магазинах низкого класса продают по «запаху». Б, конечно, сморщил нос и ринулся вперед.

«Почему ты торопишься, Б?»

«Это жужжание действует мне на нервы».

«Какое жужжание?» Я прислушался и действительно услышал жужжание, возможно, кондиционеры были не в порядке, но для меня это жужжание совершенно заглушалось запахом жареного арахиса.

«Разве ты не рад, что родился богатым, Б?» Б по своему складу не такой человек, у которого в кармане пять долларов десять центов, так что ему повезло, что он родился не в пятидолларовой семье.

Мы почти дошли до той стороны «Вулворта», которая выходит на 33-ю стрит, где продаются открытки с объемным изображением Всемирного торгового центра и поздравительные звуковые открытки, говорящие по-испански. Мы вышли, перешли улицу и вошли в магазин «Джимбел». Там были такие же давка и шум, как в «Мейсис». Б застонал: «По-

219

чему бы нам не посмотреть на старинные драгоценности в „Картье“?»

«„Картье!“ — я начинал всерьез сердиться на Б. — Слушай, Б, по-моему, мы должны так проводить время каждый день, тебе было бы очень полезно выходить в свет и смотреть, какова жизнь на самом деле. Она не начинается в „Саксе“ и не заканчивается в „Блумингдейле“. Это не бутик „Ив Сен-Лоран“. Тебе, наверное, следует почаще покупать белье и носки и заходить в десятицентовые магазины». Б сделал гримасу. «Это и есть жизнь, Б!» Я отвернулся от Б с отвращением и заметил двух маленьких девочек, лет десяти-двенадцати, которые рылись в ящике с футболками. «Эти девчонки воруют!» — воскликнул я.

«Вот сколько ты знаешь о реальном мире, — сказал Б, — разве ты в детстве никогда не открывал ящики, просто чтобы посмотреть, не лежит ли там что-то другое, не такое как на прилавке?»

«Нет».

«А я открывал ящики и находил разные цвета, размеры и фасоны. И вообще, почему нельзя воровать в магазинах? Разве ты никогда не воровал в магазине?»

«Нет». Мне не хотелось спорить с Б. Я обнаружил магазин «Вход и выход» — джимбеловский вариант «интеллектуальной» лавки. Я стал раздумывать, не скупить ли его на корню

— все до последнего поддельного витража; каждый мексиканский серебряный браслет, каждый постер с кармасутрой, каждое зеркальце в рамке из маргариток, каждое павлинье перо. Все это, вероятно, будут коллекционировать в 80-х годах. Общедоступное искусство. Пластмассово-психоделиче-ский стиль 60-х. Тогда уже не останется ничего от 20-х, 30-х, 40-х и 50-х годов.

Б кинулся в отдел школьных принадлежностей: «А ты покупал новый ланч-бокс, и портфель, и блокнот, и карандаши каждый сентябрь? Это было мое любимое время года. Как было интересно делить блокнот на части разного цвета для каждого предмета! Я никогда не мог решить, какая обложка для книги мне нравится больше — блестящая обложка „Айви Лиг" или простая обложка из коричневой оберточной бумаги, которую надо было делать самому. А у тебя были такие обложки, А?»

«Для чего?»

220

«Для школы». «Нет».

Я спросил проходящую мимо продавщицу, как найти Комиссионный ювелирный отдел, и она сказала, что надо пройти мимо косметики. Мы пошли дальше. Сценка «Фирма „Ши-сейдо"» представляет мастера экзотического макияжа — бесплатно разыгрывалась и в магазине «Джимбел».

На первом этаже, в ювелирном отделе, висел плакат: «Конец сезона — распродажа золота — скидки 20-50%». Я задумался, какой сезон у золота. Единственный продавец помогал покупательнице примерить кольцо. «Ну, как вам это?» — спросил он.

«Тесно», — ответила покупательница. Хотя я и не желал прерывать процесс покупки, но пришлось: «Где у вас Комиссионный ювелирный отдел?» «Комиссионный ювелирный отдел на пятом этаже». Мы с Б направились к лифту. По пути вверх я заметил, что вниз направляется Роберт Редфорд. «Посмотри, Б, вон Роберт Редфорд». Может быть, это был и не Роберт Редфорд. Но у него были белый костюм, волосы песочного цвета и широкая улыбка.

«Моя сестра на днях видела Роберта Редфорда на Мэдисон авеню», — сказал Б.

«Я на днях тоже его видел. Он, наверное, в городе».

«Моя сестра пошла за ним по Мэдисон».

«А я поехал за ним в такси».

«Он живет на Пятой авеню».

«Я ехал за ним по Парк авеню, от 64-й стрит до 65-й стрит. Он шел слишком медленно, и я потерял его из виду».

«Сестра говорит, его никто не узнал».

«Я знаю, по Парк авеню за ним следовал только я».

Мы доехали до третьего этажа, и там был полосатый летний костюм на манекене, похожем на Роберта Редфорда.

«Из универмага я выхожу, — Б говорил это, когда мы подъезжали к четвертому этажу, — как будто меня по голове огрели. Мне нравятся только маленькие магазинчики. Большие магазины слишком утомляют».

«Но в больших магазинах можно купить дешевле».

«Если хватит терпения на поиски. Но только подумай, сколько времени на это трратишь».

221

На пятом этаже Комиссионный ювелирный отдел был совсем рядом с эскалатором. Там было два прилавка, сверкающие брильянтами, рубинами, изумрудами, золотом, серебром. На первом прилавке все выглядело новым. Я спросил продавца, нет ли у них украшений 40-х годов. Он сказал, что нет.

«А прилавков со старинными украшениями у вас есть?» — настаивал я.

«Там тоже ничего нет», — ответил он.

Я подошел к продавцу за вторым прилавком. Он увидел, что я приближаюсь, опустил голову и сделал вид, что пишет в своей книге заказов.

«Извините». — Он не поднял головы. — «Я ищу старые украшения. У вас они есть?» — Он все еще не поднимал головы.

— «Я прочитал ваше объявление». — Он наконец взглянул на меня и сказал: «Нет».

«Ну у вас же комиссионная распродажа, если верить объявлению», — никогда в жизни мне еще не приходилось столько трудиться, чтобы сделать покупку.

«То, что на распродаже, вперемежку со всем остальным,

— сказал он. — Мы не держим это в отдельной витрине». — Он махнул рукой над прилавком. Я посмотрел через стекло. Мой взгляд привлек очень простой золотой портсигар трех оттенков.

«Сколько он стоит? — спросил я. — Он продается на распродаже?»

«Нет».

«Почему нет?»

«В рекламе его не было».

«Нет, а что еще здесь есть? Я ищу что-нибудь с большим камнем. Большим, большим камнем».

«Вон там есть кольца. Может, найдете что-нибудь подходящее».

Я стал смотреть.

«Помнишь, — сказал Б, — какой большой аметист мы видели в Париже? Какой фиолетовый! Он был сибирский, а не южноамериканский. Он принадлежал царской семье». — Пока Б говорил, драгоценности в витрине «Джимбел» казались все меньше и меньше.

Одна золотая брошь с брильянтом в стиле 40-х годов мне понравилась; она напомнила мне добрые старые времена.

222

«Можно посмотреть вот эту?»

«Вот эту?» — спросил продавец, беря ее так, как будто это был паук «черная вдова».

«На ней есть подпись дизайнера?» «Нет».

«Это хороший брильянт?»

«Хороший ли это брильянт?» — Внезапно черный паук превратился в бабочку. — «Да, сэр. Это очень хорошая покупка. Эта брошь на распродаже. Здесь брильянт два карата». «Пойдем, Б, — прошептал я. — Этот парень просто кошмарный».

Когда мы направлялись к эскалатору, я услышал, как покупатель спрашивает продавца за другим прилавком: «Вы имеете в виду, у вас может еще три года не появиться такого?» «Совершенно верно. Заходите через три года». «Но цена будет та же?» «Я не знаю, какая цена будет завтра». Я ступил на эскалатор, раздраженный тем, что продавец помешал мне сделать покупку.

«Как получилось, что ты так любишь драгоценности, А?» —

спросил Б.

«Не так уж я и люблю драгоценности. Пойдем, купим стельки „Доктор Шолл“. Драгоценности не заменят новых стелек».

«Я бы предпочел драгоценности», — сказал Б.

«Почему?»

«Потому что брильянт — это навсегда», — сказал Б.

«Навсегда что?»

223

Уорхол Энди

У64 Философия Энди Уорхола (от А к Б и наоборот) / Пер. с английского — М: Изд. Д.Аронов, 2002. — 223 стр. ISBN 5-94056-006-7

Книга самого известного американского художника-авангардиста, суперзвезды андеграунда 60-70-х годов, в которой он размышляет о себе, своем искусстве, о простых и сложных жизненных проблемах, о людях и вещах, окружавших его.

Энди Уорхол

Философия Энди Уорхола (от А к Б и наоборот)

Перевод с английского Г.Северской Редактор Е. Романова Художник Д.Аронов

Издатель Аронов Д.В.

Лицензия ИД №01703 от 05.05.2000

e-mail: ardes@rol.ru

www.aronov-books.ru

ББК85.14 УДК 7.071

Формат 84x108/32

Печать офсетная. Бумага офсетная

Тираж 2000 Заказ №4482

В издании использован шрифт Humanist Cyrillic. 2001 Дизайнер шрифта Т.Сафаев

Отпечатано в ОАО Типография «Новости» 107005 Москва, ул.Фр.Энгельса, 46

ISBN 5-94056-006-7

Энди Уорхол (1928-1987), пожалуй, самый радикальный, самый значительный и самый известный американский художник. Его откровенно заимствованные и растиражированные изображения Мэрилин Монро, Элвиса Пресли, кока-колы и американского доллара буквально встряхнули мировое искусство. Это была эпоха 60-х годов с их вулканическим всплеском молодежной энергии, жаждой обновления, активизацией массовой культуры и появлением поп-арта. Именно эта Америка стала главным героем произведений Уорхола, принесших ему славу первой среди художников суперзвезды. Популярность Уорхола была невообразимой. На одной из выставок он даже выставил себя самого как свое произведение. Энергия Уорхола проявляла себя в самых различных сферах, являя новый тип современного художника. Его бесчисленные шелкографии,

его длящиеся десятками часов фильмы, его вездесущий постоянно включенный магнитофон, созданный им журнал Interview, где звезды берут интервью у звезд, его Фабрика, как он именовал свою студию, его тусовки и выкрашенные в серебряный цвет волосы — все это Уорхол-художник. Книга «Философия Энди Уорхола (От А к Б и наоборот)» также стоит в этом ряду. Она не похожа на привычные воспоминания и декларации художников, это скорее чисто литературное, эссеистски многосложное произведение, ряд глав которого написаны в жанре диалога Энди (А) с неким собеседником (Б). Текст этой книги является ключевым для понимания личности и творчества Энди Уорхола. Текст о любви и славе, о времени и смерти, об искусстве и красоте и о том, как хранить деньги и как заниматься уборкой, и почему каждому нужен парикмахер, а стельки иногда оказываются важнее брильянта. Простые и сложные истины каждого дня жизни художника.

Сканирование и форматирование: [Янко Слава](#) (Библиотека [Fort/Da](#)) || slavaaa@yandex.ru
|| yanko_slava@yahoo.com || <http://yanko.lib.ru> || Icq# 75088656 || Библиотека:
<http://yanko.lib.ru/gum.html> ||

update 15.11.05
